

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Краснодарский государственный институт культуры»
Кафедра истории, культурологии и музееведения

ИСТОРИОГРАФИЯ
ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ И
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

для студентов, обучающихся
по направлению подготовки 51.03.04

Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия

Часть 1

Краснодар
2016

УДК 303.446(075.8)
ББК 63.1я7
И 903

Рецензенты: Семенов А.А. – д.и.н., профессор
Багаева Е.М. – к.и.н., доцент

Пособие разработано в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия

И 903 Историография. Хрестоматия для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе. Часть 1 // сост. Н.Б. Акоева; – Краснодар: КГИК, 2015. – 122 с.

Хрестоматия предназначена для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе студентов 4 курса дневного и заочного отделений социально-гуманитарного факультета, обучающихся по направлению подготовки 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия по дисциплине «Историография». Наиболее важной частью пособия являются фрагменты из произведений историков России и современных исследователей по разнообразным проблемам истории исторической науки. Студенты смогут познакомиться с научными оценками важнейших проблем истории России.

Рекомендовано к печати научно-методическим советом КГУКИ
протокол № 3 от 18.11.2014

© Акоева Н.Б. 2016
© Оформление. КГИК. 2016

Пояснительная записка

Хрестоматия предназначена для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе студентов дневного и заочного отделений, изучающих курс отечественной историографии до 1917 года.

Цель пособия — помочь студентам глубже изучить общий курс отечественной историографии посредством использования в самостоятельной работе и в процессе практических занятий разнообразного фактического материала, памятуя о том, что основой любого суждения является точный и бесспорный факт.

Наиболее важной частью хрестоматии являются материалы с фрагментами из произведений выдающихся историков России Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, а также современных исследователей. Эти тексты содержат размышления отечественных ученых об особенностях своего ремесла, о мотивации творчества и выбора профессии, об основных ценностях, разделяемых научным сообществом. Время естественным образом вносит свои коррективы в эти важные для профессии историка вопросы.

Представленные тексты сопровождаются вопросами, заставляющими задуматься об особенностях научного творчества, основных концепциях генезиса и истории нашего государства, которые предназначены для самоконтроля и более углубленного усвоения проблем, обозначенных в программе курса историографии отечественной истории.

Материалы хрестоматии помогут студентам приобрести навыки анализа историографических источников, ведения дискуссии, овладеть основным понятийным аппаратом, что в конечном итоге будет способствовать становлению их исторического сознания.

Раздел 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Методические рекомендации

В разделе собраны исследования, определяющие роль ученого в развитии исторической науки.

Прежде всего, это отрывок из работы С.Ф. Платонова о том, как он видит историю и каким по его мнению должен быть историк. Студентам для размышления предлагается прочесть отрывок из дневника С.Б. Веселовского, раскрывающий задачи историка, его творческую лабораторию. В качестве образца ученого можно рассмотреть жизнь и деятельность М.В. Ломоносова. Это поможет студентам подготовиться к семинару о сути и значении историографии и роли исследователя в раскрытии тех или иных исторических событий и явлений.

Важное значение имеет статья О. Медушевой о смене научных парадигм, а значит и историографических концепций. Для раскрытия темы полезны будут освещение исследовательницей различных методологических подходов в гуманитаристике (феноменология, структурализм, постструктурализм), которые в разное время господствовали и продолжают существовать в историографии.

Статьи Шеуджен Э.А. и Хут Л.Р. помогут раскрыть принципиально важные вопросы об историческом и историографическом источнике, историческом и историографическом факте, что будет способствовать лучшей ориентации студентов в вопросах историографии.

Ю.К. Криволапова. Образ ученого в трудах М. В. Ломоносова*

М. В. Ломоносов, как истинный ученый, никогда не ограничивался сферой своих специальных исследований, и всегда стремился выходить на теоретический, мировоззренческий уровень познания действительности. Все его идеи, научные и общественные, освещены философской мыслью. Именно поэтому его взгляды по таким всеобщим проблемам как научное познание, цели и пути общественного развития, роль науки и просвещения в этом развитии носят общезначимый характер. Для студентов, аспирантов, ученых и всех тех, кому не безразлична судьба русской науки, сегодня особый интерес и значимость представляют идеи Ломоносова о профессиональном и нравственном облике ученого, о роли личности ученого в общественном развитии.

Ломоносов считал, что вся жизнь ученого должна быть подчинена двум высшим целям – неустанному преследованию истины и приумножению пользы отечества и всего человеческого рода. Столь высокое призвание ученого предъявляет строгие, но справедливые требования к его профессиональным и нравственным качествам. В регламенте Академии наук Ломоносов указывал, что главное достоинство ученого «состоит в довольном знании своей науки», но так же чтобы он «не совсем чужд был и неискусен в других, сродных с его профессиею науках...». Ломоносов был убежден, что ученый не должен замыкаться в своей узкой области, потому что сама наука едина и все научные дисциплины взаимосвязаны. Поэтому помимо сродных своей профессии дисциплин, ученый так же должен иметь познания в математике, словесных науках и философии. В одном из служебных документов, написанных Ломоносовым, мы читаем: «...кажется, что для важности и славы Академии Наук без дальнего рассмотрения в оную членов не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии не разумеют...». Ломоносов считал, что каждый ученый должен иметь познания в математике, так как она «ум в порядок приводит». Даже ученые, обычно далекие от математических материй, должны знать хотя бы «первые математические основания», иначе без них не смогут «своей практики и расположить порядочно и сообразить рассуждением». Особое

требование Ломоносов предъявлял к знанию словесных наук, чтобы каждый ученый мог «в чистом и порядочном штиле» писать свои сочинения. В заметках по физике и корпускулярной философии он отмечал, что «те, кто пишут темно, либо невольно выдают этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют». Ломоносов боролся в науке с тем, что в негативном смысле называют схоластикой, однако это замечание не потеряло своей актуальности и сегодня. Кроме достойного знания русского языка, Ломоносов всем предписывал иметь познания в иностранных языках, чтобы «читать новых авторов в своей науке» и вести переписку с иностранными коллегами по своей профессии.

Ломоносов полагал, что ученый должен не только усвоить научную мысль во всей полноте и единстве, но «исследовать и открывать то, что еще неведомо», внести свое слово в науку. Для этого необходимо перестать подражать европейским ученым, освободиться от рабского догматизма, найти самостоятельный путь. Ломоносов писал: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падет и с вашею».

В своих сочинениях Ломоносов указывал, что ученый в соответствии со своим благородным призванием необходимо должен обладать высоким нравственным достоинством. В регламенте Академии наук Ломоносов писал, что во всех академиках «должно смотреть, чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностию», и далее, что все они должны «везде наблюдать обще честь Академии, своих предпоставленных и свою собственную, а паче славу и пользу отечества ...трудами и честными поведением и стараться исполнять свою должность». Ломоносов считал недопустимой ситуацию, когда академики все делают «для удержания и укрепления своего самовластия, о приращении наук и о чтении лекций не имея ни малого попечения», когда помыслы их «устраемлены не к развитию наук, а в совершенно другую сторону». Он был убежден, что в отношении между учеными должна соблюдаться честность, справедливость и взаимное уважение. Для науки губительно, когда эгоистические страсти берут верх над стремлением к истине, поэтому более всего «не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей», достойнее будет «признать правильные чужие положения, чем поддерживать свои ложные».

Ломоносов многократно писал о том, сколь велика роль ученого в общественном развитии. Ученый владеет своими знаниями не для самого себя, он призван распространять научные знания, принимать участие в решении общественных проблем, бороться с невежеством, праздною и дурными нравами, просвещать и воспитывать, как убеждением, так и своим собственным примером. Какие конкретные общественные задачи возлагал Ломоносов на ученых? Во-первых, ученые должны непосредственно участвовать в образовании и воспитании нового поколения. Чтобы образование соответствовало современному уровню и высокому стандарту науки, лучше всего, если академики будут исполнять обязанности профессоров в университете. Ломоносов считал, что Академия и Университет могут и должны «не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но, с выгодой для общего дела, сливать и соединять усилия». Во-вторых, академики должны заниматься просветительской деятельностью – писать для широкой публики статьи и брошюры, в которых научные материи изложены доступным языком, и выступать с публичными лекциями. В-третьих, ученые должны принимать непосредственное участие в общественных и государственных делах. Ломоносов писал, что академиком следовало бы «по благо изобретению и по их достоинству и знанию определять в наши коллегии, канцелярии и комиссии членами во все или на нужное время, где им заседать по рангу. Ибо академики не суть художники, но государственные люди и в политических народах имеют заседание по коллегиям и другим

местам присутственным, отчего в делах вящее последует просвещение». Ломоносов понимал, что успешные преобразования в государстве могут быть осуществлены только благодаря науке, широкому образованию и просвещению, поэтому в обществе необходимо развивать любовь и уважение к науке, к научному труду.

Ломоносов считал, что ученые должны занять достойное положение в обществе, соответствующее их высокому назначению. Его угнетало, что над науками властвуют люди ничего ни в науке, ни в устройстве дел ее не понимающие, никакой заботы об ее истинном благе не имеющие. Ломоносов считал унижительным для достоинства ученого терпеть распоряжения и оскорбления от подобных людей, зависеть от них в жаловании и в свободе действия. В европейских Академиях, писал он, профессора «не ждут выплаты жалованья и не вымалывают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом». В Университетском регламенте Ломоносов отмечал, что невозможность для ученого занять достойное положение в обществе препятствует «размножению» ученых людей и распространению наук в России. Так, при долголетней и трудной учебе, при неусыпных трудах на благо отечества, ученые не имеют ни почета в обществе, ни достойного вознаграждения своей деятельности. Во времена Ломоносова за академиками был закреплен чин капитана, выше которого они не могли подняться, и «в частном быту» им приходилось терпеть пренебрежение от чиновников. «Совершенно необходимо, следовательно, чтобы по примеру прочих коллегий профессора, адъюнкты и все остальные низшие академические служащие были возведены в соответствующие чины, пользовались бы в государстве должным уважением и несли бы свои обязанности с бодрым духом».

Итак, М. В. Ломоносов был убежден, что в личности ученого бескорыстное искание истины должно соединяться с нравственным достоинством и деятельным патриотизмом. Важно отметить, что схожие с Ломоносовым идеи о личности ученого, о его общественной роли высказывались выдающимися философами и учеными в XIX – XX вв., что не случайно, так как эти идеи имеют всеобщее и непреходящее значение для человеческой культуры. Требования, предъявляемые Ломоносовым к профессиональным и нравственным качествам ученого, к его гражданской роли актуальны и сейчас, они имеют даже большее значение, чем в XVIII веке, потому что в наше время ученые составляют немалую часть общества и могут оказывать более существенное влияние на духовную и общественную жизнь человечества.

*Вклад М.В. Ломоносова в развитие гуманитарного знания. К 300-летию великого ученого и мыслителя. Учебное пособие. М., 2012 // http://philosophy.mitht.ru/Lomonosov.conf.2011.htm#_Тoc315047318

?? Каковы, по мнению М.В. Ломоносова, цели жизни ученого? Актуальны ли они в наше время? Обоснуйте свое мнение. Каковы требования, предъявляемые М.В. Ломоносовым к ученому?

С.Ф. Платонов. Из введения...к “Полному курсу лекций по русской истории”*

История ...есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно-точную и художественно-цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо:

- 1) собрать исторические материалы,
- 2) исследовать их достоверность,
- 3) восстановить точно отдельные исторические факты,
- 4) указать между ними прагматическую связь и

5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину.

Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни сама наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные, науки. И, однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор, как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, – с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевших целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле – исторический синтез, имеющий цель воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни – жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку – дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с общей историей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своею историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так, и отвлеченные соображения и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу – систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию.

*Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2000. С. 8 – 11.

?? Как С.Ф. Платонов определяет предмет исторической науки? Назовите основные компоненты структуры исторического исследования по С.Ф. Платонову. Как вы полагаете, в какую методологическую парадигму вписывается структура исторического исследования С.Ф. Платонова?

С.Б. Веселовский. Дневники 1915, 1917 гг.*

7 января

Следует писать так, чтобы и читателю оставалось, что додумывать. Искусство – в том, чтобы читатель додумывал именно то, что имеет в виду автор, и сам дополнял недосказанное автором.

Буало: кто не умеет ограничивать себя, тот никогда [не] будет в состоянии (хорошо) писать.

Мысль есть нечто текучее, изменяющееся, не определенное. Чтобы выразить ее хорошо, нужно уметь ограничивать ее словом: говорить ни больше, ни меньше того, что уяснил себе и хочешь выразить.

3 февраля

Дней десять тому назад у меня был С.Ф. Платонов. Жаль, что не записал разговора по поводу 1 т. Сошного письма. На мой вопрос, прочел ли он книгу, он сказал, что прочитал ее раз, но тут же прибавил, что такую книгу надо прочесть не раз, чтобы составить себе определенное мнение, а изучить. “У нас в П[етрограде] “молодежь” обзавелась Вашей книгой и смотрит на выход ее как на событие. Я вполне к этому присоединяюсь. Читая ее, чувствуешь; что в основу ее положен огромный материал, и чувствуешь под собой прочную почву. Собственно, с Вашей книги начинается прочное исследование этих важных вопросов”. С. Ф. находит, что читать очень трудно, но это от того, что тема очень сложна, а “язык ясный и определенный, такой, к которому мы не привыкли. У нас в П[етрограде] так не умеют писать. Нет ни одного выражения, ни слова, которое могло бы показаться лишним или вызвать улыбку” (!). “Мне нравится, что Вы не щеголяете, как Лаппо-Данилевский, своими познаниями в финансовых и экономических вопросах, хотя местами и высказываете субъективные мнения.

10 ноября

Вчера и позавчера был занят просмотром оконченных глав II тома С[ошного] п[исьма], исключительно для того, чтобы удалить все иностранные слова, которые могут быть заменены русскими без ущерба для мысли и выразительности. Таковых оказывается довольно много. Вместе с тем стараюсь сделать язык более простым.

19 февраля

Много ходил на лыжах. Опьянел от чистого воздуха; Гуляя, обдумывал статью о XXV главе Уложения, что сказать и как расположить материал...

Как только окончу Сошное письмо, возьмусь за эту статью; надо проверить и обосновать мои предположения. Менее продумана работа о XXI главе. Не хватает материала. Следует поискать его в делах Сыскных приказов.

По дороге в Верзилово, в вагоне, обдумывал план и некоторые подробности статьи о Белозерском крае в первые годы после Смуты. Года три тому назад я читал ее с черновика в Обществе Истории. Тогда она произвела впечатление. В.Т. Глазов, Любавский и другие были весьма заинтересованы. Барсов заявил, что в Обществе давно не было такого яркого, красочного и значительного доклада. Об этом не берусь судить, а напечатать не считаю возможным без полной переработки. Когда-то будут необходимые для этого время и душевная свежесть? Не раз приходила мысль; что этот этюд надо переработать и написать без ученого аппарата, давши волю воображению. Дело впрочем

не в этом, а в том, что давать только бытовые, хотя бы и яркие картины, как мне кажется, не стоит, а основной мысли, тезиса и вывода у меня нет. Б.[ыть] м.[ожет] они есть, но еще не родились и мне не ясны. И когда я докладывал, их не было, но слушатели не обратили на это внимания и не заметили. Б.[ыть] м.[ожет] я сам виноват. Неясно была выражена мысль, что Смуту питала нравственная смута в среде самого населения, которое терпело и даже само участвовало в грабежах и разоренье; шайки литвы и воров были настолько ничтожны, что не были бы в состоянии причинить то разоренье, которое сделали, если бы не попустительство и содействие населения. Это – так, а рядом – неуклюжая московская власть, бессильная против “литвы” и победоносная против “воров” только тогда, когда последние лишились поддержки поляков и литвы, с одной стороны, и “наказавшегося” населения, с другой. Итог – переход черных и дворцовых крестьян, в большом количестве, на положение крепостных – “так кончился пир наш бедою”...

11 апреля

Большая усталость от множества тяжелых впечатлений и беспокойство за будущее совершенно парализуют творческую работу мысли... А пока для меня несомненно, что я не способен совершенно работать. И вовсе не потому, что устал за зиму, а потому, что все сошлось и сплелось, чтобы обессилить меня, и отсутствие научной среды, и глубокая неудовлетворенность в личной и семейной жизни, и переживаемое военное время.

14 апреля

Завтра возвращаюсь домой. Немного передохнул, а чтобы поправиться совсем, нужно 2 – 3 месяца. В настоящее время это для меня невозможно.

Если соединить все отзывы, письменные и устные, о 1 т. С.[ошного] п.(исьма), то приходится думать, что я написал действительно исключительное произведение. Богословскому не нравится план, но язык он находит прекрасным, ясным, чистым и выразительным. Плато[но]в сказал относительно языка: у нас в П[етрогра]де так не умеют писать; язык точный, ясный и чистый. Думаю, что язык П т. много лучше, чем в 1-м, так как я обратил на это больше внимания, имел больше времени поработать и действительно много поработал. Последний черновик я еще раз пересмотрел с исключительной целью удалить, по возможности, все иностранные слова. Бахрушин, кроме языка, отметил законченность манеры изложения вообще. План, расположение материала и изложение очень понравились Заозерскому. В.О. Ключевский в “Семи сборах” отметил “мастерство” в обработке и пользовании первоисточниками, а А.И. Яковлев несколько раз говорил, что в этом отношении у меня нет “соперников” среди современных историков. Кизеветтер находит, что у меня удивительно прослежен и мастерски разработан вопрос о влиянии частного землевладения на сошное письмо и порядки обложения. Суждений о работе в целом пока еще могло, конечно, быть [больше – ?]. Все признают, что я располагаю огромным материалом и умею хорошо им пользоваться.

Мне дороже всего, чтобы были оценены и признаны основные мысли моей работы. Я уверен, что если они будут переварены и усвоены исторической наукой, то окажут большое влияние на последующие работы и приложение их к некоторым основным вопросам русской истории может дать очень хорошие плоды...

6 сентября

Неугомонная энергия моего духа постоянно истощает и подрывает физические силы. Работа мысли и быстрая смена чувствований ослабевают только тогда, когда я разбит физически. Нет равновесия. Не понимаю и, кажется, никогда не пойму, что это такое: недостаток это природы или результат моей жизни, как она сложилась и складывается. Или это обратная сторона, “проклятие” талантливости. Природа дала

много, но за свою щедрость наградила вечной неудовлетворенностью. А эта ужасная сложность жизни и работы духа!

21 октября

В среду (19-го) мой доклад начался в 8 ½ ч. и длился около часа. Затем говорил 1 ¼ ч. Богословский. Я ему отвечал и “дебат” затянулся до 11 ¾ ч., когда Любавский предложил перенести окончание на следующее заседание. Я доволен. Испытываю приблизительно то, что должен испытывать порядочный человек, шедший по своим делам по улице и встретивший хулигана, который ни с того ни с сего вознамерился причинить ему членовредительство, но, замахнувшись, поскользнулся и упал. Тон и содержание речи Богословского были настолько недостойны и слабы, что произвели скверное впечатление на весьма многих. Яковлев и Бахрушин очень довольны спокойствием и достоинством, с которым возражал я.

Вчера большое объяснение. Не договорились до конца, но многое мне стало понятным. Если тут нет (в чем я еще сомневаюсь) элементов мещанской комедии, то дело пахнет подлинной трагедией. Кажется, никто этого еще не подозревает...

15 ноября

Мелочи повседневной жизни отвлекают не только от серьезной работы, но и от дум о будущем. Многие теперь живут в состоянии какого-то духовного анабиоза – вот, кончится война, тогда снова будет жизнь, а пока надо все переносить и терпеть.

*Веселовский С.Б. Дневники 1915, 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89 – 118.

11 октября

...Говорят: “реальные”, отдельные факты и противопоставляют им обобщения, философские и исторические. Это противопоставление мне кажется совершенно неправильным. И факты, и обобщения реальны или не реальны, смотря по тому, что считать реальностью. В жизни мы познаем отдельные факты при помощи пяти чувств и обобщаем их силой логического разума, но разве только разум участвует в этом обобщении фактов? Нет, нет и нет. В обобщениях принимает участие и подсознательное и, б.[ыть] м.[ожет], даже и бессознательное нашего я.

То же самое – в исторических научных обобщениях. Разница только в том, что исторические факты мы воспринимаем не непосредственно, а через исторические документы. Исторический факт, вводимый нами в исследование и употребляемый для обобщений, есть результат очень сложного процесса работы мысли и наших привычных понятий, которые сами по себе образовались очень сложным путем только при участии логики, а не ею одною.

Поэтому задача историка не может состоять в том, чтобы рассказать, “как это было”, а в том, чтобы ясно изложить, как я себе представляю, как это было, и почему я представляю себе это именно так, а не иначе...

13 октября

Обыкновенно мне трудно говорить и еще труднее писать, т. к. я с большим напряжением подыскиваю соответствующие мыслям слова. Это утомительно, но б. м. хорошо, т. к. этим именно объясняется ясность и точность мысли и языка в моих писаниях. Я вымучиваю, в подлинном смысле этого слова, свои фразы и никогда не употребляю ничего не значащих шаблонных выражений, переходов от одной фразы к другой, словом, пустых слов. Это – свойство моего ума и натуры. Слова, готовые сочетания слов никогда не имели надо мной власти. Слово не отделяется у меня от мысли, а рождается непосредственно из нее. Отсюда, вероятно, та “искренность”, которую не раз во мне отмечал Ал. И-ч [Яковлев], но которая, прибавлю я, совмещается во мне с некоторой

дозой лукавства. Отсюда, по-видимому, и мое непреодолимое отвращение перед диалектикой.

*Веселовский С.Б. Дневники 1915, 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С.95

?? Как понимает задачи историка С.Б. Веселовский? Какие факторы называет С.Б. Веселовский в качестве определяющих творческую деятельность историка? Как понимает С.Б. Веселовский служение своей науке? Каковы требования, предъявляемые С.Б. Веселовским, к научному языку? Какова роль источника, по мнению С.Б. Веселовского, в историческом исследовании? Что С.Б. Веселовский понимает под историческим фактом? Определение С.Б. Веселовским значения оппонентного круга для исследователя.

О.М. Медушевская. Историк в динамике XX века*

Тема "Историк во времени" – это тема соотношения "частицы" и "волны": историк как явление самодостаточно, но реализация его творческих возможностей определяется тем, как он соотносится с тенденциями социокультурного процесса, в которые вовлечен в рамках конкретного пространственного и временного контекста.

При индивидуально-биографическом подходе за пределами информационного поля остается то, что называют "ценой вопроса", ценой того или иного выбора. Академическая наука или преподавание, продолжение традиции или выход за ее пределы, даже институционально-административные предпочтения, с которыми связывает себя ученый, становятся более объяснимыми, если возможно понять, что стояло за ними. Даже если этот выбор осуществляется в собственно профессионалистских рамках, в пределах одного научного сообщества. А это значит, что для начала следует обозначить ведущие векторы в той динамике развития науки и общества, влияние которых, более или менее осознанно, и ощущалось и принималось во внимание в ситуациях профессионального выбора XX в. Целесообразно поэтому в данном докладе рассмотреть ведущие тенденции гуманитарного знания в динамике новейшего времени. Наш особый интерес привлекает современная ситуация, которую мы определяем как начало методологического поворота по всему спектру гуманитарных и социальных наук, – поворота к специальному рассмотрению проблематики логики строго гуманитарного знания. Историческая наука и теперь еще не стала в представлениях общества (и части самого научного сообщества) строгой наукой. Однако, на протяжении XX в. в ней создано и функционирует направление, которое ставит перед собой задачу теоретического обоснования и идентификации гуманитарного знания как строго научного, а также реализует данный подход в научно-исследовательской деятельности и в образовательных моделях. Знаменательной вехой на этом пути было создание курса методологии истории (введенного в Петербургском университете с 1906 г. в качестве общего с соответствующими семинарами) и опубликование труда А.С. Лаппо-Данилевского "Методология истории" в 1910 – 1913 гг. Направленность этого труда на формирование логики строгой науки было очевидно для относительно узкого, но сильного своим интеллектуальным влиянием круга гуманитариев. "Работа ученого, – писал А.Е. Пресняков, – всегда должна быть насквозь сознательной и планомерной, – таково основное требование "Методологии". Для этого необходимо изучение этой работы в ее приемах, методах и задачах; необходима тщательная, детальная разработка ее техники. Методологическая устремленность А.С. Лаппо-Данилевского глубоко отразилась и на его личной исследовательской работе и на его преподавании".

В современных науках о человеке заметнее становится актуализация строгих исследовательских методологий. Под ее влиянием происходит переориентация общественного интереса в сторону тех областей гуманитарного знания, которые в принципе сами идентифицируют себя со строгими методами, обращены к изучению

структур, типологий, универсалий в науках о человеке. Постепенно утрачивает свои позиции первоначально достаточно распространенный постмодернистский культурологический тезис об идиографичности и неповторимости феноменов культуры, альтернативности методологий наук о духе и наук о природе. В его рамках сознательно акцентируется абсолютизация специфичности познавательных приемов гуманитаристики (принципиальная нераздельность объекта и познающего субъекта, и как ее следствие неразграниченность текста и его интерпретатора, конфликт интерпретаций, не сводимых к более полному познанию объекта). В трудах постмодернистских культурологов хорошо выражена эта неопределенность.

"Неопределенность и расплывчатость", – по выражению М. Фуко, – "почти всех" областей гуманитарного знания" стала более очевидной, порождая, в свою очередь, стремление расширить сферы применения структуралистских методологий. Структуры, не зависящие от представлений познающего субъекта, выявляющие устойчивые свойства культурных феноменов, открывают возможности типологических сопоставлений и, что особенно важно – повторных обращений к исследованию феноменов культуры. Универсалии языка и универсалии антропологии стали основой для структурных методологий. В свою очередь, они послужили импульсом для поисков структурных закономерностей в других исследованиях культур. Однако эти поиски оказались трудными. Что представляют собой структуры? Онтологическая ли это модель или всего лишь оперативная модель исследования? Разумеется, онтологическая модель открывает совершенно иные возможности для строгой науки. Но в рамках знаково-речевой, семиологической парадигмы остался без ответа вопрос о том, где искать и находить такие структуры. В этом главное противоречие структурализма, его сущностная познавательная проблема. Если структуры нет, то при всей привлекательности структуралистских подходов они останутся нереализованными. Так возникает противоречивая и неопределенная ситуация постструктурализма. Она ярко выражена в трудах классиков данной парадигмы.

Становясь достоянием массового сознания и многократно воспроизводимая вновь под влиянием соответствующей образовательной модели гуманитария (историка в том числе), данная познавательная ситуация способствовала окончательному размыванию и без того проницаемой границы между гуманитарной наукой и искусством. Образ Клио как музы истории, возникнув из глубины веков, обрел свои новые воплощения. Следствием данной ситуации стало дальнейшее снижение статуса истории как науки в восприятии массового сознания: это сигнал о том, что общество ждет от науки иного, нежели от искусства, информационного импульса. У науки и искусства различные (взаимодополняемые) функции: искусство в принципе не столько сообщает новую информацию, сколько своими средствами (эмоционально и рационально) помогает пережить ту, что общество уже имеет. Искусству именно поэтому не интересен "хэппи энд", для него все счастливые семьи похожи друг на друга (Л. Толстой). Но для жизни "хэппи энд" как раз желателен и потому от науки общество ожидает и требует иного, нежели от искусства: точного, достоверного, т.е. строго проверенного и систематизированного знания, – в том числе или даже прежде всего, – о человеке, обществе, государстве, – а следовательно, с ним связывает свои ожидания от науки истории. В свою очередь, импульсы и сигналы, поступающие от массового сознания, от общества, фундаментально значимы для развития науки, хотя степень осознания этой зависимости научным сообществом бывает весьма различной.

Для понимания динамики развития гуманитарных наук новейшего времени весьма существенно общее изменение общественного сознания: падение престижа истории как науки в первой половине XX века и заметное нарастание историзма этого сознания во второй половине XX века. Массовое сознание восприняло, наконец, фундаментальную идею о необходимости ориентирования на опыт мировой истории для осознанного выбора новых решений и путей их реализации, – в политике, психологии,

экономике, в повседневности. Надо отметить, что обращение к мудрости прошедшего (в его фиксированной форме) в традиционных обществах являлось привилегией и прерогативой правящих элит, в узком кругу которых принимались властные решения. Отсюда возникли феодальные архивы, летописи и хроники, династические генеалогии. Эта традиция элитарных культур с ее сословным ограничением с приходом уравнилельных демократий новейшего времени исчезает. Традиция историзма и преемственности воспринимается непросвещенным или "полупросвещенным" (А.С. Пушкин) сознанием негативно, как атрибут старого режима.

Утопическое руссоистское ожидание немедленного общего благоденствия как результата разрушения старого режима исключает идею преемственности, а следовательно, не предполагает использования опыта прошлого. Для постреволюционной эпохи первой половины XX в. характерна поэтому переориентация общественных ожиданий на те области естественных наук и особенно технологий, от которых предполагается получение немедленных, к тому же примитивно понимаемых, прежде всего, материальных благ.

Однако, последующий ход мирового развития, усвоение массовым сознанием собственного социокультурного опыта, небывалое ранее ускорение темпов передачи информации (благодаря современным средствам коммуникаций и информационным технологиям) – все эти составляющие существенно изменили социокультурную ситуацию. Необходимость привлечения исторического опыта человечества для принятия новых решений стала осознаваться не только узким кругом интеллектуальной элиты, но более широким – представителей гражданского общества. Интересно, что в структурах повседневности эта потребность стала реализовываться не через обращение к академической науке, но через более близкие массовому сознанию формы культуры (среди них – обращение к семейным генеалогиям, региональной истории, иногда этнически или конфессионально ориентированным реалиям прошлых эпох и традиций, коллекционированию бытовых вещей и т.п.). Новую ориентацию на историзм массового сознания использует журналистика, публицистика, литература, искусство. И уже затем происходит переориентация на исторический источник собственно научно-исследовательской и публикаторской деятельности. Эта динамика прослеживается по всему спектру гуманитарных и социальных наук, что, в свою очередь, фиксируется аналитиками науки. В свою очередь, научное сообщество меняет свое отношение к идее истории как строгой науки. Это изменение происходит, однако, крайне медленно, поскольку общепринятая образовательная модель профессионализма историка довлеет над обществом сложившимися стереотипами. Таким образом, смысл происходящего с науками о человеке в XX в. складывается в отчетливую последовательность: качественные изменения социальной и культурной реальности – обращение общества за объяснением к науке ("вызов") – ее ответ. И в зависимости от того, в какой мере профессионалы отвечают общественным ожиданиям – происходит изменение (в ту или иную сторону) статуса науки. Естественно, что научное сообщество стремится осмыслить ситуацию в целом и само меняется по мере ее развития.

С начала XX в. информационное пространство, с которым работали гуманитарные науки, качественно изменилось, – и вширь, и вглубь, и по способам передачи информации, ее технологии. Стал очевидным глобальный характер всех социокультурных процессов, не оставлявших перспективы для евроцентристской ориентированности. Проблематика политической истории и мотивационно-психологических, личностных подходов к истории стала также меняться, стремясь охватить структуры повседневности, спрогнозировать поведенческие векторы массового сознания. И, наконец, стали набирать силу новые технологии средств массовой коммуникации, что, в свою очередь, несло с собой качественно новые соотношения элитарной (книжной, эпистолярной) и повседневной (устной) культур, создало невиданные возможности манипуляции общественным сознанием. Это имело следствием

смещение традиционных границ авторства, произведения, текста. Неэффективность господствовавшей ранее позитивистской методологической парадигмы перед лицом новых проблем информационного общества становилась все более очевидной. В "боях" за преодоление традиционалистских позитивистских догм неоднократно подчеркивались такие негативные стороны как упрощенное понимание связи источника и факта, отказ от выхода за пределы эмпирической фактографии, изолированность отдельных предметных областей, предубеждение против философского осмысления познавательной деятельности. Вопрос, однако, состоял в том, какая методологическая парадигма приходит на смену позитивизму. В начале XX в. сложились и далее реализовались две альтернативные модели методологии гуманитарного знания. Профессионалы-историки по существу оказались перед выбором.

Феноменологическая парадигма. Ее постулат – представление о мире как системной целостности ("Мировое целое" у А.С. Лаппо-Данилевского). Каждая его часть поэтому рассматривается, прежде всего, с точки зрения ее связи с целым, ее системного качества. Человечество – часть мирового целого, но его особая, наделенная сознанием часть. Человечество, в свою очередь, рассматривается как целое – эволюционное (во времени) и коэксистенциальное (в каждый данный момент сосуществования). Человечеству, рассматриваемому не как некий организм в духе О. Конта, но как совокупность личностей ("признание чужой одушевленности" – один из главных постулатов данной философии). Познание вполне достижимо благодаря тому, что человеку присуще умение объективировать свой внутренний мир во вне, в создание произведений. Они становятся источниками для познания человека, человечества в целом, источником информации. Данная философская парадигма (Лаппо-Данилевский и, со стороны естественных наук, В.И. Вернадский) выводит источниковедческое направление гуманитаристики на изучение реализованных продуктов человеческой осознанной деятельности. И, что весьма важно, на изучение их структур, типологий, сходств и различий. Структурные свойства произведений (документов и вещей) обладают высочайшей степенью информативности не только о самих себе, но и о системе, в которой они функционируют. Эти структурные свойства изучаются архивистикой, источниковедением и другими гуманитарными дисциплинами. Далеко не случаен глубокий интерес Лаппо-Данилевского и его школы (С.Н. Валк, А.И. Андреев, А.Е. Пресняков) к дипломатике: здесь структуры превалируют над индивидуальной спецификой, открывая возможности формирования строгих эффективных методик, выхода на [9] компаративистику, а в наше время – широкого использования информационных технологий на данной основе.

В основе феноменологической модели – представление о единстве естественнонаучного и гуманитарного знания. Эта идея подчеркнута Э. Гуссерлем в его классической работе "Философия как строгая наука". Соответствующим образом выстраивается и модель развивающегося образования гуманитария. В мировом сообществе гуманитарных наук XX в. возобладали, однако, другая модель: гуманитарное знание как принципиально нестрогое знание (противопоставление наук о природе и наук о культуре по их методам). Сегодня можно сказать, что, приняв идею истории как нестрогой науки, научное сообщество сделало шаг к тому, что оно теперь иногда называет "кризисом", – именно так оно воспринимает снижение статуса своей науки и иерархии общественных ожиданий.

Известно, что эта модель нашла достаточно широкую реализацию и свои теоретические основания: историк систематизирует "фрагменты" реальности в своей картине мира, он отвергает логику, эрудицию вспомогательных и служебных методик, и признает главным достоинством – умение вживаться в изучаемую эпоху. Соответственные изменения претерпела образовательная модель исторического и шире общегуманитарного профессионализма. К середине XX в. негативные аспекты данного подхода стали ощущаться более явно.

Структурализм и постструктурализм. Те области гуманитарных наук, которые ориентировались на реальные структуры, оказывались в несравненно более выигрышном положении. Это были структурная антропология и структурная лингвистика, опирающиеся на фундаментальные универсалии человеческой природы и языка, исследующие их структуры. Приходит понимание необходимости различать структуры, отыскивать типологии, выявлять возможности компаративистики не только в науках о природе, но и в науках о культуре.

На протяжении всего XX века в центре внимания наук находятся феномены информационного общества, проблематика массовых коммуникаций, воздействие на общество новых информационных средств и технологий. Необходимость рационального осмысления нового информационного пространства человеческих высказываний (многократно усиленных современными технологиями) – центральная тема гуманитарной классики XX в. Эти высказывания ("дискурс") выступают теперь оторванными от автора, от книги, произведения, выходят из-под контроля. М. Фуко хорошо передал этот феномен – это – "своего рода логофобия, смутный страх перед лицом этого грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса". Чтобы "обуздать" эту множественность, необходимо отыскать ее структурные закономерности. Как уже отмечалось, весь вопрос в том, – есть ли они, существуют ли в реальности объективные структурные феномены, или структура это только инструментарий, – "онтологическая реальность или оперативная модель" (У. Эко).

Постструктурализм – это состояние гуманитарных наук, убедившихся в необходимости изучать структуры и не находящих их. "Отсутствующая структура" Умберто Эко хорошо выражает эту проблему. В рамках семиотики и семиологии проблема структур оказывается неразрешимой. Поэтому есть смысл обратиться вновь к феноменологической модели гуманитарного знания, к понятиям источника, документа, их видов, разновидностей, вполне реальных архивоведческих системных сетей, в которых можно вычислить любой документ. Дискуссии по проблемам классификации источников, понятия вида выявили структуры и парадигме источниковедения как онтологическую реальность. И их изучение ведется уже давно. Необходимо отрефлексировать этот опыт исследовательских практик. Выяснилось, что феноменологическая парадигма источниковедения имеет не негативный ("Отсутствующая структура"), а позитивный ответ по вопросу о структуризации информационного пространства культуры. В парадигме источниковедения структуры интерпретируются как онтологическая реальность и их изучение ведется и на теоретическом (проблемы видовой классификации источников), и на конкретно-исследовательском (изучение видовых особенностей источников), и на научно-педагогическом (видовые классификации в курсе источниковедения) уровнях. Данный пример выявляет перспективность развития источниковедческой парадигмы и необходимость ее направленного эпистемологического рассмотрения.

Констатируя наличие в современном гуманитарном пространстве двух различно ориентированных моделей, целесообразно остановиться на истории развития данной парадигмы в динамике гуманитарного знания XX в. Она возникла в начале XX в. и нашла свое обоснование в трудах Лаппо-Данилевского и его последователей первого поколения. Философский уровень гуманитарного знания в России начала века позволяет расценивать возникновение данной феноменологической концепции как вполне логичное и закономерное явление. В качестве первых интерпретаторов данной концепции выступали представители различных предметных областей гуманитарного знания. Их объединяла и привлекала возможность рефлексии над общеметодологической проблематикой предметных областей в общем эпистемологическом метадисциплинарном пространстве (Н.Д. Кондратьев, П.А. Соркин, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Пресняков, И.М. Гревс, С.Н. Валк, А.И. Андреев, И.И. Лапшин, Б.А. Романов).

Если сам феномен возникновения этой высокоинтеллектуальной концепции гуманитарного знания в среде российской науки вполне объясним, то ее последующее развитие остается в своем роде загадкой. И отличие от близких ей по уровню философских и правоведческих направлений, чье развитие было прервано в России постреволюционного периода, источниковедческая парадигма методологии истории нашла свое, хотя и своеобразно модифицированное продолжение. Этот феномен требует своего объяснения, поскольку в логику новой образовательной модели профессионального исторического образования "Методология истории" в понимание Лаппо-Данилевского не вписывалась. Об этом достаточно категорично заявил сам М.Н. Покровский, резко негативно откликнувшийся на попытку академических ученых переиздать труд своего учителя (1923 г.). После появления первого тома издание было прекращено, надолго закрыв путь к читателю для ключевого тома (СПб., 1913), посвященного методологии источниковедения. Вновь к идеологизированной критике этого труда советская историография вернулась в конце сороковых годов. Тем не менее, источниковедение как метод, как целостный лекционный курс в окружении целой плеяды вспомогательных исторических дисциплин было востребовано в открывшемся в 1930 г. новом Историко-архивном институте. Взяв под свой контроль государственные архивы, власть нуждалась в специалистах, способных превратить документальное наследие в источник социальной информации. В Историко-архивном институте была создана уникальная образовательная модель для подготовки специалистов, способных к выполнению этой государственно-значимой задачи. Именно здесь и была создана единственная в то время кафедра, сосредоточившая весь комплекс методов, необходимых для изучения и интерпретации информации исторических источников, гуманитарных дисциплин. В Историко-архивном институте и был создан классический учебник Тихомирова-Никитина. К преподаванию были привлечены лучшие силы ученых-историков. При всех идеологических, административных и режимных ограничениях потребность власти в истинном, а не фиктивном профессионализме продолжала существовать, что, в свою очередь, создавало особое пространство для исследовательской и педагогических практик, формируя своеобразный этос научного сообщества. А.И. Андреев, Л.В. Черепнин, В.К. Яцунский, Н.В. Устюгов, другие ученые работали на кафедре. В состав ее вошел молодой талантливый А.А. Зимин, создавший здесь свою научную школу.

Рассматривая динамику развития гуманитарного знания в общем контексте соотношения науки и общества, состояния научного сообщества, сравнительного анализа разных типов образовательной модели профессионализма историка, сопоставления лингвистической и источниковедческой исследовательской парадигм как взаимодополняющих, можно лучше понять и более полно интерпретировать научное наследие выдающихся ученых. При всем различии как тематики исследований, так и своеобразия педагогического таланта, можно вполне уверенно говорить об общем этосе данного научного направления. Его характерными чертами стала воля к истине, открытость исследовательской логики для восприятия научного сообщества, сознательная установка на достижение методологической преемственности поколений исследователей. С этой точки зрения еще предстоит проанализировать интерес ученых к пространству вспомогательных исторических дисциплин. За ними стоят новые области междисциплинарных взаимодействий с естественными, точными, психологическими, когнитивными науками и технологиями. Блестящие возможности феноменологии исторического познания, его реализации в рамках источниковедческой парадигмы методологии истории раскрываются по-разному в трудах А.А. Зиминой, его учеников, других крупных ученых-историков. Данные темы истории науки ждут своих исследователей. Одна из них связана с развитием исследовательских и педагогических идей А.Л. Станиславского. Его проблематика – это проблематика исследования человека в пространстве, в его историко-антропологической реальности. В современных условиях

методологического поворота, формирования истории как строгой науки мы имеем богатые возможности обращения к наследию поистине непреходящего знания – опыту методологии истории как строгой науки.

Литература

1. Визгин В.П. История и метаистория // Вопросы философии. 1998. № 10. С.98.
  2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
  3. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.
  4. Исторический источник: человек и пространство. М., 1997.
  5. Источниковедение в России ХХХ в: Научная мысль и социальная реальность // Россия. ХХ век. М., 1996.
  6. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.
  7. Крачковский И.Ю. Испытание временем: Мысли к 45-летию научной работы // Петербургское востоковедение. Спб., 1996. Вып. 8.
  8. Пресняков А.Е. А. С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6.
  9. Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.
  10. Семенов Е.В. Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России (взгляд через призму конкурсов РГНФ) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 2.
  11. Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999.
  12. Фуко М. Воля к истине. М., 1996.
  13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1994.
  14. Эко У. Отсутствующая структура; Введение в семиологию. М., 1998.
- *Медушевская О.М. Историк в динамике ХХ века // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000.

?? От каких условий, по-вашему, зависит реализация историком своих интересов и творческих возможностей? Назовите ведущие тенденции в развитии гуманитарного знания на современном этапе. Чем вызвано по мысли О.М. Медушевской начало методологического поворота в гуманитарных и социальных науках? Назовите основные положения методологической постмодернистской парадигмы. Как менялось общественное сознание в течение ХХ в.? Чем вызвана такая смена? Выделите основные принципы постмодернистской парадигмы гуманитарного знания. Что характерно для феноменологической парадигмы?

Э.А. Шеуджен **Историографические источники и их современная модификация***

Научная деятельность историков всегда вызывала повышенный общественный интерес. В наши дни это внимание не только неизмеримо усилилось, но и приобрело гипертрофированный характер. История оказалась в эпицентре общественной жизни. В принципе это неудивительно: в критические для общества времена, когда кажется, что «история нас обманула» (М. Блок), как правило, нарастают упреки в адрес историков [1]. Сегодня о проблемах истории спорят профессиональные историки, писатели, публицисты, журналисты, представители самых различных профессий. Интерес к истории сопровождается не только критикой самой исторической науки (концепций, конкретных исторических трудов, сложившейся системы исторического образования, учебников), но и историков, их профессиональной и гражданской позиции. В подобной напряженной ситуации неизбежно возникает вопрос: можно ли считать историографию «успешной

наукой»? Думаю, что для положительного ответа есть веские основания: она способна организовывать большое число известных фактов, осуществлять их систематизацию и классификацию, создавать и критически анализировать теории. Сегодня в литературе закрепились два значения понятия история. История – это реальный процесс развития природы и общества, и история – это наука, занимающаяся изучением прошлого и его репрезентацией (представлением). Важно отметить, что вопрос о взаимодействии этих значений выступает как одна из центральных теоретико- методологических проблем: речь идет о соотношении реальной истории и наших знаний о прошлом, о возможности познания средствами исторической науки прошлого человеческого общества. Имеет смысл напомнить значение самого термина «историография», состоящего из двух греческих слов: «история» (разведывание, исследование прошлого) и «графо» – (пишу), то есть записанная, зафиксированная история. Исходя из этого, под историографией понимается специальная осознанная деятельность, направленная на получение и фиксацию отрефлексированного (обращенного назад), научного знания о развитии человека и общества. Создание письменных произведений по истории присущи далеко не всякому обществу. Конечно, до появления письменности не существовала письменная история. События прошлого, в лучшем случае, отражались в устном творчестве – мифах, сказаниях, легендах, былинах. Историография прошла длинную, далеко не всегда прямую дорогу от истоков возникновения в древности, через схоластику средних веков, пока в новое время не сформировались научные методы работы, лежащие, по существу, в основе исследований современных историков. «Историография в том виде, в каком она сейчас существует, – пишет Франклин Анкерсмит, автор известных работ по философии истории, – представляется исследователям безупречным, хотя и довольно своеобразным видом научного знания» [2]. Чем же занимается историография сегодня, что является предметом научных усилий историков, работающих в этой сфере исторического знания: – изучением имманентных (внутренних) и внешних факторов развития исторической науки; – выявлением степени влияния основных историко- философских концепций на движение исторического знания; – установлением органической связи исторического познания с интеллектуальным контекстом эпохи; – совершенствованием принципов и методов историографического анализа; – формированием научной этики, бережного отношения к историографическим традициям. Состояние этого сложного комплекса проблем находит непосредственное отражение в сформированном за многие века корпусе историографических источников. К понятию «историографический источник» обращались многие историки. Если попытаться сблизить их позиции, то можно остановиться на определении, что историографическим можно считать всякий источник, содержащий данные по истории исторической науки. Однако такое несколько упрощенное определение вызывает серьезные возражения. Немало историков считают, что определение историографического источника нуждается в большей масштабности, оно должно включать материалы, которые «важны и необходимы для понимания процесса развития исторической науки»[3].

Исследования историков играют решающую роль в формировании источниковой базы исторической науки. Благодаря им не только выявляются и анализируются отдельные события, но и по образному выражению одного из «отцов основателей» школы Анналов Люсьена Февра, выковывается и укрепляется цепь событий, стремясь «организовать прошлое», внести ясность и упорядоченность «в его беспрестанно волнующие глубины, в беспорядочное сверкание и кружение фактов» [4]. Для исторической науки проблема факта является относительно новой. Как научная категория факт стал осмысливаться только в XX веке. Однако и сейчас в науке существуют различные подходы к его пониманию. Более того, предметом научных обсуждений стали многие методологические аспекты, связанные с анализом и оценкой исторических фактов. Существующие подходы, с учетом принципиально значимых корректировок, могут быть применены к процессу развития историографии. К историографическому факту могут

быть отнести сведения о публикации исторических трудов и изданиях специальных исторических журналов, информация о проведении конференций и симпозиумов и многое другое. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что подобные факты не несут прямой «историографической нагрузки», а лишь опосредованно связаны с условиями функционирования исторической науки. Конечно, не каждый историографический факт «материализуется» в источник, доступный для широкого изучения (например, материалы лаборатории историка, рукописи книг и диссертаций, неизданные стенограммы дискуссий и научных конференций). В то же время попавшие в поле зрения исследователя факты нередко становятся предпосылкой для поиска новых, неизвестных или мало известных историографических источников. Так, в своем сочинении о писателях русской истории С.М. Соловьев приводит случай, связанный с обнаружением в Румянцевском музее древнего списка «Ядро Российской истории», подписанного буквами «А.М.». В результате достаточно сложных «разысканий» оказалось возможным установить, что имя сочинителя было Алексей Манкиев. С.М. Соловьеву удалось не только выявить историографический факт написания данной работы конкретным автором, но и сделать заключение о ее историографической значимости: «мы не усумнимся дать ему почетное место в нашей исторической литературе» [5], то есть превратить данное неизвестное сочинение в историографический источник. К числу наиболее многочисленных и информативных видов историографических источников относят сочинения, посвященные историческому прошлому народов (монографии, очерки, статьи и т.п.), в которые «выливается» исследовательский процесс, отражая результаты предпринятого труда. Историки всегда стояли и продолжают стоять перед задачей выбора адекватных форм повествования. Уже в античности существовали различные формы историописаний – большая форма исторического повествования, то есть история всех событий за продолжительный период времени («История» Геродота) и малая форма — сочинение, посвященное конкретному событию («История Пелопоннесской войны» Фукидида). Конечно, при этом нельзя не учитывать форму исторического сочинения. В современном понимании историк может придать своей работе любую сюжетную структуру. В историографической литературе, как правило, выделяются четыре типа построения сюжета: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира [6]. Конечно, эта классификация жанров не исключает и другие типы исторических сочинений. К «мобильному» виду историографических источников можно отнести опубликованные материалы конференций, симпозиумов, семинаров и других научных собраний, предполагающих коллективное обсуждение актуальных проблем истории. Как правило, такие материалы публикуются в виде кратких сообщений, но они дают возможность апробировать новые, еще не получившие признания идеи. К историографическим источникам так же относятся диссертационные работы, тексты лекций, учебные программы, методические указания по курсам историографии, позволяющие исследовать деятельность научных центров, процесс становления историографии как научной дисциплины, подготовку специалистов этой сферы исторического знания.

Современная историография занимается изучением не только работ, но и творческого пути историка, его лаборатории. Все чаще наряду с научными трудами в поле внимания историографов попадают подготовительные материалы, черновики неопубликованных рукописей, дневники, мемуары, автобиографии, анкеты, письма и другие формы профессионального самовыражения. К этой группе, к сожалению, относятся и некрологи. Нельзя не учитывать и того, что многие современные историки привыкли работать с компьютерами. При такой форме черновики и другие «остатки», как правило, отсутствуют, а остаются лишь окончательные результаты творческих усилий исследователя.

Тем не менее, обращение к подобным видам источников позволяет выявить логику индивидуальной, творческой деятельности историков, осознать тот путь, который они проходят в интеллектуальном профессиональном совершенствовании, проникнуть в

особенности, так называемого историографического быта. Чтобы вы сами могли убедиться в правоте данного утверждения, рекомендую вам воспоминания двух известных историков XX века, принадлежащих к разным национальным школам – Арона Гуревича и Арнольда Тойнби [7]. Это не только образно написанные автобиографии, но и широкое полотно развития советской и английской исторической науки. Сегодня по разному определяется их место и роль в упрочении позиций «новой истории», но бесспорным остается, что во многом, именно благодаря им, произошел принципиально значимый поворот в сознании российских историков, оказавшихся в сложных условиях теоретико-методологического кризиса.

Изучение биографий и особенно биографий историков не простое дело. Едва ли случайно представители школы Анналов в свое время считали, что биографический жанр «выпадает из общей нормы», становится явлением «совершенно уникальным» [8]. Действительно, историкам, как никому другому, известно, как сложен этот вид повествования, как непросто бывает преодолеть укоренившиеся предубеждения, как часто публикация воспоминаний порождает буквально вал недоброжелательной критики «обиженных» невниманием или излишним вниманием людей по другому «видевших» то или иное событие. При работе с источниками личного происхождения требуется высокий уровень критического анализа. Не следует забывать, что в них зачастую встречается необъективное отношение историков к представителям других школ и направлений. В связи с этим весьма важно выяснить побудительные мотивы оценок, вскрыть элементы субъективизма и тенденциозности.

По мере развития историографии круг источников все более расширяется. Особую значимость приобретает проблема массовых историографических источников. В первую очередь, речь идет о статистических материалах, отражающих развитие исторической науки: количество выпускников исторических факультетов, защищенных диссертаций, опубликованных монографий и статей, периодичности издаваемых специальных журналов. В этот ряд можно поставить тематические энциклопедические и справочные издания, типа биобиблиографического словаря «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории» [9]. В предисловии к данному изданию подчеркивается, что словарь отражает «нынешнее переходное» состояние российской исторической науки [10]. Издание словаря, включившего биографии 1278 ученых, не только само по себе важно, но не менее значимо, что уже имеется опыт историографического анализа формализованной информации, вошедшей в словарь, позволившей создать интересный обобщающий портрет субъекта историографии – современного российского историка. В результате, возможно судить не только о численности, образовании, месте проживания историков, но, что особенно важно, создается достаточно полное представление о научных интересах, интенсивности научной деятельности современных историков [11].

Предложенная классификация включает лишь наиболее значимые группы историографических источников. В истории развития исторического знания наличие каналов передачи информации всегда имело определяющее значение. Главными вехами на этом пути стало появление письменности, книгопечатания, фотографии, радио, телевидения, а теперь и компьютеров. В этом обширном пласте исторических источников содержится и сугубо историографическая информация. Фотографии историков, записи их выступлений на научных конференциях, документальные киносъемки общественных мероприятий с их участием, запись бесед на телевидении. Среди этих свидетельств немало уникальных, зафиксировавших события не получившие отражения в других источниках. К сожалению, это обстоятельство зачастую осознается слишком поздно.

Не меньшее значение стали приобретать ресурсы Интернет, так же отражающие уровень развития исторического знания: форумы, дискуссии, оперативный обмен мнениями. Благодаря Интернету информационные потоки становятся основой синхронного развития исторического знания (столичная и периферийная, российская и

зарубежная историография); неизмеримо расширяется доступ к фондам исторических библиотек; каталожных и библиографических изданий. Теперь историки, независимо от места проживания, могут получить информацию об интересующих их изданиях: научная информация оперативно распространяется, становится важнейшей составной частью историографического процесса.

Однако важно учитывать, что среди подобной информации может быть как официальная (сайты исследовательских центров, университетов, научных школ и т.п.), так и неофициальная (типа персональных страниц с шокирующими названиями и идеями). При работе с источниками, помещенными на сайте, важно не только использовать традиционные приемы источникового анализа, но еще более тщательно осмысливать побудительные мотивы и цели передачи данной информации.

За время развития исторического знания накопилась огромная масса историографических источников: различных по типу, объему, проблематике, содержанию, стилистике. Отдельные периоды историографии, завершаясь в своем развитии, не исчезают бесследно, именно благодаря им накапливается «возвышенный исторический опыт», выдвигаются новые исследовательские задачи, определяются перспективы дальнейшего развития исторической науки. В этом величайший смысл и назначение историографии.

Литература

1 Браун Дж. Р. Объяснение успешности науки// Наука: возможности и границы. М., 2003. С. 46 – 47.

2 Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 20.

3 Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 120.

4 Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 99.

5 Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. М., 1995. С.199

6 Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 165.

7 Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003; Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.

8 Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. М., 2002. С. 15,17.

9 Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов, 1998.

10 Там же. С. 7.

11 Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С. 41 - 50.

*Развитие российской историографии: опыт изучения нетрадиционных источников/ Материалы теоретико-методологического семинара учителей истории Республики Адыгея. Майкоп, 2013. С. 10 – 17.

?? Какова роль историографии на современном этапе развития исторической науки? Как определяет предмет историографии Э.А. Шеуджен? Что такое историографический факт? Дайте классификацию историографических источников.

Л.Р. Хут. История историографии в человеческом измерении: интервью историков как историографический источник*

Сложное переплетение процессов в методологической сфере исторической науки рубежа XX – XXI вв. привело к тому, что сегодня в ней, как отмечают исследователи, сосуществуют классическая, неклассическая и неоклассическая модели исследования [1], вытекающие соответственно из классического, неклассического и постнеклассического

типов научной рациональности [2]. При этом принципиальное значение приобретает мысль В.С. Стёпина о том, что каждый новый тип научной рациональности, характеризующийся особыми, свойственными ему основаниями науки, не означает полного исчезновения представлений и методологических установок предшествующего этапа. Напротив, он связан с ним отношениями преемственности. Как неклассическая наука не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу её действия, так и становление постнеклассики не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Продолжая использоваться в некоторых познавательных ситуациях, они просто утрачивают статус доминирующих и определяющих облик науки [3].

Переход к постнеклассическому типу научной рациональности, с характерным для него вниманием к самопознанию и самореализации субъекта познания, пространству мировоззренческой и научной рефлексии, начался в конце XX в. В рамках этого перехода выделяются два вектора. С одной стороны, это развитие общей теории систем, а с другой – оформление постнеклассики на основе дальнейшего развития идеи активной роли познающего субъекта. Говоря о втором векторе, следует отметить, что уже неклассические парадигмы герменевтики и феноменологии позволяли реализовать идею активной роли познающего субъекта на достаточно радикальном уровне. Однако перелом произошёл в связи с «лингвистическим поворотом» [4], потрясшим методологические основы исторического знания в последней трети XX в. По мнению Е.Г. Трубиной, «поворот к языку» явился, возможно, главным итогом интеллектуальной истории XX века и привёл к пониманию того, что прямой доступ к исторической реальности невозможен: представая перед нами в тех или иных вариантах языковой репрезентации, она всегда уже истолкована» [5]. Если в рамках классической модели исторического исследования перед историком стояла ранкеанская задача описать, «как это, собственно, происходило», а «идеальным историком» был пушкинский Пимен, равнодушно внимающий добру и злу, то сегодня историки озабочены поисками ответов на вопросы «как думают историки», «как пишут историки» – иными словами, как устроены историки.

Еще в начале 1990-х гг. группа учёных из Института истории естествознания и техники во главе с Д.А. Александровым предложила историко-антропологический подход к изучению истории науки в России, когда в центре внимания оказывается не судьба научных идей, а повседневная жизнь учёных, межличностные и корпоративные отношения, неформальные контакты и объединения, покровительство, зависимость и т.п. В рамках данного подхода исследователей интересует то, что они обозначают понятием «научный быт», т.е. «уклад жизни, совокупность обычаев, привычек и нравов учёных» [6]. Данный подход дополнен новой научной категорией «историографического быта», введённой в оборот омскими историографами при изучении генерации учёных-историков. Эта категория подразумевает внутренний мир науки, «неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, которые являются важными структурирующими элементами сообществ учёных» [7].

Сегодня исследователи настойчиво обращают внимание на «движение к написанию истории как историографии» [8], на то, что «в формирующейся интеллектуальной конфигурации современного научно-исторического знания главным... является то, что история моделируется прежде всего как историография» [9]. В концепциях развития ведущих учебно-исследовательских коллективов указывается, что «в XX в. история вступила в историографический этап своего существования» [10].

В серии работ известного отечественного историографа и методолога истории Л.П. Репиной обосновывается мысль о превращении истории историографии в самостоятельную и самоценную историческую дисциплину, которую сегодня, стремясь обозначить её новое качество, именуют клиографией, а в сочетании с изучением методологических и эпистемологических проблем исторической науки – клиологией. Её особым предметным полем становится «история историографии в человеческом

измерении». По мысли Л.П. Репиной, «история историографии как часть интеллектуальной истории – это...прежде всего история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления – история исторических представлений и концепций, образов прошлого и «идей истории», задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы» [11].

Авторы современных историографических текстов, в частности, такого международного исследовательского проекта, как «Глобальная история современной историографии», подчеркивают, что «история историографии есть непрекращающийся диалог, который предлагает нам не одно единственное изложение, а разные, часто конфликтующие между собой интерпретации»[12].

Расширение поля рефлексии над деятельностью, характерное для постнеклассического типа научной рациональности, ставит перед историками, занимающимися изучением проблем современной историографии, задачу освоения нетрадиционных историографических источников. К их числу относятся интервью коллег по ремеслу, прежде всего, знаковых фигур в сообществах историков. Эти интервью представляют собой новый обширный пласт историографической информации, фиксируемой с помощью современных аудио- визуальных технических средств и содержащей, как уже отмечалось в специальной литературе, немало уникальных свидетельств [13].

Материалы, получаемые методом интервьюирования, обычно называют устной историей (oral history [14]). Вместе с устной традицией, то есть описаниями людей и событий прошлого, передающимися из уст в уста от поколения к поколению, она составляет так называемые устные свидетельства (устные материалы), привлекающие всё большее внимание историков [15]. Термин «устная история» уже получил легитимацию в отечественных учебниках и учебных пособиях нового поколения по теории и методологии истории, истории исторического знания [16]. Он используется для обозначения направления научных исследований Новейшей истории, в том числе новейшей истории историографии, ставшего одним из наиболее явных примеров «ответа» профессиональных историков на «вызовы», перед которыми историческая наука оказалась в последние десятилетия прошлого века. В числе этих «вызовов» — резко возросший интерес к дискурсивным практикам историописания, культуре творчества историка.

На определенном витке своей профессиональной биографии, пытаясь осмыслить методологическое пространство современной отечественной историографии рубежа XX – XXI вв., состояние отечественного профессионального исторического сообщества и учитывая индивидуально-личностную компоненту этих процессов, я сделала серию интервью с рядом отечественных историков – представителей столичной академической и вузовской среды (М.А. Бобковой, Л.И. Бородкиным, М.В. Пономаревым, Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой, И.М. Савельевой, П.Ю. Уваровым, К.В. Хвостовой и др.). Наверное, для того, чтобы решиться работать в рамках такого сравнительно нового для исторической науки метода, необходима высокая степень мотивации самого исследователя. Метод интервьюирования не так прост, как это может показаться на первый взгляд: договорился о встрече, задал вопросы, расшифровал аудиозапись – и всё. Устная история сама по себе требует от исследователей, помимо всего прочего, владения техниками интервьюирования, сложившимися, в том числе, в рамках неисторических дисциплин – социологии, антропологии, психологии, лингвистики.

Не скрою, я довольно долго не решалась вступить на этот путь и сделала это сравнительно недавно, хотя мысли «по поводу» возникали и раньше. Интенсивное общение со столичными и региональными историками как на различных научных форумах, так и в неформальной обстановке не могли не актуализировать в моём сознании мысль о том, сколько бесценной информации, звучащей со всех сторон, уходит практически в никуда. Конечно, я старалась вести какое-то подобие дневника своих

профессиональных контактов, понимая при этом, что он не может быть предъявлен в качестве источника интересующей меня на данный момент информации, если встанет вопрос о способах её фиксации. Дневник предназначался для нужд «внутреннего пользования». Нужен был более надёжный способ фиксации материала.

Во-вторых, на меня произвели благоприятное впечатление две книги по проблемам интеллектуальной истории, в основу которых легли материалы, собранные их авторами методом интервьюирования. Первая книга «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки» принадлежит перу американского учёного и писателя Дж. Хоргана. Задавшись целью найти ответы на «больные» вопросы современности о том, есть ли границы познания и возможен ли конец науки, как особого типа знаний человека об окружающей его действительности и самом себе, автор осуществил анализ самых интересных научных теорий конца XX столетия, с одной стороны, и ярких, характерных свойств личности учёных, подаривших миру эти открытия – с другой [17].

Автор второй книги «Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий» – российская исследовательница из Петербурга Д.Р. Хапаева, прожившая несколько лет во Франции, предприняла попытку анализа современной интеллектуальной ситуации, которая сегодня часто характеризуется терминами «непредсказуемость общества», «утрата ориентиров», «кризис наук о человеке», «конец интеллектуалов», «распад гуманитарного сообщества». Основу книги составили интервью с французскими и российскими коллегами автора, в том числе Ф. Артогом, М.А. Бойцовым, А.Я. Гуревичем, П. Нора, Ж. Ревелем, П.Ю. Уваровым, М. Ферро и др. [18].

Несколько позднее, практически одновременно с публикацией первых результатов моей работы, появился русский перевод книги Э. Доманска «Философия истории после постмодерна». Польская исследовательница проблем исторического знания собрала под одной обложкой свои интервью с ведущими историками и философами истории XX в. – Х. Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Е. Топольски, Й. Рюзенем, А. Данто, Г. Иггерсом, П. Берком и др., в ходе которых обсудила с ними вопросы о сущности, перспективах и тенденциях развития исторического и философского-исторического знания рубежа XX – XXI вв. [19].

Интервьюирование как метод, используемый историком в целях получения нового знания, включает несколько обязательных процедур, соблюдение которых только и может обеспечить «чистоту эксперимента». Прежде всего, историк, использующий в своей исследовательской работе этот метод, должен чётко определиться, зачем ему это надо, какие дополнительные сведения он хочет получить о предмете своего исследования, и составить примерный перечень вопросов, которые в каждом конкретном случае, безусловно, будут варьироваться.

Перечень вопросов, подготовленных мной для респондентов, выглядел следующим образом:

1. Как вы можете охарактеризовать современную ситуацию в отечественной историографии? Подпадает ли она под понятие «кризиса»?

2. Чувствуете ли вы себя членом некоего единого профессионального сообщества российских историков? Зачем оно нужно и нужно ли вообще?

3. Почему, на ваш взгляд, «практикующие» историки столь настороженно относятся к «методологам»? Нужна ли историку методологическая рефлексия? Как в методологическом плане позиционируете себя вы?

4. Какие методологические новации рубежа XX – XXI вв. кажутся вам наиболее перспективными?

5. Насколько непроходима грань, разделяющая сегодня естественные и гуманитарные науки?

6. Какова сегодня степень близости отношений между историей и литературой, историей и лингвистикой?
7. Методологический синтез – это реальность или благое пожелание?
8. Возможен ли внутрицеховой диалог историков? О чем следует говорить в первую очередь?
9. Как, на ваш взгляд, соотносятся образы истории, формируемые в академической и вузовской средах?
10. Какая история сегодня нужна – концептуальная, «история в осколках» или...?
11. Возможен ли сегодня проект глобальной истории, и «выживет ли Клио при глобализации»?

Далее необходимо было определить примерный список интервьюируемых лиц, достаточно репрезентативный для целей предпринимаемого анализа. По каждой персоналии требовалась большая подготовительная работа, предполагающая предметное знакомство с научным творчеством автора, его исследовательскими приоритетами, кругом должностных обязанностей. Чем изначально предопределялся выбор респондентов? Прежде всего, они сами должны были быть «замечены» в методологической рефлексии. При этом они могли позиционировать себя и как «практикующие» (занимающиеся исследованием конкретно-исторических проблем) историки, и как «методологи» (отдающие предпочтение в своей научной деятельности исследованию проблем теории, методологии истории, историографии). Так, я включила в свой список К.В. Хвостову, представителя династии российских историков, по крайней мере, уже в третьем поколении, известного отечественного византиниста и методолога истории, одного из немногих отечественных историков, имеющих, наряду с историческим образованием, высшее математическое, ответственного редактора ежегодника ИВИ РАН «Проблемы исторического познания», автора и соавтора работ по теоретико-методологическим проблемам исторической науки, в том числе для высшей школы. В свою очередь, Л.П. Репина – автор оригинальных исследований по теоретико-методологическим проблемам исторической науки, руководитель больших авторских коллективов, занимающихся разработкой проблем интеллектуальной истории, автор и соавтор учебных пособий по истории исторического знания. И.М. Савельева – специалист по истории идей. В соавторстве с А.В. Полетаевым она опубликовала ряд фундаментальных монографий по теории и истории исторического знания, вызвавших широкий резонанс в профессиональной исторической среде. Область научных интересов Л.И. Бородкина – историческая информатика, математические методы и модели в исторических исследованиях, экономическая история, клиометрика. Он автор ряда научных разработок, в том числе полемического плана, по проблемам междисциплинарного синтеза в истории, соавтор учебных пособий для высшей школы по компьютерному статистическому анализу и информационным технологиям для историков. П.Ю. Уваров, «практикующий» историк, специалист по истории Франции XVI в., предпринявший в свое время попытку реконструкции интересующего его периода истории страны по нотариальным актам, уделяющий вопросам методологии исследовательского анализа серьезное внимание. Кроме того, он автор многочисленных работ по истории исторического знания, соавтор вузовской учебной литературы по Новой истории и истории Франции. Ярким представителем школы источникововедения, сложившейся вокруг кафедры источникововедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ, является М.Ф. Румянцева. Область её научных интересов – эпистемология гуманитарного знания, теория и методология истории, источникововедение. М.С. Бобкова много лет занимается анализом творчества французского историка Ж. Бодена. Она автор ряда историографических текстов и учебных пособий для высшей школы. М.В. Пономарёв – специалист по истории русско-французских отношений наполеоновской эпохи. Он известен как автор и соавтор многочисленных учебников и учебных пособий для высшей школы по Новой и Новейшей истории.

Двое из интервьюируемых успели стать лауреатами престижной премии им. Н. И. Кареева, присуждаемой Президиумом РАН. В 2006 г. этой чести была удостоена К.В. Хвостова за монографию «Особенности Византийской цивилизации», а в 2009 г. – Л.П. Репина за серию трудов по теоретико-методологическим проблемам всеобщей истории [20].

По своему возрастному цензу интервьюируемые принадлежали к среднему (от 40 до 60 лет) и старшему (старше 60 лет) поколениям российских историков, то есть это были те представители сообщества, которые не просто жили в «эпоху порубежья», но были свидетелями, а часто и активными участниками процесса перемен. Немаловажную роль играл и такой фактор, как облечённость респондента тем или иным объёмом властных полномочий в рамках профессионального сообщества, благодаря которым он имел искомую высоту обзора. Интервьюируемые, в силу своих статусных позиций, являлись либо представителями высшего управленческого звена (Л.П. Репина), руководителями научных отделов (П.Ю. Уваров) и центров (К.В. Хвостова, М.С. Бобкова) в системе ИВИ РАН, либо возглавляли кафедры в ведущих московских вузах – МГУ (Л.И. Бородин), РГГУ (М.Ф. Румянцева), либо находились во главе исследовательских коллективов, функционирующих под патронатом московских вузов и занимающихся разработкой теоретико-методологических основ современного научно- исторического знания (И. М. Савельева), мониторингом современного образования (М.В. Пономарёв).

В-третьих, казалось бы, такая «техническая деталь», как достижение договорённости о встрече, довольно часто превращалось в «бег с препятствиями», продолжавшийся от нескольких недель до нескольких месяцев. Связано это было, чаще всего, не с нежеланием «объекта» идти на контакт. Напротив, в этом смысле, как оказалось, историки очень отзывчивы и с удовольствием рефлексуют перед включённым диктофоном, вовлекая в эту профессиональную рефлексивную рефлексию и интервьюирующего. Более того, бывало, что границы жанра интервью размывались, и оно постепенно превращалось в беседу двух профессионалов на понятном друг другу языке. Просто плотность рабочего графика интервьюируемого, с одной стороны, и его гибкость – с другой, не всегда позволяли соблюсти предварительные договорённости.

В-четвертых, этап расшифровки аудиозаписи интервью, требует много времени, так как важно ничего не исказить, идёт ли речь о специальной терминологии, именах собственных или конкретной авторской мысли, заключённой в устный текст, который при письменной фиксации очень зависим от правильной расстановки знаков препинания. Если при этом интервью готовится к печати, оно должно быть сопровождено соответствующими комментариями, чтобы читателю было понятно, о чём идёт речь.

В-пятых, расшифрованный текст интервью необходимо было представить интервьюируемому для ознакомления и внесения требуемых корректив (уточнение формулировок, сокращение повторов и т.д.). На мой взгляд, это необходимый этап работы, связанный с профессиональной этикой. Наконец, завершающий этап работы с полученным материалом предполагает извлечение, обработку и обобщение интересующей исследователя информации. Именно на этом этапе перед исследователем в полный рост встаёт проблема интерпретации полученного материала, касается ли он каких-то неизвестных или малоизвестных фактов профессиональной деятельности интервьюируемого, либо мы имеем дело со взглядом на основы нашего ремесла в зеркале саморефлексии. Из предложенного респондентам перечня (варьировавшегося в каждом конкретном случае) наиболее репрезентативными оказались ответы на вопросы о профессиональном историческом сообществе, методологических предпочтениях интервьюируемых и методологической рефлексии вообще. Результаты исследования нашли отражение на страницах научной печати [21], в том числе в защищенной в 2011 г. диссертационной работе, составив основу завершающего параграфа первой главы «Трансформация методологических основ отечественной исторической науки на рубеже XX – XXI вв.» [22]. Метод интервьюирования постепенно входит в арсенал

профессиональных исследовательских методов современного историка. «Если раньше историк спешил в архивы, чтобы «говорить с мёртвыми», то теперь он спешит отнести туда «свидетельства живых» [23]. Однако до сих пор по отношению к нему сохраняется известная настороженность части профессионального исторического сообщества. Не случайно, он породил множество споров между сторонниками этого метода и представителями традиционной историографии. Конечно, подобного рода метод исследовательского анализа интересен, прежде всего, для той историографии, которая сама по определению является рефлексивной, то есть априори отказывающейся от поиска однозначных ответов на неоднозначные вопросы.

Литература

1. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.
2. Стёпин В.С. Становление норм и идеалов постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992. С. 3 – 16; Его же. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000; Его же. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб., 2009. С. 249 – 295
3. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. С. 635.
4. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44 - 55.
5. Трубина Е.Г. «Метаистория» и историки // Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 505.
6. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3.
7. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000. С. 20.
8. Кравцов В.Н. Трансформация оснований профессионализма исторического знания в современном историческом процессе // Образы историографии: сб.ст. / отв. ред. А.П. Логунов. М., 2000. С. 187.
9. Лукьянов Д.В. Коммуникативная рациональность российского историографического дискурса рубежа XX-XXI вв. // Интеллектуальная культура современной историографии: сб. ст. / отв. ред. А.П. Логунов. М., 2006. С. 127.
10. Система «Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение – методология истории» – основа профессионального образования гуманитария (Концепция развития кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4 (09). С. 283.
11. Репина Л.П. Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историки в поиске новых смыслов: сб. науч. ст. и сообщений участников Всероссийской научной конференции. Казань, 7 – 9 октября 2003 г. Казань, 2003. С. 44-45.
12. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии: пер. с англ. М., 2012. С. 38.
13. Шеуджен Э.А. Историография. Вопросы теории и методологии. Курс лекций. Майкоп, 2005. С. 23.
14. Классикой жанра в английской историографии считается монография П. Томпсона, первое издание которой увидело свет в 1978 г. и в названии которой присутствует этот термин. См.: Thompson P. The Voice of the Past: Oral History. 2nd edn. Oxford University Press, 1988. (Перевод на рус. яз.: Томпсон П. Голос прошлого. Устная история: пер. с англ. М., 2003).
15. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. М., 2000. С. 261.

16. См.: Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М., 2004. С. 275; Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 248, 266 – 268; Методологические проблемы истории: учеб. пособие / под общ. ред. В.Н. Сидорцова. Мн., 2006. С. 261-264; Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: учеб. пособие. СПб., М., 2008. С. 496, 510
17. Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки: пер. с англ. СПб., 2001.
18. Хапаева Д.Р. Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005.
19. Доманска Э. Философия истории после постмодерна: пер. с англ. М., 2010.
20. См.: Хут Л.Р. Интервью историков как историографический источник // Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. тр. Вып. 7 / отв. ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп, 2009. С. 44 – 65; Ее же. Историки в зеркале саморефлексии // Проблемы исторического познания: сб. ст. / отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2010. С. 277 – 294; Ее же. Современное(ые) сообщество(а) российских историков в зеркале саморефлексии (по материалам авторских интервью) // История: электронный научно-образовательный журнал. 2010. Вып.1: Историческая наука в современной России [Электронный ресурс].URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/sovremennie_soobshestva_istorikov.html (дата обращения: 23.03.2013); Ее же. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв. М., 2010. С. 83 – 105, 469 – 644
21. Российская Академия Наук. Именные премии и медали. Премия имени Н.И. Кареева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/about/awards/awdlist.aspx?awdid=136> (дата обращения: 26.03.2013).
22. Ее же. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв.: дис. ...д.и.н. М., 2010. С. 96 – 123.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания... С.496.
- *Развитие российской историографии: опыт изучения нетрадиционных источников. Материалы теоретико-методологического семинара учителей истории Республики Адыгея. Майкоп, 2013. С. 17 – 28.

?? Какова задача классической исторической науки? Назовите основные черты постнеклассической науки. В чем состоит суть историко-антропологического подхода к изучению истории науки в России? Что является предметом формирующейся на современном этапе науки клиологии? Чем вызваны трудности метода интервьюирования?

Раздел 2. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В X – XVII ВВ.

Методические рекомендации

В этом разделе студентам предлагается изучить статьи о роли письменности в культуре человечества, о начале русского летописания, которое дает нам сведения о первоначальной истории Руси, и является, по сути дела, первыми историографическими источниками.

Интересно будет прочесть отрывок из труда князя Б.И. Куракина о Петре I и его современниках, их характеристики, данные автором. Необходимо отметить, что это одно из первых историографических сочинений, выявит его научные оценки и недочеты с позиций современного исторического знания.

Б.А. Джамирзова. Значение письменности в человеческой культуре*

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками!.. Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса. И. Тургенев

Значение письменности невозможно переоценить. Она – один из основных признаков развитой цивилизации. Письменность очень важна для человеческого общества, поскольку именно она позволяет установить более прочную связь между людьми. Чтобы жить в современном мире, нужно хорошо владеть не только устным, но и письменным языком. Через века письменность несет накопленные человечеством мудрость и знания, множество неразгаданных пока тайн и уже совершенных открытий. Но существует еще огромное количество текстов, над дешифровкой которых бьются ученые. В этих текстах – истории исчезнувших государств и цивилизаций, мифы и легенды древних народов, тайны и секреты жрецов и ученых.

Точный возраст, условия и особенности возникновения письменности до конца не изучены. При исследовании зарождения и развития письменности ученые обращаются, прежде всего, к источникам Древнего Востока. По мнению специалистов, именно в этом регионе впервые была создана письменность. Там обнаружили и самые древние письменные документы.

Самой ранней из всех древневосточных систем письма является шумерская, засвидетельствованная в Южной Месопотамии около 3100 г. до н. э. Примерно в этот же период шумерское влияние предположительно проникло на запад, в Египет.

Сведения о существовании славянской письменности до Константина (Кирилла) и Мефодия содержатся в летописных и иных литературных источниках IX-X вв. Важнейший из них - сказание Черноризца Храбра «О племенах», касающееся ряда славянских племен, в том числе, по предположению специалистов, возможно, и восточных. В сказании указывается, что славяне до принятия ими христианства книг не имели, но для гадания и счета использовали «черты и резы». Одна из ранних русских летописей «Повесть временных лет» документально свидетельствует о том, что Киевская Русь в начале X в. имела письменность. Ярким свидетельством наличия на Руси письменности еще до принятия христианства являются тексты договоров русских князей с Византией (X в.).

Есть мнение, что до Константина (Кирилла) и Мефодия славяне имели и одновременно пользовались тремя видами письма. Отсюда следует, что подвиг Константина (Кирилла) и Мефодия, состоящий в «создании славянской письменности», нельзя понимать таким образом, будто они создали ее на пустом месте, «с нуля», превратив славян из народа бесписьменного в народ письменный. Но они действительно «создали письменность», получившую название славянской азбуки и вошедшую в культурный фонд большинства славянских народов, развитым вариантом которой пользуется современное поколение.

В средневековой Руси основными центрами развития письменности и распространения грамотности являлись крупнейшие церковные приходы и монастыри.

В XVII в. основная масса населения России была неграмотной. Но именно в этот период количество грамотных людей существенноросло за счет посадского населения крупных административных и торговых центров страны. Причиной такого положения вещей стали не только возросшие потребности в развитии административного делопроизводства, но и изменения в социально-экономическом развитии России, в частности, заметный рост оборота внутренней и внешней торговли. Широкое распространение рукописных и печатных книг дало положительный импульс дальнейшему развитию системы образования в стране и, прежде всего, обучению грамоте и письму. Первостепенное значение в этом сыграло издание целого ряда учебных пособий: знаменитой «Азбуки» патриаршего дьякона Василия Бурцева (1634), «Грамматики» Мелентия Смотрицкого (1648), «Лексикона

речений языка славенска и греченска со инеми языки... в научение и разумение учащихся» (1650) [1. С. 13].

Кирилло-мефодиевской письменности суждено было сыграть значительную культурную и политическую роль. Созданная равноапостольными братьями письменность расценивается как фундамент новой славянской культуры, которая вывела славянство на уровень «великих» народов [2. С. 27].

Трудно представить, «каким путем могло бы пойти развитие цивилизации, если бы люди не научились фиксировать с помощью знаков и символов общественно значимую информацию, передавать и сохранять ее. Очевидно, что человеческое общество в таком виде, в каком оно существует в настоящее время, просто не могло бы появиться» [3. С. 32].

«Искусство письма стало столь распространенным, что составляет теперь органическую и необходимую часть мировой культуры» [3. С. 22]. Человечество прошло долгий путь с той поры, когда неграмотные короли средневековья ставили на документы вместо своего имени крест. В настоящее время неграмотный человек не может рассчитывать на успех в общественно-политической, культурной и социально-экономической жизни. «Значение письма нетрудно понять, если попытаться представить себе современный мир без письма. Что бы мы делали без книг, газет, писем? Что бы произошло со средствами коммуникации, если бы люди вдруг утратили способность писать, или со знаниями, если бы они не смогли прочесть о достижениях прошлого и настоящего?» [3. С. 22].

Важность письменности заключается также и в том, что на сегодняшний день каждый имеет возможность узнать не только об истории и традициях своей нации, но и прочитать о жизни и традициях практически любого народа мира. Чтение книг значительно расширяет кругозор человека.

Вместе с тем, в результате широкого распространения письма нанесен определенный ущерб устной традиции. Если сравнить знания современного человека о своих предках со знаниями о предках бесписьменных народов, то нетрудно увидеть разницу. У последних нет возможности письменно фиксировать информацию, поэтому они просто ее лучше и надежнее запоминают.

«Хотя основным назначением письма является не достижение художественного эффекта, а запись и передача сообщения, тем не менее, письмо во все времена включало в себя элементы эстетического воздействия на человека» [3. С. 25].

«Представление о божественном происхождении письма засвидетельствовано повсеместно как в древности, так и в наше время, как среди цивилизованных, так и среди так называемых примитивных народов» [3. С. 31]. Повсюду, как на Востоке, так и на Западе, появление письма приписывается божеству. По преданиям вавилонян, письмо изобрел бог Набу – покровитель наук и писец богов, в более древней месопотамской традиции эти функции приписывались богине Нисабе. Древние египтяне верили, что изобретателем письма был бог Тот. Вера в сакральный характер письма особенно сильна в странах, где его знание является привилегией особого класса или касты писцов. Древний Ближний Восток, где писать обычно умели только жрецы-писцы, особенно богат различными мифами и легендами о происхождении письма.

Появление письменности оказало решающее влияние на развитие наук. При отсутствии письменности значительно был бы затруднен обмен информацией, в том числе научной.

По мнению историков и культурологов, письменность (наряду с наличием городов и государственности) является одним из главных признаков цивилизации, как определенного, достаточно высокого уровня развития человеческого общества. Подобно тому, как язык отличает человека от животного, так письмо отличает цивилизованного человека от варвара. Без письменности большинство достижений человеческой мысли и почти весь исторический опыт предыдущих поколений исчезли бы бесследно. В этом плане невозможно не согласиться с утверждением американского историка Джеймс Г. Брестеда о том, что «изобретение письма и удобной системы для записи на бумаге имело

большее значение для дальнейшего развития человеческого рода, чем какое бы то ни было другое интеллектуальное достижение в истории человека» [3. С. 19].

В контексте вышеизложенного представляется вполне правомерным широкое празднование в России Дня славянской письменности и культуры, возвращающего россиян к просветительскому подвигу равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, которые через создание письменности приобщили славянские народы к мировой цивилизации и культуре.

Литература

1. Жириновский В., Сеницын Е. История русской культуры IX – XIX вв. М., 2004.
2. Власов В. Г. Славянская азбука и славянские просветители. М., 1989.
3. Гельб И.Е. Опыт изучения. М., 1982.

*Значение славянской письменности и культуры в укреплении российской государственности и межкультурного диалога. Материалы Шестых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. Майкоп. 2013. С. 37 – 52.

?? Каково значение письменности в истории человечества?

Начало русской литературы. Преподобный Нестор Летописец – отец российской истории*

Геродота из Галикарнаса (ок. 484–425 до Р.Х.) Цицерон удостоил почетного имени *Pater historiae* – «отец истории». Монах Киево-Печерского монастыря, агиограф и летописец Нестор (ок. 1056–1114), оставивший нам «Повесть временных лет», достоин именоваться «отцом российской истории».

Преподобный Нестор Летописец написал в 80-х годах XI века «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», составил житие преподобного Феодосия Печерского – замечательнейшие памятники древнерусской агиографии. Но все же главным подвигом его жизни стало составление «Повести временных лет» (ок. 1112 – 1113). Инок-патриот изложил в них историю Руси на главных этапах ее исторического становления, а также историю Русской Православной Церкви начального периода ее канонического бытия, включая предание о том, как Земля Русская готовилась к принятию Крещения.

В настоящее время творение Нестора Летописца чаще всего именуется «Повесть временных лет». Обратившись к источнику, мы читаем: «Се повести времяньных лет» («Вот повести минувших лет»).

Слово «повесть» в оригинале стоит во множественном числе. Действительно, летопись Нестора – не одна повесть, а целое собрание самых различных повествований из древнерусской истории. Более того, слово «повести» косвенно указывает нам на множественность источников, которыми пользовался летописец, – устных и письменных. «Повестью стали называть этот памятник позднее, и постепенно сгладился первоначальный смысл слова: повестью теперь называется вид литературного сочинения, ранее же оно означало „весть“, „известие“, то есть было по смыслу гораздо ближе к глаголам *ведать*, *поведать*».

В прошедшие века иначе воспринималось и слово «временных». Повести свои монах Нестор начинает с изложения прошедших времен, поэтому Д.С. Лихачев перевел слово «времяньных» как «минувших». Летописец неоднократно указывал в самом тексте, что пишет он о прошлом. Кроме того, в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» среди значений слова «времяньный» приводится: «временной, определяемый временем, хронологический». Употребление летописцем термина «временных» в этом значении свидетельствует о высоком научном уровне историографии в Древней Руси уже на самых ранних этапах.

Очень часто названиями того или иного древнего литературного памятника для нас служат его начальные слова или строки. Так случилось и с рассматриваемым памятником. Кратко памятник озаглавлен «Повесть временных лет», а пространное название читается: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача першее княжити, и откуда Руская земля стала есть». В переводе это заглавие читается так: «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить, и как возникла Русская земля».

Словосочетание «русская земля», по мнению академика Д.С. Лихачева, имело в Древней Руси несколько значений: «Русское государство», «русский народ» и реже – «русское войско», а еще реже – «географическое пространство, обнимаемое Русским государством». Следует также учесть, что первые два значения – «народ» и «государство» – в употреблении наших древних предков были весьма близки по значению.

Итак, заглавие летописи указывает, что речь в «Повести временных лет» идет о начале Русского государства или о начале русского народа как государственного целого.

В первой половине XIX века автором «Повести временных лет» считали преподобного Нестора. Впоследствии, благодаря изысканиям источниковедов, было установлено, что он не являлся единственным писателем «Повести». Нестор Летописец имел предшественников, которые до него трудились над собиранием летописного материала. Но непререкаемая заслуга преподобного Нестора заключается именно в том, что он собрал, обработал и представил потомкам свой исторический труд.

По меткому замечанию историка Сергея Михайловича Соловьева (1820 – 1879), «Повесть временных лет» стала «образцом летописца (т.е. летописания) всероссийского». Она посвящена всей Руси, а не каким-либо местным интересам. Вот почему последующими летописцами «Повесть временных лет» принималась за образец изложения и почти целиком вносилась в летописные своды, составленные после 1110 года (год, которым заканчивается «Повесть»).

Говоря о литературе Руси XI – начала XIII веков, академик Д.С. Лихачев утверждал, что это был период господства монументально-исторического стиля в отечественной литературе. «Литературный стиль всего домонгольского периода может быть определен как стиль монументального историзма. Люди этого времени стремились увидеть во всем значительное по содержанию, мощное по своим формам. Стиль монументального историзма характеризуется стремлением рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временных (исторических), общественно-иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным. Развивается своеобразное „панорамное зрение“. Летописец видит Русь как бы с большой высоты. Он стремится вести повествование о всей Русской земле, легко переходя от изложения события в одном княжестве к изложению события в другом – на противоположном конце Русской земли. Летописец все время перебрасывает свой рассказ из Новгорода в Киев, из Смоленска во Владимир и т.п. Это происходит не только потому, что летописец соединял в своем повествовании источники различного географического происхождения, но и потому еще, что именно такой „широкий“ рассказ отвечал эстетическим представлениям своего времени».

В «Повести временных лет» преподобный Нестор указывает на первое упоминание о русском народе в церковных источниках под 866 годом, при патриархе Константинопольском Фотии, повествует о создании святыми братьями Кириллом и Мефодием славянской грамоты, о путешествии княгини Ольги в Константинополь для принятия крещения, о первом православном храме в Киеве, о многих других важных событиях, происходивших на Руси на заре ее православной истории, включая и самое важное из них – Крещение Руси. Богатство исторического содержания, патриотизм и духовная глубина этого творения ставят «Повесть временных лет» в один ряд с высочайшими памятниками мировой литературы.

Рождение и становление Русского государства в «Повести временных лет» представлено Нестором Летописцем на фоне всемирной истории и связывается с первоначальным распространением на Руси православия.

Преподобный Нестор начинает свою «Повесть», продолжая библейское повествование о расселении народов после всемирного потопа (Бытие, гл.10). «По потопе трое сыновей Ноя разделили землю – Сим, Хам, Иафет, – говорит летопись. – И был единый народ». При строительстве Вавилонской башни «смешал Бог народы, и разделил на 70 и 2 народа, и рассеял по всей земле. <...> По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский». «Языками» по-церковнославянски называются народы. Один из «языков» – «язык словенск» – народ славянский.

История разных стран и народов в «Повести временных лет», как и в византийских церковных хронографах, предстает как единая всемирная история. Все народы земли имеют один корень, единое происхождение. Русский народ представлен как одна из ветвей всемирного древа рода человеческого. Это полностью соответствует христианскому взгляду на всемирную историю, который лучше всего выразил апостол Павел перед слушателями-язычниками в Афинах (Деян. 17, 26 – 28). Народы мира, имея общее начало, расселяются по всей земле подобно тому, как ветви берут свое начало от единого ствола. Одна из этих ветвей – земля Русская! Вот ответ древнерусского летописца на вопрос «Откуда есть пошла Руская земля?».

А что означает вопрос «Откуда Руская земля стала есть?». Это вопрос о становлении древнерусского государства, которое происходило одновременно с принятием православия и утверждением на Руси православной культуры во всей ее силе и многообразии. Распространение на Руси православия составляет главную идейную основу «Повести временных лет» преподобного Нестора Летописца.

Так «Повесть временных лет», по преданию восходящая к преподобному Нестору Летописцу, отвечает на самые главные вопросы российской исторической науки: «Откуда пошла Руская земля?», «Как образовалось древнерусское государство?» и «Каково начало духовно-исторического пути России?».

Яркий собирательный образ русского монаха-летописца создал А.С. Пушкин в поэме «Борис Годунов», где Пимен-летописец, подводя итог своему церковному служению на поприще летописания, восклицает: «Окончен труд, завещанный от Бога... Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу...». В опере «Борис Годунов» М.П. Мусоргского ария Пимена-летописца – одна из самых запоминающихся. Как и Нестор Летописец, Пимен А.С. Пушкина является свидетелем родной истории и хранителем предания своего народа.

В Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры среди святых останков преподобных отцов хранятся святые и нетленные мощи Нестора Летописца. Каждый подошедший к гробнице с мощами преподобного Нестора видит над ней серебряную дощечку с выгравированной в XIX веке надписью, где запечатлены слова благодарности «отцу российской истории» от всех любителей истории и древностей российских. Здесь, в тишине древних монастырских пещер, неразлучно соединились святость и родная история.

Литература

1. Повесть временных лет / Подг. текста, перев., вступит. ст. и коммент. Д.С. Лихачева. – 2-е изд., испр. и доп. Спб., 1996, с. 143 – 144.
2. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Вып. 1. Л.: «Наука» ЛО, 1987.
3. Чурмаева Н.В. «Ф.И. Буслаев». Книга для учащихся. М., 1984, с. 56.
4. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1.– М., 1988, с. 492.

5. Лихачев Д.С. Литература Руси XI – начала XIII веков // Великая Русь: История и художественная культура X – XVII века.– М., 1994, с. 12.

* <http://pkr.orthgymn.ru/textbook/p08.html>

?? Почему преподобный Нестор Летописец может быть назван «отцом российской истории»? Каково полное название «Повести временных лет»? Н.М. Карамзина часто называют «последним летописцем». Как Вы думаете, почему? Согласны ли Вы с этим наименованием? Назовите имена великих русских историков. В чем особенности летописного жанра древнерусской литературы? Как Вы думаете, возможен ли он в современной культуре? В чем различие между газетой и летописью?

Б.И. Куракин. История о Петре I и ближних к нему людях. 1682 – 1695 гг.*

Правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудраго правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ея правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножилась коммерция и всякия ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго – и в экипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах.

И торжествовала тогда довольность народная, так что всякой легко мог видеть, когда праздничной день в лете, то все места кругом Москвы за городом, сходные к забавам, как Марьины рощи, Девичье поле и протчее, наполнены были народом, которые в великих забавах и играх бывали, из чего можно было видеть довольность жития их.

И в первых, начала она, царевна София Алексеевна, дела вне государства – подтверждать алиансы (с) своими соседственными потенции, а именно со Швециею подтвердила мир, учиненной отца их, царя Алексия Михайловича. С Польшею также подтвердила мир отца их, царя Алексея Михайловича, и брата своего, царя Федора Алексеевича. И чрез тот мир Киев, Чернигов, Смоленск, со всеми принадлежностями, остался в вечное владение к Империи Российской.

И в тож время с поляки учинила алианс противу Крымскаго хана.

И понеже царевна Софья Алексеевна была великаго ума и великой политик, хотя себя укрепить вечно в правлении под именем своего брата царя Иоанна Алексеевича, взяла резолюцию его, брата своего, женить. И женила на дочери Федора Салтыкова, из добраго шляхетства, которой был тогда воеводою в Енисейске, в Сибирском королевстве. И сию женитьбу в том виде учинила, чтоб видеть сыновей от брата своего и наследников к короне.

Однакож, Бог определяет все по своей воле, и достигнуть пожелаемаго не могла. И усмотря, что дочери родятся, тогда начала план свой делать, чтоб ей самой корону получить и выйти-б замуж за князя Василия Васильевича Голицына. О сем упомянуто токмо как разглашение было народное, но в самом деле сомневаюсь, ежели такое намерение было справедливое.

Правда-ж, подозрение взято в сем на нее, царевну Софью, от ея самых поступок.

Первое, что принадлежит до получения ей короны, она, царевна начала ходить во все процессии церковныя и публичныя с братьями своими, что было противно царю Петру Алексеевичу. И единожды так публично вражда случилось, что был ход к Казанской Богородице, и сперва, по обыкновению, пришли оба государя и она, царевна София Алексеевна, в соборную церковь, откуль пошли в ход. И вышед из соборной церкви, царь Петр Алексеевич просил сестру свою, чтоб она в ход не ходила. И между ими происходило в словах многое. И потом царь Петр Алексеевич понужден был, оставя ход, возвратиться в свои апартаменты, понеже сестра его, царевна Софья, не послушала и по воле своей в ход пошла с братом своим царем Иоанном Алексеевичем.

Также она, царевна София, начала делать червонные под своею персоною, и в короне, и имя свое внесла титула государственного.

Также учинила себе корону и давала овдиенции публичныя послам польским и шведским и другим посланникам в золотой палате, – что все то принято было за великую противность от брата ея, царя Петра Алексеевича.

Во вторых, что принажит (принадлежит) до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма голант; и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено.

Надобно-ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Щегловитой весьма в амуре при царевне Софии профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софии еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение или б содержан был для фигуры за перваго правителя, но в самой силе и делех бы был помянутой Щегловитой.

В 7197-м (1689) царица Наталья Кирилловна, видя сына своего в возрасте лет полных, взяла резолюцию женить царя Петра Алексеевича.

Того ради, Тихон Стрешнев искал из шляхетства малаго и сыскал одну девицу из фамилии Лопухиных, дочь Федора, Лопухину, на которой его царское величество сочетался законным браком (27-го января 1689 г.).

А именовалась царица Евдокия Федоровна и была принцесса лицом изрядная, токмо ума посредняго и нравом несходная к своему супругу, отчего все свое счастье потеряла и весь свой род сгубила, как будем о том впредь пространно упоминать. К тому-ж царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви.

И во время того правления царевны Софии Алексеевны и другаго двора царя Петра Алексеевича ретираты в Преображенском, министры с одной и другой стороны интриги производили, а именно: стороны царя Петра Алексеевича токмо один князь Борис Алексеевич Голицын, да при нем держалися Нарышкин, Лев Кириллович, Тихон Стрешнев, поддядька, да постельничей Гаврила Головкин, да из бояр походных, хотя в тот секрет допущены не были, князь Михаил Алегукович Черкасской, князь Иван Борисович Троекуров.

А с другой стороны, двора царевны Софии Алексеевны, князь Василей Васильевич Голицын, Федор Щегловитой, которой един в секрете самом был у царевны Софии Алексеевны, также Алексей Ржевской, Семен Толочанов и некоторые из шляхетства посредняго, а из больших родов никто не мешался.

И так те интриги со обеих сторон были употреблены: всякая партия к получению себе стрельцов, понеже во оных вся сила состояла, для того, что оных было на Москве жилых полков более 30,000 и весь двор в их руках был, и между которыми главные были: много людей умных и богатых и купечеством своим богатство не малое имели.

И чрез те интриги дошло до того, что в 7197 году царь Петр Алексеевич понужден был в ночи из Преображенскаго месяца мая, уйти к Троице-Сергиев монастырь, верхом только с пятью человеки (в ночь на 8-е августа 1689 г). А мать его царица Наталья Кирилловна, со всем двором, той же ночи бегом понуждена быть последовать туда ж. И в шесть часов скорым походом в тот монастырь пришли. И той же ночи помянутые полки потешные или гвардия туда последовали, также и полк Стрелецкой Сухарев, которой тогда в Преображенском гвардию имел, туда прибыл также. И многие бояре и другие чины, принадлежащие к тому двору, туда прибыли.

И по приходе в Троицкой монастырь, царь Петр Алексеевич отправил от двора своего одного к брату своему царю Иоанну Алексеевичу со объявлением той притчины, для чего он понужден ретироваться, объявля притом все злые умыслы сестры его, царевны Софии, противу его.

Потом новое правление государства началось, и посольской приказ отдан Льву Кирилловичу Нарышкину, брату царицы Натальи Кирилловны, а во дворец Петру Аврамовичу Лопухину, а в большую казну — князя Петра Ивановича Прозоровскаго, а в иноземской приказ — князя Федора Семеновича Урусова, а в разряд Тихона Никитича Стрешнева, которой наиболее в делех был и секрет всех дел ведал со Львом Кирилловичем Нарышкиным.

Топерь будем описывать о начатом правлении царицы Натальи Кирилловны и порядках двора и про превожении времени царя Петра Алексеевича, и состоянии жития брата его, царя Иоанна Алексеевича, и бытности в монастыре царевны Софии.

Во-первых, начнем писать о характере царицы Натальи Кирилловны.

Сия принцесса добраго темпераменту, добродетельнаго, токмо не была ни прилежная и не искусная в делех, и ума легкаго. Того ради, вручила правление всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину, и другим министрам.

Боярин Тихон Стрешнев был в правлении в разряде и внутри правления государственнаго большую часть он дела делал.

О характере его описать можем только, что человек лукавой и злаго нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошел до сего градусу таким образом, понеже был в поддьячках у царя Петра Алексеевича с молодых его лет и признался к его нраву и, таким образом, был интригант дворовой.

Правление оной царицы Натальи Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донныне продолжается с умножением, и вывезть его язву трудно.

Теперь будем говорить, что при наборах потешных в Преображенской и Семеновской полк произошло.

Многие из рабат (ребят) молодых, народу простаго, пришли в милость к его величеству, а особливо Буженинов, сын одного служки Новодевичья монастыря, также и Лукин, сын одного подъячаго Новгородскаго, и многие другие, которые кругом его величества были денно и ночью. И от того времени простаго народу во все комнатныя службы вошли, а знатныя персоны отдалены.

Его же царское величество начал быть склонен к морскому хождению. И во время (правления) матери своей, начал в Преображенском на Яузе и на Москве реке делать суды морския и яхты, а потом самые корабли на озере Переславском об 24-х пушках, где была чинена военная экзерция на караблях.

И по такой своей склонности к морскому ходу и по своей куриезите обыкновенной ходил дважды к городу Архангельскому видеть море. И там на приуготовленных караблях ходил морем в Соловецкой монастырь и в море Белое, где единожды от великаго штурму были все в великом страхе. И то первое начало самое к морскому делу.

Также и первое начало к ношению платья немецкаго в тое время началось, понеже был един аглеченин торговой Андрей Кревет, которой всякия вещи его величеству закупал, из за моря выписывал и допущен был ко двору. И от онаго первое перенято носить шляпочки аглинския, как сары (галерные работники) носят, и камзол, и кортики с портупеями.

Также и во время всех потех оба шутошныя помянутые государи и при них знатныя персоны были одеты в немецкое платье.

К тому ж непрестанная бытность его величества началась быть в слободе Немецкой не токмо днем, но и ночевать как у Лефорта, так и по другим домам, а особливо у Анны Монсовны.

Его ж величество имел великую охоту к артиллерным делам и к огню артофициальному и сам своими руками работал по вся зимы.

Как тогда обычай был на конец кроновала или на маслянице на Пресне, в деревне их величества, по вся годы, потехи огненные были деланы.

Топерь ненадобно сего забыть и описать коим образом потешной был патриарх учинен, и митрополиты, и другие чины духовные из придворных знатных персон, которыхя кругом его величества были, более ко уничтожению оных чинов, а именно: был названной Матвей Филимонович Нарышкин окольникчей, муж глупой, старой и пьяной, которой назван был патриархом; а архиереями названы были от разных провинций из бояр некоторые и протчие другие чины и дьяконы из спальников. И одеяние было поделано некоторым образом шутошное, а не так власное, как на приклад патриарху: митра была жестяная, на форму митр епископов католицких, и на ней написан был Бахус на бочке, также по одеянию партии игрышные нашиты были; также вместо панагеи фляги глинины надеваны были с колокольчиками. А вместо Евангелия была сделана книга, в которой несколько стклянок с водкою. И все состояло там в церемониях празднество Бахусово.

Топерь будем напоминать о начале придворных дураков и о ссорах во пьянстве между бояры.

А особливо топерь упомянем о князе Шаховском, которой был ума немалого и читатель книг, токмо самой злой сосуд и пьяной, и всем злодейство делал, с перваго до последняго. И то делал, что проводывал за всеми министры их дел; и потом за столом, при его величестве, явно из них каждого лаевал и попрекал всеми теми их делами, чрез которой каналъ его величество все ведал.

И по смерти царицы Натальи Кирилловны вступил в правление его величество царь Петр Алексеевич сам. И когда его величество получил известие о смерти своей матери, быв в доме своем в Преображенском, тогда был в великой печали, и на погребении у матери своей не был; токмо присутствовал брат его, царь Иоанн Алексеевич.

Теперь будем упоминать, кто вступил тогда в правление первых шаржей по смерти царицы Натальи Кирилловны.

В тож время фавор к Лефорту продолжался, токмо был для одних вечеринок и пиров, а в делах оной Лефорт сил не имел и не мешался, и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии. Помянутой Лефорт и денно и ночью был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами, и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятьдесят.

Но в тож время Александр Меншиков почал приходиться в великую милость, и до такога градуса взошел, что все государство правил почитай, и дошел до градуса фельдмаршала, и учинился от цесаря сперва графом имперским, а потом вскоре принцом, а от его величества дуком ижерским. И токмо ему единому давалось на письме и на словах светлость. И был такой сильной фаворит, что разве в римских гисториях находят. И награжден был таким великим богатством, что приходов своих земель имел по полтораста тысяч рублей, также и других трезоров великое множество имел, а именно: в камнях считалось на полтора миллиона рублей, а особливо знатную вещь имел — яхонт червщатой, великой цены по своей великости и тяжести, и цвету которой считался токмо един в Европе.

Характер сего князя описать кратко: что был гораздо среднего, и человек не ученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать, понеже был из породы самой низкой, ниже шляхетства.

А для самой конфиденции к своей персоне (царь Петр Алексеевич) всегда любил князя Федора Юрьевича Ромодановскаго шутошнаго названнаго царя Плешпурхскаго, которому учинил новой приказ в Преображенском и дал ему все розыскныя дела о государственных делех, то-есть, что касается до его царской персоны, до бунтов и протчее, также и другия розыскныя самыя важныя дела. Также оной правил судом всю гвардию Преображенскаго полку, также оному дал власть: во время своего отбытия с Москвы и вне государства, как на приклад в бытность свою в Голандии, и в Англии, и в

Вене, также и в других отбытности править Москву, и всем боярем, и судьям прилежать до него, Ромодановскаго, и к нему съезжаться всем и советовать, когда он похочет.

О власти-же его, Ромодановскаго, упоминать еще будем, что приналежит до розысков, измены, доводов, до кого-б какой квалиты и лица женскаго полу или мужскаго не пришло, мог всякаго взять к розыску, арестовать, и розыскивать, и по розыску вершить.

Оной же князь Ромодановской ведал монастырь девичей, где царевна София, заключенная, сидела, и содержал ее в великой крепости. И когда розыски самыя царевны Софии были, то его величество сам спрашивал ее в присутствии его, князя Ромодановскаго, и кроме его в тех делах никому конфиденции не имел.

Оной-же имел власть, как из бояр, так из другаго шляхетства, и из всякаго чину брать к себе и содержать для своей забавы, понеже был человек характеру партикулярнаго, а именно: любил пить непрестанно, и других поить, и ругать, и дураков при себе имел, и ссоривал, и приводил в драку, и с того себе имел забаву.

Кн. Б.И. Куракин.

1723 и 1727 гг.

Гага и Париж.

* Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682 – 1695 гг. // Русская старина, 1890. Т. 68. № 10. С. 238 – 260 // <http://memoirs.ru/texts/kurakin.htm>

?? Как оценивает Б.И. Куракин правление Софьи? Охарактеризуйте содержательную сторону «Гистории». Что князь Куракин сделал предметом своей «Гистории»? Как автор объясняет конфликт Софьи и Петра?

Раздел 3. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В XVIII В.

Методические рекомендации

В этом разделе студентам при подготовке в семинарских занятиях предстоит проанализировать работу князя М. Оболенскаго о А.И. Манкиеве, авторе «Ядра Российской истории», его деятельности и работе над исследованием.

Следует изучить и статью историк Н.И. Павленко о Феофане Прокоповиче, выдающемся деятеле эпохи Петра I, одном из его сподвижников, который через свои проповеди, публицистические статьи, исторические сочинения прославлял Петра, его военные победы, преобразования в государстве.

При подготовке к семинару о развитии историографии XVII – XVIII вв. необходимо использовать статью В.И. Пичеты, в которой дается краткое описание русских историографических сочинений, в частности работ А.И. Манкиева, В.И. Татищева, Роли немецких историков в развитии русской исторической науки.

Интересна и полезна будет статья А.Ю. Климочкина об историческом наследии М.В. Ломоносова и его оценки отечественными историками. Этот материал поможет подготовиться к семинару о деятельности великого русского ученого.

Кн. М. Оболенский. Сведения об авторе «ЯДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» А.И. Манкиеве*

В 1770 году Миллер издал «Ядро Российской Истории» и сочинение это неизвестно почему, но несправедливо приписал князю А.Я. Хилкову; мнение Миллера было принято на веру и другими учеными. Но после, когда отыскиались древние списки «Ядра Российской Истории», в которых посвящение (Петру Великому) подписано начальными буквами Л. М., стали думать, что означенная книга сочинена не самим князем

Хилковым, а секретарем его или переводчиком, находившимся с ним вместе в Швеции в плену. (Митроп. Евгения: Словарь русск. светск. писателей, т. 2, стр. 238 – 239). Из описания рукописей графа Толстого оказалось, что буквы эти означают: А. Манкиева, которого Востоков в «Описании Румянцевского музея» и профес. Соловьев в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России» (кн. 2, полов. 1-я) и признают сочинителем «Ядра». Но таков был А. Манкиев, и действительно ли ему принадлежал этот труд? Вот вопросы, которые невольно, сами собою, представляются исследователям по истории русской литературы.

В делах Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел мы нашли положительные ответы на означенные вопросы. Действительно сочинителем «Ядра Российской Истории» был Алексей Ильич Манкеев, как это видно из всеподданнейшего прошения, поданного им в 8 день мая 1725 года, о прибавке жалованья, за собственноручным его подписанием. По его собственному показанию, Манкеев во время шведской войны находился в Швеции, был арестован и провел в плену 18 лет; в продолжение этого времени с 1704 до 1716 года он состоял при резиденте нашем князе А. Я. Хилкове, также находившимся в Швеции под крепкою стражею, занимался переводами и корреспонденцией по делам службы и «время всеу не ронила – в том (говорит Манкеев во всеподданнейшем своем прошении) как тайные письма и переводы моей руки из разных шведских тюрем, в Кабинет Вашего Императорского Величества, и явные в Коллегию присылаемые, так и книжица, которой титул: «Ядро Истории Российской», Вашему Императорскому Всепресветлейшему Величеству чрез благородного господина Александра Ивановича Румянцева всенижайшие от меня поднесенная, довольно свидетельствовать могут.» – Когда князь Хилков умер и Манкеев остался в Швеции один, тогда князь Куракин, соболезнуя об его участи, прислал к нему из Амстердама от 16 февраля 1717 года собственноручное любезное письмо, приглашая к себе в Голландию, обнадеживая приличным местом по службе и указывая средство освободиться из плена. Письмо это замечательно во многих отношениях. Во первых, оно показывает, что Манкеев в то уже время был близко известен некоторым важным лицам, особенно в посольской службе, и известен со стороны самой выгодной, по способностям и трудам своим. Во вторых весьма любопытно, что князь Куракин предлогом к освобождению из Швеции выставил польское происхождение Манкеева и конечно в тех же видах на самом адресе означил: *a monsieur monsieur Mcinkeewitz, gentilhomme Polonois*. Вещь возможная, что Манкеев действительно был происхождения польского и настоящая его фамилия звучала Манкевич, т. е. по-польски *Mqkewicz*. Это подтверждается между прочим и тем, что на собственных книгах сочинителя «Ядра» означена фамилия его с тем же окончанием: «*ex libris Alexij Mankewitz*» Впрочем, если это и правда, то конечно Манкеев, сам или его предок, выехал в Россию давно уже из Польши, ибо князь Куракин в письме своем упоминает между прочим и о бытности своей в дому, т. е. вероятно в семействе Манкеева, в Ярославле, разумеется еще до шведской войны и во всяком случае до 1704 года, когда Манкеев поступил на службу к Хилкову. Можно потому думать, что Манкеев сам был родом из Ярославля, где жили его отец или дед, и, что здесь же, с течением времени, изменена его прежняя польская фамилия с *вичем* на окончание русское. Князь же Куракин воспользовался этой стариной, как предлогом, чтобы дать счастливый исход своему любимцу, о чем даже, может быть, заключенный просил своего амстердамского соотчика нарочным и тайным письмом из Швеции. С тою же целью, вероятно, и книги, бывшие с ним в плену, надписаны польскою фамилиею.

Неизвестно, однако, воспользовался ли Манкеев означенным письмом Куракина или дождался других способов к освобождению. Остается только несомненным, что по освобождению из плена Манкеев принят был на службу в Коллегию Иностранных Дел переводчиком, и по распоряжениям начальства был послан в 1720 году с А.И. Румянцевым в Стокгольм, в 1721 году – на Нейштадский конгресс, а в 1722 и 1723 годах с полномочными комиссарами на рубеж, для разграничения земель между Россией и

Швецией; в это время Манкеев получал годового окладу 148 рублей, да кормовых по 6 рублей на месяц, всего в год 220 рублей.

Тщательно рассмотрев «Ядро Российской Истории», проф. Соловьев делает такой отзыв об этом сочинении: «обратив внимание на средства автора «Ядра Российской Истории» и сравнив это сочинение с предшествовавшим ему опытом, Синописом Гизеля, мы не усумнимся дать ему почетное место в нашей исторической литературе, исключая древнейший период, события переданы в нем *беззатейно*, обстоятельно, почти безошибочно; не забудем, что и после, когда начали появляться больше обширные сочинения по части русской истории, то они касались обыкновенно древнейших ее периодов, – и Ядро оставалось относительно самым полным руководством к изучению русской истории» (См. Архив Калачова, стр. 15). Такое значение «Ядра» в исторической нашей литературе придает несомненный интерес и сведениям об авторе этого сочинения; почему, и печатаем здесь два прошения, поданные Манкеевым 8 мая 1725 года, из которых извлекли мы сейчас приведенные показания, равно как и помянутое любопытное письмо князя Куракина.

Но Манкеев не долго жил после подачи означенных прошений; 16 Мая того ж 1725 года он умер, как записало в протоколе Государственной Коллегии Иностранных Дел (Приказные дела второй половины 1725, стр. 98 и далее), не оставив по себе ни жены, ни детей. В описи вещей и пожитков, оставшихся после умершего, указаны разные лексиконы и книги, наиболее касающиеся Швеции и ее государственного устройства; между ними упоминаются: а) «*книга гистория швецкая, от первого короля швецкого даже до Каролуса первого-надесять швецкого ж короля, на латинском языке, Иогана Лакцени*»; в) «*книшка маленькая Эпикгета Энхиридион, писанная по латыни и словенски, его умершего руки перевод*», с) «*книга описание государства московского, автора Петра Петрея Убсалиенского, географическая на швецком языке*». Сочинение Петрея (ftegni Muschovilici sciographia. Stockholm. 1615), вместе с другими книгами Манкеева, поступило в Коллегию Иностранных Дел и ныне хранится в библиотеке Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел под № 165; на этой книге есть надпись: aex libris Alexij Mankewitz.

* Кн. М. Оболенский. Сведения об авторе «ЯДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» А.И. Манкиеве // Библиографические Записки. 1858 г. № 2 // Антикварные книги в современной орфографии. <http://starknipfl.narod.ru>

?? В чем, по мнению князя М. Оболенского, состоит заслуга А. Манкеева?

Н.И. Павленко. Феофан Прокопович*

Переломные эпохи всегда выдвигали выдающихся деятелей, стоявших на гребне движения. Те, в свою очередь, умели находить под стать себе талантливых соратников. Величие Петра I в том и состоит, что он был одарен способностью открывать таланты и создавать условия для их проявления. Эпоха Петра выдвинула плеяду замечательных государственных деятелей, дипломатов, военачальников: Меншикова и Шереметева, Брюса и Прокоповича, Куракина и Матвеева, Долгорукого и Татищева, Ягужинского и Голицына – таков далеко не полный перечень знаменитых “птенцов гнезда Петрова”.

Среди сподвижников Петра Великого Феофан Прокопович занимает особое место. Прославился он не шпагой, а пером. Вместо кафтана или генеральского мундира этот талантливый пропагандист петровских преобразований и главный помощник царя в осуществлении церковной реформы носил монашескую одежду.

Родился Феофан Прокопович 8 июня 1681 года в Киеве в семье купца. Отец умер рано, овдовевшая мать, оставшаяся в нищете, ненадолго пережила мужа. Малолетний сын перешел на попечение родного дяди.

Нет точных сведений о том, как жил Феофан вплоть до 1705 года. Известно только, что образование он получил в Киевской академии, где штудировал русскую грамоту и латинский язык, а затем в Риме изучал красноречие, философию и поэзию. Любопытная деталь: живя в Италии, Феофан принял униатство. Но, возвратясь в 1705 году в Киев, вновь вернулся в лоно православия, принял имя Феофан Прокопович (в честь дяди). Под этим именем он и вошел в историю.

Быть может, Феофан Прокопович так и остался бы учителем академии или проповедником провинциального масштаба, если бы судьба не свела его с Петром. В 1706 году царь прибыл в Киев, где он услышал запомнившуюся ему проповедь киевской знаменитости. А говорилось в проповеди о делах и таланте молодого царя, уже успевшего приобрести опыт и мудрость. Второй раз Феофан встретился с царем спустя три года, после Полтавской победы. И вновь проповедник блеснул красноречием, выражая восторг по поводу великого события.

Царю многократно доводилось слушать проповеди с амвонов. Плавно текли витиеватые, мало понятные слушающим слова церковных иерархов. Традиции схоластических, оторванных от жизни поучений в духе общих сентенций о добре и зле складывались веками. Именно поэтому так поразила царя панегирическая проповедь, которую он слушал в Софийском соборе. Уже само ее начало было необычным, проповедник обращался к нему, живому человеку, и говорил о живом деле: “Пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монарх и преславный свейских войск победитель! Кое иное дать тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы принести тебе?” – патетически вопрошал оратор. Далее следовал рассказ о Полтавской битве, об измене Мазепы, о пленении шведов у Переволочны. Ласкали слух царя обращенные к нему слова: “Ты не только посылаешь полки на брань, но сам твоим лице с супостату стал еси, на первые мечи, и копии, и огни устремился еси”.

Проповедь префекта Киевской академии Феофана Прокоповича настолько понравилась царю, что он велел ее немедленно напечатать на русском и латинском языках. Петр увидел в монахе не столько симпатии к себе, сколько горячую приверженность своим делам. Это в конце концов и решило судьбу киевского проповедника. Правда, еще долгих семь лет пришлось ему коснеть в стенах Киевской академии, пока в 1716 году он не был вызван в столицу.

Переезд Прокоповича в Петербург отметил начало нового этапа в его жизни. В свою очередь и этот двадцатилетний период почти на две равные части расчленяется смертью Петра Великого. Но до 1725 года еще почти десять лет. Пользуясь безоговорочной поддержкой царя, Прокопович отдает весь свой талант преобразовательным начинаниям Петра: он выступает публицистом, творцом законодательных актов, автором исторического сочинения и богословских трактатов против старообрядчества. Он становится в это время фактическим руководителем духовного ведомства России.

И все же едва ли не самым главным средством пропаганды петровских дел были проповеди. Аудитория, внимавшая словам Прокоповича, не ограничивалась несколькими сотнями молящихся в Петербургской Троицкой церкви или в Успенском соборе Москвы, Печатный станок многократно расширял круг лиц, знакомившихся с блестящими сочинениями проповедника – почти все они были напечатаны.

Основа всех проповедей – пропаганда реформ и прославление талантов человека, их осуществлявшего. Проповеди в большинстве своем посвящались не эпизодам из частной жизни царя, а событиям государственного значения – победам на театре военных действий, началу работы нового учреждения, заключению победоносного мира со Швецией и т. д. И еще одна особенность: проповеди Прокоповича – не грубая лесть и не традиционная хвалебная оценка несуществующих добродетелей, приходится только удивляться изобретательности проповедника, его способности не повторяться, а всякий раз в соответствии с темой сочинения обнаруживать у царя новые достоинства.

Наконец, проповеди Прокоповича раскрывают перед нами широту взглядов самого проповедника, его образованность и умение определять место конкретного события в общем процессе. Если к этому прибавить образную речь, ее доходчивость, отказ от церковных оборотов, то огромное влияние Прокоповича на слушателей не вызывает сомнений. Проповедник обращался не только к разуму, но и к сердцу слушателей. Вспомним взволнованные слова, произнесенные им на погребении царя: “Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем”. Такой же эмоциональный накал обнаруживаем и в “Слове на похвалу”, произнесенном в день тезоименитства умершего императора – 29 июня 1725 года: “Скорбим и сетуем, но не яко окамененны; плачем и рыдаем, но не яко отчаянии; тужим от горести сердце, но не яко немии и чувств лишившиися”

Не буду излагать содержание проповедей Феофана Прокоповича. После их общей характеристики достаточно несколько наиболее характерных примеров.

“Слово похвальное о флоте” было произнесено 8 сентября 1720 года по случаю Гренгамской победы, когда русский флот одержал на Балтийском море победу над шведской эскадрой.

К самой победе Ф. Прокопович подошел издалека. Он начал с обоснования необходимости для России иметь флот. Он начал с ботика Петра, положившего начало созданию флота. Сделал он это мастерски и в высшей степени убедительно: “Не слышим ни единой в свете деревни, которая над рекой или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полунощная море обдержажшей, не имети бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однако же было бы то бесчаштно и укорительнo: стоим над водою и смотрим как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем»

Лишь после экскурсии в историю и рассуждений о необходимости иметь флот проповедник обратился к Гренгамскому сражению, подчеркивая при этом, что оно происходило при неблагоприятных для русских моряков условиях: день 27 июня был штормовым, следовательно, неудобным для действий галерами.

В “Слове о мире со Швецией” Ф. Прокопович тоже использовал свой любимый прием – экскурс в прошлое, сопоставление сил соперников до начала Северной войны. Оно было не в пользу России. Правда, русские воины и прежде одерживали победы, но это были победы над татарами, “однако ж войны и виктории татарские не в пример”.

Вслед за этим Прокопович перечисляет “Марсовы акции” продолжительной и суровой войны, начиная от “Нарвской язвы” 1700 года и кончая успехами на суше и на море, которые венчал почетный мир. Не забыл автор “Слова” и о тех испытаниях, что выпали на долю страны от внутренних неурядиц, – и “свирепый бунт донской, и жестокий мятеж астраханский”, и измену Мазепы. Поступок гетмана он уподобил тому, “кто на горящий дом солому и сено бросал или в лютейшем волнении скважины в корабле делал”.

“Слова” и “Речи” – не единственная форма участия Прокоповича в общественно-политической жизни страны. Пожалуй, не менее заметный след он оставил сочинениями, в которых выступил теоретиком абсолютизма, установления в России неограниченной монархии. Речь идет о “Регламенте Духовной коллегии” и о трактате “Правда воли монаршей”. Оба сочинения Прокопович написал по заданию Петра.

Главная мысль “Регламента Духовной коллегии” – преимущество коллегиальной формы правления над единоличной, Синода – над патриаршеством. С этой задачей Прокопович справился лучшим образом. Он обнаружил девять преимуществ Духовной коллегии или Синода над Патриархом. Вот некоторые из них: коллегиальное решение менее подвержено ошибкам, чем индивидуальное; коллегиальный указ, кроме того, к “повиновению приклоняет” больше, чем единоличный; более оперативно дела решаются коллегиально... Болезнь единоличного правителя, его отъезд приостанавливают рассмотрение дел, в то время как в коллегии отсутствие президента не исключало нормальной работы учреждения. Намекая на дело патриарха Никона, Прокопович

отмечал, что коллегиальное управление духовным ведомством исключает возникновение мятежей и искоренит у народа представление о патриархе как втором государе.

Духовный регламент, как и прочие регламенты коллегий, устанавливал круг попечений Синода. И главные среди прочих задач его – наблюдение за чистотой веры, контроль за приходами, возвращение раскольников в лоно официальной церкви.

Составитель Регламента предстает перед нами горячим сторонником распространения в народе просвещения: суеверия, мятежи, отступление от догматов Православной церкви – все это от темноты и невежества. И Прокопович делает логический вывод: “учение доброе и основательное есть всякой пользы как отечества, так и церкви, аки корень, и семя, и основание”

В Духовный регламент Прокопович включил несколько педагогических рекомендаций. Например, он считает, что, набирая слушателей в Академию, ученика надлежит “отведать на память и остроумие. И если покажется весьма туп, не принимать в Академию, ибо лета потеряет и ничему не научится”. Другой совет: “Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорлив, и буде чрез годовое время ни увещаниями, ни жестокие наказания одолеть ему невозможно, хотя бы и остроумен был – выслать из Академии, чтоб бешеному меча не дать”

При Академии, создаваемой в каждой епархии, должна быть учреждена семинария. Однако пункты Регламента, относившиеся к распространению просвещения, увы, остались всего лишь пожеланиями. В 1721 году в Новгороде была основана единственная в стране школа, причем Прокопович содержал ее на собственные средства. За 15 лет она выпустила 160 юношей, но после смерти Прокоповича прекратила существование.

Другое поручение царя Прокоповичу носило весьма деликатный характер – оно касалось дела царевича Алексея. Автору надлежало обосновать опубликованный в 1722 году Устав о “наследии престола”, предоставивший царствующему монарху право назначать себе преемника, а затем в случае надобности изменять свое решение. Так появилась “книжица” (как называл свое сочинение Прокопович), озаглавленная “Правда воли монаршей”. Сочинение было обращено в прошлое, поскольку доказывало обоснованность лишения царевича Алексея права наследовать престол, но оно было обращено и в будущее, поскольку вместо обычая передавать корону по первородству устанавливало новый порядок, всецело зависевший от воли царствующего государя.

“Правда воли монаршей” была написана всего год спустя после Духовного регламента. Это тем не менее нисколько не помешало автору излагать диаметрально противоположные идеи: там он изоощрялся в доказательстве преимуществ коллегиальной формы правления над единоличной, здесь, напротив, отвергал такие “коллективные” формы верховной власти, как аристократия и демократия, и доказывал, что Россией может править только наследственная монархия. Приходится только отдать должное пропагандистскому мастерству Феофана Прокоповича, которым он владел в высшей степени искусно

Перу Прокоповича принадлежит еще одно сочинение светского содержания – “История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии”. В этом сочинении множество красочных подробностей, отсутствующих в прочих источниках, но в то же время немало неточностей, что дает основание для догадки – Прокопович пользовался не только письменными документами, но и рассказами участников событий, семейными преданиями и другими неподтвержденными документально источниками. Эпиграфом к “Истории” можно поместить слова из речи царя в канун Полтавской битвы, отредактированной Прокоповичем: “А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние”

Автор этого сочинения внедрял в сознание читателя две идеи, кстати, не противоречившие реалиям жизни. Первая – педагогическое назначение поступков царя, которыми он подавал пример (“приклад”) подданным. Не менее важна и другая мысль:

царь не уклоняется от “кровавых трудов” и поэтому только “весьма бессовестные” подданные могут роптать на тяготы войны.

Помимо этих трактатов Ф. Прокопович написал множество сочинений против ханжей и лицемеров, против старообрядцев и в защиту догматов православной церкви.

Смерть Петра, судя по словам Прокоповича, была неожиданностью для современников. Проповедник, надо полагать, находился в состоянии растерянности не только потому, что лишился покровителя, поручения которого он блистательно выполнял, но и потому, что среди возможных преемников не видел достойного продолжателя начатого царем дела.

На трон не без участия Ф. Прокоповича была возведена супруга покойного Екатерина Алексеевна. В ее честь Прокопович произнес три проповеди: одну еще при жизни Петра, в день ее коронации 7 мая 1724 года, другую – ровно через два года – в день воспоминания о коронации, третью – на погребении императрицы 16 мая 1727 года. Но это уже были совсем другие проповеди. Если в посвященных Петру I проповедник ярко и образно прославлял не столько личные достоинства царя, сколько результаты его титанических усилий, то палитра красок становится бледнее и бледнее, когда речь заходит о Екатерине I и Петре II. “Слова”, произнесенные в честь императрицы, можно назвать переходными: проповедник еще пытается не грешить против истины и уклоняется от восхваления несуществующих добродетелей. Если он и отмечает достоинства императрицы, то ограничивает их значение семейными делами. Заслуга ее состояла в том, что она “увеселяла” супруга, “угождала” ему, “здравыми услужила советами”, вносила согласие в царскую семью, “что хотя иным невестка, иным тетка, иным бабка была, однако же вси ю мать свою нарицали”

Петр II сидел на троне в два раза дольше, чем Екатерина. За трехлетнее царствование юного императора Прокопович произнес пять проповедей. Ничего существенного в стране с 1727 по 1730 год не произошло, а потому “Речи” и “Слова” произносились то по случаю прибытия императора в Новгород и Москву, то по случаю дня рождения, то – коронации. В “Слове”, произнесенном в день святых апостолов Петра и Павла 29 июня 1728 года, Прокопович не удержался от соблазна отметить у Петра множество достоинств: “Видим в младенческом возрасте твоём, – раздавался голос проповедника в Успенском соборе, – мужеский разум, узнаем же в том твоём мужестве младенческую простоту; ощущаем воню благоухания Христова от незлобия, кротости и природной ко всем милости”

Таков был удел пропагандиста, обслуживавшего интересы трона. Если у занимавшего его отсутствовали таланты, то их надо было изобрести, если не было подвигов, то их надлежало аккуратно приписать, если худо обстояло дело по части милосердия, то об этом можно было и умолчать.

28 апреля 1730 года Прокопович произнес речь на коронации Анны Иоанновны. В ее царствование это было самым примечательным событием, и Прокопович еще трижды – в 1731, 1732 и 1734 годах – возвращается к нему, произнося “Слова в день воспоминания коронации”.

В первые годы Прокопович уклонялся от оценок личных качеств императрицы, ее способностей к управлению огромной империей. Проповеди этих лет подчеркивали роль Анны Иоанновны в установлении в России самодержавия.

Чем ближе к своей кончине, тем больше проповедник отступал от истины и рассыпался в похвалах императрице. По сути, хвалить было не за что. Единственное полезное новшество Анны Иоанновны – открытие шляхетского кадетского корпуса. Все остальное, привлеченное для доказательства заслуг императрицы, – факты повседневной жизни, настолько обыденные и неуловимые, что проповеднику приходилось прибегать к общим фразам. И тем не менее они дали Прокоповичу основание почитать Анну Иоанновну “достойной Петра наследницей”, которая “сама собою довольна, сама славна, сама видна, ясна и всем ведома”. Проповедник задает вопрос: “Хочем ли хвалити тебе

всеавгустейшую монархиню нашу? – отвечает: – Если сие делаем, то в море каплю пускаем”.

Политическая нестабильность, сложившаяся в России после смерти Петра I, чехарда на троне вынуждали Прокоповича окунуться в водоворот политической борьбы. Сколь шатким было положение Прокоповича, явствует из того, что в 1727 году было велено изъять “Устав о наследии престола” из присутственных мест и у частных лиц. Можно представить, как неуютно чувствовал себя автор “Правды воли монаршей”, доказывавший справедливость норм, установленных “Уставом о наследии престола”. Теперь, после смерти Петра, Прокоповичу доводилось в полном одиночестве защищать не только свои дела, но и подчас – свою жизнь. Волна за волной накатывались на него доносы, каждый из которых мог стоить ему жизни. Чем объяснить появление доносов на Прокоповича?

Известно, насколько враждебно относилось духовенство к петровским преобразованиям вообще и к церковной реформе, упразднившей патриаршество, – в особенности. А церковная реформа в глазах и рядового духовенства, и церковных иерархов связывалась с именем Феофана. Устранение его от дел, рассуждали они, откроет путь к восстановлению патриаршества. Не вызывали симпатий и личные качества Феофана. Честолюбивый и надменный, он подчеркивал (впрочем, не без оснований) свое превосходство над окружавшими его духовными иерархами.

Главным оппонентом и обличителем Феофана выступал второй вице-президент Синода, новгородский архиерей Феодосий. Человек сварливый и честолюбивый, он втайне мечтал об изгнании из Синода Прокоповича, с которым не мог состязаться ни в образованности, ни в ораторском искусстве. Феодосию удалось через подставных лиц организовать донос, обвинявший Феофана в нечистоплотности: в подчиненном Прокоповичу Псково-Печерском монастыре валялось 70 икон с ободранными окладами, из которых пропали драгоценные камни.

Именно этому человеку Феофан и решил нанести ответный удар. Это была акция, выражаясь военным языком, активной обороны. Невоздержанный на язык Феодосий предоставлял против себя обильный материал. То он сболтнул о Петре I, что его покарал Бог (“вот де только коснулся духовных дел и имений, Бог его взял”), то в ответ на действия караула, не пропускавшего его через дворцовый мост, размахивая с угрозой тростью, кричал: “Я де сам лучше святлейшего князя”, то предрекал гибель страны (“скоро гнев Божий снеидет на Россию”, и жестом показал, как будут отсекаль головы). Высказывания Феодосия, а их было во много крат больше здесь приведенных, Феофан собрал воедино и выложил императрице, придав им политическую окраску: трону, дескать, грозит смертельная опасность, Феодосий замышляет бунт.

Донос Феофана, изложенный устно, был своего рода опробованием способа его борьбы с противниками. Удар, нанесенный Феофаном, стал неотразимым и сокрушительным. 12 мая 1725 года с барабанным боем был оглашен составленный Прокоповичем приговор: Феодосий ссылался в монастырь, расположенный в устье Двины. А спустя некоторое время Феодосий был лишен сана.

Победа Прокоповича оставила у современников неприятный осадок, ибо выходило, что победитель в награду за донос получил освободившуюся после ссылки Феодосия новгородскую кафедру, более богатую, чем кафедра псковская. Но победа к тому же оказалась неполной, она не обеспечивала прочного положения в Синоде, где стараниями Меншикова на вакантные места были определены два синодальных члена, принадлежавших к противникам Прокоповича.

В следующем году последовал новый пространный донос из 47 пунктов, обвинявший Феофана в лютеранских симпатиях, в пренебрежении к иконам и т. д. Главное обвинение против новгородского епископа носило политический характер – ему приписывалось недоброжелательное отношение к императрице.

Феофану и на этот раз удалось отвести от себя обвинения. Он вновь праздновал победу: доносителя объявили клеветником, и указом императрицы отправили в крепость.

А доносы, подобно волнам, все накатывались и накатывались на Феофана, но фортуна оказалась к нему благосклонной, он устоял до наступления счастливых для него времен, связанных с воцарением Анны Иоанновны.

Во время бурных событий 1730 года симпатии Прокоповича были, разумеется, не на стороне “верховников” во главе с Артемием Вольтером. Их попытку ограничить самодержавие Феофан окрестил пренебрежительным словом “затейка”. Его страстное сочинение, написанное талантливым пером публициста, внесло немалый вклад в провал “затейки” верховников.

Императрица не забывала неоценимых услуг, оказанных ей Феофаном, и выказывала к нему благосклонность. Сумел он войти в доверие и к ее всесильному фавориту Бирону. Его поддерживал Остерман. Так что Феофан вскоре стал полновластным хозяином Синода, и теперь уже никто не осмеливался ему перечить – ни прямо, ни косвенно

Как распорядился Прокопович своим талантом и властью в новых условиях? И то и другое он мобилизовал на расправу со своими недругами. Начал он с чистки Синода. С его составом произошло то же самое, что и с составом упраздненного Верховного тайного совета: большинство членов обоих учреждений оказались в опале. Указом от 31 июля 1730 года из Синода вывели новых недоброжелателей: Феофилакта Лопатинского, Георгия Дашкова и Игнатия Смола.

Казалось бы, Прокопович мог этим ограничиться, его противники, лишённые власти, не представляли теперь угрозы. Но Феофану показалось этого мало. Жажда мести осталась неутоленной, и он продолжал преследования поверженных жертв: Георгий Дашков был лишён сана и простым монахом отправлен в монастырь Вологодской епархии; Игнатий Смола поплатился архиерейством и ссылкой в Свяжский Богородицкий монастырь. Прокопович зорко следил за режимом их содержания. Ему стало известно о вольготной жизни Игнатия, пользовавшегося сочувствием казанского митрополита Сильвестра. Началось следствие, а за ним – указ от 30 декабря 1731 года, в котором императрица, “милосердая”, велела бывшего коломенского архиерея Смола сослать в Никольский Корельский монастырь, где его надлежало содержать “под крепким караулом”.

Завершило серию процессов, возбужденных Прокоповичем против своих недругов, дело Феофилакта Лопатинского, издавшего в 1728 году сочинение Стефана Яворского “Камень верь”. Оно было написано еще в 1715 году и направлено против протестантов. Петр I, придерживавшийся политики веротерпимости, запретил его печатать. Против Лопатинского стараниями Феофана был возбужден политический процесс, закончившийся лишь после смерти Прокоповича. Лопатинского обвинили в “злоумышленных, непристойных и предрезностных рассуждениях”, высказанных в процессе полемики после публикации “Камня веры”, и приговорили к лишению архиерейства, “всего священства и монашеского чина”. Его надлежало бы казнить, но “милосердная” императрица повелела содержать под крепким караулом до смерти в замке Герман Выборгской крепости. Это была последняя жертва Феофана.

Когда сопоставляешь Феофана Прокоповича времен царствования Петра Великого с Прокоповичем при его преемниках, то создается впечатление, что перед нами два разных человека. При Петре – это образованнейший и гуманный человек, радетель просвещения и горячий сторонник преобразований. Позже он предстает человеком жестоким и суровым, мстительным и злопамятным, мелочным и лишенным милосердия. В борьбе со своими противниками, далеко уступавшими ему в интеллекте, он опускался до их уровня и пользовался их приемами

И тем не менее имя Феофана Прокоповича прочно утвердилось в списке выдающихся деятелей, способствовавших преобразовательным начинаниям Петра

Великого. Он был главным действующим лицом в утверждении церковной реформы Петра I. Он ревностно защищал реформы и после смерти преобразователя. Однако, защищая реформы, он действовал вопреки христианской морали и не гнушался, преследуя своих противников, опираться на Тайных розыскных дел канцелярию.

*Павленко Н. Феофан Прокопович // Наука и жизнь. № 4, 1995. С. 86-92 // <http://halkidon2006.orthodoxy.ru/n/115.htm>

?? В чем причина популярности проповедей Феофана Прокоповича? Каковы взгляды Феофана на роль государства и государя в истории России? Сторонником какой формы правления являлся Ф. Прокопович? Как он это обосновывал? Каково значение проповедей, слов, официальных документов, написанных Феофаном?

В.И. Пичета. Историография. I. Историография Северо-Восточной Руси*

I. Начало Русской исторической науки XVII – XVIII вв.

История кн. А. М. Курбского. Степенная книга. Повести о смутном времени. Федор Грибоедов. А. Манкеев. — В. Н. Татищев. Академия Наук и немецкая школа в русской историографии.

Первым опытом не летописного изложения событий русской истории можно считать Историю Княжества Великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими кн. А. Курбского. Правда, сочинение кн. А.М. Курбского напоминает собою обычный мемуар, в котором субъективная точка зрения доведена до крайности, но в то же время в нем заметна попытка дать прагматический рассказ о событиях, происходивших в царствование Грозного (Русск. Ист. Библ. XXX). К разряду исторических сочинений надо отнести и Степенную книгу (Полн. Собр. Летописей, том XXI). Конечно, это ненаучная обработка русской истории, но в то же время и не летопись в прямом смысле слова. Составитель Степенной книги был официальным историографом. Он широко воспользовался наличным историческим материалом и пытался расположить его в том порядке, какой официально историографу представлялся наиболее соответствовавшим его заданию. Располагая великих и малых князей по степеням, автор в прошлом Московского Государства видит только историю княжеских фамилий, княжеских родословий, среди которых господствует княжеская ветвь, представляемая Московскими князьями.

Смутное время должно было весьма резко отразиться на отношении общества к историческим явлениям и событиям. Его события расширили кругозор современников и заставили их по иному относиться к происшествиям, свидетелями которых они были. Прежнее наивное религиозно-философское мировоззрение стало разлагаться и заменяться более трезвой, реальной оценкой. Значительная часть авторов повестей и сказаний о Смутном времени (Русск. Ист. Библ. XIII) – не просто мемуаристы, повествователи того, свидетелями и участниками чего они были, но писатели, старавшиеся составить себе определенное представление о прошлом, отделить истину от лжи, правду от вымысла, обрисовать главных действующих лиц в объективном освещении. Правда, в их повестях встречается старая философско-историческая терминология, чувствуется отражение прежнего философско-исторического миропонимания, но все это только признаки живучести старины, а не показатель действительного отношения к историческим событиям и явлениям. Смутное время дало толчок к освобождению исторической мысли от влияния богословской науки и церкви. Оно заставило пристальнее всмотреться в происходившие на глазах автора события и попытаться найти им объяснение объективного характера, видеть во всем, что случилось, результат определенных политических и общественных отношений. В этом отношении особенно интересен Временник дьяка Ивана Тимофеева. Его автор упорно не хочет расстаться со старым философско-историческим миропониманием, но в то же время никто дальше его не ушел

от этого понимания, ибо для него события Смуты есть следствие определенных условий и отношений. Он стремится быть объективным, говорить только правду, относиться критически к слышанному, давать правдивые отзывы о главных действующих лицах. Дьяк Тимофеев видит причину разрухи в нарушении общественно-политического союза, существовавшего между царем и подданными. Обе стороны были связаны определенными обязательствами и отношениями. Они были нарушены царем, что в свою очередь вызвало и со стороны народа нарушение лежавших на нем обязательств. Союз между царем и народом распался, перестал действовать, и в этом заключается основная причина Смуты, весьма выпукло и резко выдвинутая автором.

В первой половине XVII века не появилось ни одного исторического труда в прямом смысле этого слова. Только во второй половине века (1669), по желанию Алексея Михайловича, дьяком Федором Грибоедовым было написано сочинение в 96 главах, под заглавием История о царях и великих князьях земли русской (Памятники древней письменности, 1896 г., № XXI). По своему содержанию эта работа тесно примыкает к Степенной книге. Для официального историографа, получившего щедрое вознаграждение за свой труд, русская история – это история царствующей династии в лице ее отдельных представителей. В сочинении Грибоедова резко выражена националистическая тенденция. Автор принимает на веру все легендарные рассказы, в частности легенду о происхождении московских государей от Пруса.

Отсутствие исторического сочинения о России особенно чувствовалось Петром I, который, в конце концов, решил поручить написать русскую историю. Такое поручение было однако трудно выполнимо при отсутствии необходимого и критически просмотренного материала. Неудивительно, что из поручения, данного Поликарпову, практически ничего не получилось. К той же эпохе относится и сочинение Андрея Манкеева – Ядро Российской Истории (изд. 1770 г.), написанное главным образом на основании южно-русского Синописа и несколько дополненное по русским летописям. Ядро было составлено за границей в шведском плену и доводило рассказ до 1612 г. Его научное значение не велико. Однако, заслуживает внимания намерение автора давать правдивое описание событий, и при том на основании русских источников. Отсутствие прагматизма и правильного понимания сущности исторического процесса составляют главные недостатки Ядра Российской Истории.

Эпоха Петра также взволновала общественное мнение, как и Смутное время. Она заставляла современников внимательнее отнестись ко всему тому, что происходило на Руси, когда, казалось, ломались создавшиеся веками бытовые и правовые отношения. Время Петра не только расширило кругозор современников, не только давало толчок для интенсивной работы мысли, но и способствовало развитию исторической науки, которая позволяла бы представить все пережитое в точном, ясном и правдивом изложении. Превратиться в историка по необходимости и при том добровольно, пришлось В.Н. Татищеву (1686 – 1750), пленцу гнезда Петрова, государственному деятелю времени Анны и Елизаветы, суровому колонизатору Оренбургского края.

В.Н. Татищев был послан в 1704 году за границу. Пребывание в последней, разумеется, оказало на него большое влияние. При Петре он занимал разнообразные административные должности, удачно выполняя все возложенные на него поручения, хотя, кажется, не всегда отличался личным безкорыстием, так как считал, что только «посул неправедных» брать не следует, но благодарность «получать могут», за что не раз приходилось Татищеву оправдываться перед судом. Свои занятия историей Татищев начал с того времени, когда Брюсс поручил ему составить географию России, но для Татищева было ясно, что составление географии без знания истории совершенно невозможно. Таким образом Татищеву пришлось обратиться к изучению истории России. Свои занятия он начал с собирания материалов. В этом отношении им сделано много, между прочим отысканы Русская Правда и Судебник Ивана IV, к которым Татищев дал

весьма ценные примечания. Оба памятника были изданы Шлецером в 1767 г. и Мюллером в 1768 г.

Татищев занимался историей России около тридцати лет. Плодом его научных занятий явилась История России с самых древних времен, Этот труд, конечно, нельзя назвать историей в прямом смысле слова. Это ничто иное, как сводная летопись, составленная по разным источникам, часть которых не сохранилась, так как много материалов погибло во время пожаров. Погибла и Иоакимовская летопись, на которую не раз ссылается автор в своей книге. Знакомство с историей России, по мнению автора, необходимо для всякого практического работника, какого бы рода деятельностью он ни занимался. Предметом истории являются «деяния и приключения», ибо «нет никакого приключения, чтобы не могло деянием называться». Историк должен быть правдивым, так как верность сказаний составляет сущность историко-описательных рассуждений. Поставив себе такую задачу, Татищев однако не всегда приводит ее в исполнение, так как, снабжая разные источники, по преимуществу летописные, критическими примечаниями, автор совершенно не подвергает их исторической критике, хотя зародыш такой критики, часто весьма наивной, у него имеется. Труд Татищева был напечатан только после его смерти Миллером и при том с сокращениями. Сначала было издано 4 части (1768 – 1774). Последняя часть была издана Бодянским в Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г. Современники Татищева рассматривали критические замечания и критическое отношение к источникам и фактам, как политическое и религиозное вольнодумство автора.

Под влиянием путешествия по Западной Европе Петру I пришла в голову мысль создать в России такое высшее учебное заведение, в котором разработка науки соединялась бы с преподаванием соответствующих предметов русскому юношеству. По предположенному уставу Академии при последней намечалось открытие исторического отделения, куда в качестве академиков были приглашены Иоганн Коль (1725), Готлиб Зигфрид Байер (1726), Герард Фридрих Миллер (1725). Первый из приглашенных академиков заболел и уехал на родину. На развитие исторической науки его деятельность не имела никакого влияния. Этого, однако, нельзя сказать об остальных двух. Байер был филолог, не знавший русского языка и не хотевший его изучать. Поэтому он мог заняться лишь тем периодом русской истории, для изучения которого были необходимы иностранные памятники. Байер касался вопросов о скифах, славянах, о происхождении варягов, о географии России и соседних с ней стран. Большой исторической заслугой Байера является исследование вопроса о происхождении варягов – Руси. Исследуя его, Байер склонился к признанию варягов – Руси скандинавами по происхождению, чем и положил начало Норманнской школе в историографии, вызвавшей в науке так много сторонников и не меньше противников и при том довольно ярких.

Второй академик, немец Миллер также оказал существенные услуги русской исторической науке. С его именем связано собрание большого количества исторических документов, в особенности благодаря его участию в сибирской экспедиции, предпринятой Академией Наук и продолжавшейся десять лет (1733-1742). Привезенные им документы в подлинниках или копиях хранятся в Архиве Мин. Иност. Дел и составляют ценный вклад для исторической науки по изучению Сибири. С его именем связано открытие Сибирской летописи в Тобольске. На основании этих документов Миллером было составлено Описание Сибирского Царства (1750), отличающееся обилием фактического материала. Рядом с этим в период от 1732 по 1765 г. г. Миллер принялся за издание документов и статей о России, сначала на немецком языке в виде сборников под заглавием *Sammlung Russischer Geschichte*, а с 1755 г. стал издавать исторический журнал Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. В течение 10 лет было издано 20 томов, в которых помещено много документов и разных статей по русской истории. Кроме того, Миллером были изданы: История Татищева, Судебник Ивана IV с примечаниями Татищева, Степенная Книга и «Ядро» Манкеева. Свои занятия русской историей Миллер мог вести по более широкому масштабу, так как изучил русский и славянский языки. Он

превосходно понимал, что составление исторического сочинения о России невозможно без исторических, географических и этнографических материалов, собиранию которых была посвящена вся его жизнь. В вопросе о варягах – Руси и начале русского государства Миллер являлся продолжателем мнения, высказанного Байером и вызвавшего жестокие нападки на Миллера со стороны М. В. Ломоносова за его якобы непатриотические взгляды.

Рядом с Миллером надо поставить Августа Шлецера (1735 – 1809), вызванного Миллером в 1761 году в Россию. Питомец Геттингенского университета, Шлецер превосходно знал классические языки и некоторые восточные. Впоследствии он изучил готский, исландский, лапландский и польский языки. Задумывая путешествие на восток, Шлецер согласился ехать в Россию в качестве домашнего учителя в семье Миллера, где он довольно скоро познакомился с русским и славянскими языками. В 1761 году Шлецер был приглашен в Академию Наук на правах адъюнкта, и ему была поручена критическая разработка летописей. Еще будучи домашним учителем в доме Миллера, Шлецер указал последнему на ряд неправильностей, допущенных при издании Радзивилловского списка древней летописи. Не довольствуясь местом адъюнкта в Академии, Шлецер захотел стать профессором Академии и с этой целью составил план разработки и занятий русской историей. План отличается большой широтой и продуманностью. Шлецер предполагал собрать хроники и летописи и подвергнуть их критическому изучению с грамматической и сравнительно-исторической точек зрения. Для понимания хроник необходимо составить глоссарий славянского языка и приступить к исследованию славянских наречий. Шлецер был совершенно прав в своих взглядах на ближайшие задачи русской истории. Однако, его записки встретили весьма резкое отношение со стороны М. В. Ломоносова и довольно двусмысленную оценку со стороны Миллера. Все же, в 1765. г. Шлецер был назначен Академиком с правом через пять лет уехать за границу. В 1769 году Шлецер уехал в Германию, где получил в Геттингенском университете место профессора и где мог всецело посвятить себя научным занятиям. В течение 1805-1806 гг. Шлецер издал труд колоссальной важности: «Nestor, Russische Annalen», сейчас же переведенный на русский язык. Труд Шлецера – результат долголетней критической работы над летописями. Он воспользовался для нее 12 печатными и 9 рукописными списками. На основании сравнительно исторического изучения этих списков Шлецер стремился очистить Нестора от всякого материала, не имеющего никакого исторического значения, а также взять из русских летописей только то, что действительно имеет историческую ценность и значение. Кроме того, Шлецер занимался изданием русских памятников. Он предложил также выбрать из византийских хроник и летописей все данные, которые касаются России и соседних с нею стран. Эта необходимая работа была выполнена Иоганном Штриттером в течение 8 лет (1771 – 1779). Из 36 томов византийских летописей Штриттер составил 4 тома и издал их на латинском языке под названием: «Methotiae populorum» (Записки о народах, обитавших в древности при Дунае, Черном и Азовском морях, Кавказских горах, Каспийском море, и далее к северу, выбранные из писателей византийской истории). Это издание не потеряло своей ценности и до настоящего времени.

Немцы академики оказали громадные услуги русской исторической науке. В изучение памятников русской истории они внесли критические приемы и методы европейской науки и оживили материал старых русских и иностранных хроник; их попытка объяснить развитие культурных процессов в среде славянства влиянием германского племени вызвала со стороны русских историков XVIII в. резко враждебное отношение, подчас очень пристрастное и совершенно не заслуженное.

*Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М.: Государственное изд-во, 1922. С. 94-147 // <http://www.opentextnn.ru/history/?id=2704>

?? Как социально-политическая ситуация Смутного времени повлияла на изменение взглядов авторов сочинений на современные им события? В чем, по мнению

В.И. Пичеты, состоит заслуга В.Н. Татищева как историка? Какова роль немецких ученых-академиков в развитии источниковедения и историографии истории России?

А.Ю. Климочкина. Историческое наследие М.В. Ломоносова в оценках отечественной историографии*

Историческими исследованиями М.В. Ломоносов стал заниматься во второй половине 1740-х гг. и продолжал до конца жизни. Его основные труды – "Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера "Происхождение имени и народа российского", "Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.", "Краткий Российский летописец с родословием", ряд работ о Петре Первом.

Взяться за перо историка Ломоносова во многом побудило неприятие норманнской концепции происхождения древнерусской государственности, которую предложили немецкие ученые, работавшие в Петербургской Академии наук: Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер. М.В. Ломоносов, усмотрев в норманизме тезис об отсталости славян и их неготовности к образованию государства, активно отстаивал иную точку зрения, в частности, предложив нескандинавскую идентификацию варягов.

После смерти великого ученого, его оппонентам удалось взять реванш и бросить на Ломоносова тень как на специалиста в области истории. В частности А.Л. Шлецер охарактеризовал Ломоносова "невеждой во всем, что называется историческою наукою", национал-патриотом, выступавшим против идей немецких ученых по политическим причинам. Вслед за Шлецером российская дореволюционная историческая наука, в лице самых лучших ее представителей выводила антинорманские идеи Ломоносова за пределы науки, а его самого не рассматривала как профессионального историка.

Значительную роль в распространении идей норманизма в отечественной дореволюционной историографии сыграл Н.М. Карамзин, который считал, что Ломоносов "хотел опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрик и братья его были скандинавы".

С.М. Соловьев своим авторитетом утвердил в XIX веке скептический взгляд на Ломоносова-историка. Подчеркивая, что именно он являлся "отцом русской науки", Соловьев считал, что Ломоносову, обремененному столькими делами "недоставало ни времени, ни средств изучить вполне русскую историю", что тот смотрел на историю с "литературной точки зрения". По поводу дискуссии между норманистами и Ломоносовым Соловьев высказывал мнение, что, "сильнейшее раздражение" первого русского ученого против немецких историков "проистекало... от сильного раздражения его против немецкой стороны в академии". Вместе с тем Соловьев утверждал, что признавать "чуждое происхождение" варяжских князей "было оскорбительно для народного самолюбия".

Оценку М.В. Ломоносова, данную Соловьевым, поддержала большая часть историков второй половины XIX века. Так, В.О. Ключевский полагал, что истинный источник "непримиримой" вражды Ломоносова к немцам-академикам следует искать "в патриотическом негодовании", которое возбуждалось в нем их отношением к делу просвещения в России. Нападки Ломоносова вытекали из его патриотических взглядов, причем доводы его были не столь убедительны, сколько жестоки. По оценке П.Н. Миллюкова Ломоносов представлял собой "патриотическо-панегирическое" направление, где главными были не знание истины, а "патриотические преувеличения и модернизация".

Вместе с тем, дореволюционные историки не могли не признавать явные заслуги М.В. Ломоносова в области исторической науки, что в корне разрушало их же представление о нем как об историке. Так, Соловьев и Ключевский констатировали, что "во всей силе великий талант Ломоносова блещит" в его утверждениях, что не существует

несмешанных наций и что история народа обыкновенно начинается раньше, чем становится известным его имя.

Советская довоенная историография в полной мере восприняла мнения дореволюционных ученых о Ломоносове-историке. В период пропаганды идей интернационализма, борьбы с "великодержавным шовинизмом" Ломоносов был признан националистом и ксенофобом, а его антинорманнская теория была признана ненаучной. Например, Н.Л. Рубинштейн внушал, что Ломоносов, не будучи "историком-специалистом", лишь "во имя национальной гордости" восстал против норманнской теории.

Начало Великой Отечественной войны дало мощный импульс пересмотру норманнской концепции и переоценке исторического наследия М.В. Ломоносова. Этому способствовало то, что норманнская теория была взята на вооружение идеологами гитлеровской Германии в качестве обоснования своих захватнических действий. Кроме того, норманнская концепция вставала в некоторое противоречие с марксистской теорией, утверждавшей, что государство не может быть навязано извне. В первые послевоенные годы известный историк М.Н. Тихомиров, подверг резкой критике противников Ломоносова и подчеркнул, что с самого начала норманнская теория служила сугубо политическим целям противников России. Таким образом, до конца 1950-х гг. в советской науке устанавливается "воинствующий антинорманизм".

С началом периода "оттепели" критика норманизма приобрела более взвешенный, конструктивный характер. Так, Л.В. Черепнин утверждал, что "Ломоносов был великим человеком своего времени. Поэтому не нужно изображать немецких ученых невежественными людьми, чтобы оттенить его величие". К историческому наследию М.В. Ломоносова обращалось огромное число советских историков, которые единодушно утверждали, что его изыскания по истории России "не были ни дилетантскими, ни случайными, а являлись такой же необходимостью, как и его занятия естественными науками", что в истории он был ученым-новатором, а его исторические труды заслуженно занимают место рядом с его гениальными творениями в области естественных наук. Подчеркивалось, в частности, что Ломоносов правомерно указал на ненаучность приемов немецкого исследователя Миллера, игнорировавшего показания русских источников. В это время сомнения по поводу взглядов Ломоносова пытались высказать только некоторые советские археологи, занимающиеся изучением славяно-русским древностей.

Однако, при оценке М.В. Ломоносова как историка советскими исследователями слишком подчеркивались его патриотические устремления. Об этом заявлялось столь громко, что это могло вызвать сомнения в тезисе о Ломоносове как о выдающемся объективном историке.

С конца 1980-х – начала 90-х гг., с ликвидацией "железного занавеса", начавшейся критикой марксистской концепции истории и всего советского в исторической науке стало нормой нелюбезно отзываться и об "антинорманизме". В новейшей историографии в оценке Ломоносова как историка опять восторжествовал крайний скептицизм. Такие ученые как А.Б. Каменский, Э.П. Карпеев, И.Н. Данилевский и другие настойчиво подчеркивают, что Ломоносов был пристрастен, создал ненужный ажиотаж вокруг варяжской проблемы и, являясь выразителем "национальной" политики, заменял научную аргументацию "доводами гипертрофированного патриотизма".

Одновременно в исторической науке на современном этапе стало вызревать другое направление, представители которого встали на защиту Ломоносова как историка, либо без предубеждений отмечали его явные заслуги на поприще русской истории (А.Н. Сахаров, А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин). Эти ученые доказали, что именно служение истине и объективный взгляд на прошлое своего народа позволили М.В. Ломоносову прийти к важнейшим выводам, принятым в отечественной и зарубежной исторической науке: о глубокой древности славян, о скифах и сарматах как древних обитателях России, о сложном этническом составе скифов, о складывании русской народности на

полиэтнической основе, об участии славян в Великом переселении народов, о полицентризме русской истории, о широком значении термина "варяги" и др.

В полной мере можно согласиться с высказыванием В.В. Фомина: "трудно представить, что было бы сделано М.В. Ломоносовым на попрание истории, если бы она одна была его уделом". Но и того, что он сделал, занимаясь еще химией, математикой, физикой, металлургией и многими другими отраслями науки, вполне достаточно, чтобы признать Ломоносова ярким историком и без предвзятости взглянуть и на него и на его наследие.

*Вклад М.В. Ломоносова в развитие гуманитарного знания. К 300-летию великого ученого и мыслителя. Учебное пособие. М., 2012 // http://philosophy.mitht.ru/Lomonosov.conf.2011.htm#_Тoc315047318

?? Как и почему менялись точки зрения историков на антинорманские воззрения М.В. Ломоносова? В чем состоит заслуга ученого как историка?

Раздел 4. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Методические рекомендации

В этом разделе представлены извлечения из работ известных российских историков Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова по наиболее дискуссионным проблемам русской истории, например, о призвании варягов, роли Ивана III, деятельности Ивана Грозного, Смутном времени и др.

Анализ этих работ позволит студентам глубже понять эти проблемы, выработать свою позицию, постараться найти аргументы для ее обоснования.

Студентам необходимо изучить статьи В.И. Пичеты и К.Б. Умбрашко о скептической школе М.Т. Каченовского, о трудах Н.А. Полевого, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, чтобы подготовиться к занятиям, где будут рассматриваться взгляды этих ученых на историю России, понять суть разногласий между ними.

Современный исследователь Н.А. Тюкачев исследует либеральную историографию революционного народничества, анализируя труды Б.Н. Чичерина, А.А. Корнилова и др. историков XIX в.

В отрывке из исследования Н.Л. Пушкаревой дается представление о социальном положении древнерусской женщины в дореволюционной историографии в трудах Н.М. Карамзина, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А. Терещенко и др. это поможет студентам подготовиться к семинару, выявить, что уже дореволюционная историография накопила значительные материалы, позволяющие осветить историю семьи. Социальное положение женщины. Все это явилось основой для появления в середине XX в. новых направлений в исторической науке, таких как гендерная история, история повседневности, историография которых будет изучаться во втором семестре.

Н.М. Карамзин. История государства Российского*

Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых провидением решить надолго судьбу народов: он есть герой не только российской, но и всемирной истории. Иоанн явился на театре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникала в целой Европе. Власть королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига мавров, сделалась первостепенною державою. Соединение трех государств северных было

предметом усилий короля датского. Кроме успехов власти монархической и разумной политики, век Иоаннов ознаменовался великими открытиями. Колумб открыл новый мир, родились новые связи между народами; одним словом, началась новая эпоха.

Россия около трех веков находилась вне круга европейской политической деятельности. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия князей московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для единовластия и нашего внутреннего могущества, но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростью умного слуги ханского. Великодушный Димитрий победил Мамай, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского еще искал милости в ханах, а внук испил всю чашу стыда на престоле, униженном его слабостью, быв невольником в самой Москве. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, сделался одним из знаменитейших государей в Европе; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, силою и хитростью восстанавливая свободу и целостность России, губя царство Батыево, тесня Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая уделы, расширяя владения московские. Бракосочетанием с Софиею обратив внимание держав, разодрав завесу между Европою и нами, с любопытством обзорева престола и царства, не хотел мешаться в дела чуждые. Следствием было то, что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних. Он был первым истинным самодержцем России, заставив благоговеть пред собою вельмож и народ. Все сделалось чином или милостью государевою. Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова, что вельможи трепетали на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, когда государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая приказа веселить его и веселиться.

Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на высшей степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский? Славу. Иоанн оставил государство удивительное пространством, сильное народами, еще сильнее духом правления. Россия Олега, Владимира, Ярослава погибла в нашествие моголов. Россия нынешняя образована Иоанном.

*Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 6.

?? Как Карамзин оценивает деятельность Ивана III по созданию единого русского государства? Как он оценивает его личность?

В.И. Пичета. Историография. I. Историография Северо-Восточной Руси* **4. Противники Карамзина. Скептическая школа. Н.А. Полевой.**

История государства Российского Карамзина была встречена представителями господствующего сословия весьма сочувственно. Сентиментально-патриотический тон изложения, резко выраженные охранительные политические взгляды обеспечили сочувственный прием его историческому труду. Но рядом с этим в обществе и среди представителей исторического знания намечалось резко-отрицательное отношение к Истории Карамзина, подрывались его основные выводы и предпринимались попытки несколько иного построения русской истории.

Методология исторической науки в том виде, как она была представлена на Западе, была мало знакома Карамзину и мало интересовала его. Критическое направление в исторической науке прошло мимо автора *История Государства Российского*. Даже Шлецер, впервые отнесшийся с недоверием к данным о существовании в древнее время просвещения, металлической монеты и разных письменных памятников, не вызвал в Карамзине более глубокого и критического отношения к источникам. Однако, для русской исторической науки, представленной М.Т. Каченовским (1775 – 1842), западноевропейский исторический критицизм не прошел безследно. Окончивший курс в Харьковском Коллегиуме Каченовский, находясь на службе у попечителя Московского учебного округа, был назначен профессором Московского университета. В течение 1825 – 1830 гг. Каченовский издавал журнал *Вестник Европы*, в котором и поместил первые свои статьи по русской истории. В своих философско-исторических взглядах на задачи истории Каченовский резко расходился с Карамзиным. Историк должен отличаться беспристрастием. Описание разных событий и исторических лиц не должно преломляться сквозь призму любви к отечеству, что является долгом гражданина. С другой стороны, идя по следам историков критического направления в западноевропейской историографии, напр., Шлецера, Каченовский относился с большим недоверием к основным источникам древнерусской истории, отрицая самую возможность их появления при тогдашнем культурном состоянии народа. Отрицательное отношение к памятникам древнерусской истории заметно усилилось и стало смелее под влиянием критического анализа Тита Ливия, произведенного Нибуrom. Каченовский отрицательно относится к Начальной Летописи и считает ее памятником более позднего происхождения, на котором никоим образом нельзя основывать выводы относительно древнейшей русской истории. Кроме того в Летопись попала масса известий, заимствованных из иностранных хроник, о фактах, которые до сих пор по недоразумению считались достоверными. Договоры Олега и Игоря с греками не являются подлинниками, да и существование таковых более, чем сомнительно, так как оно не согласуется с внутренней достоверностью истории и общими законами исторического развития. Юридический сборник *Русская Правда* – памятник более позднего происхождения, возникший не в Новгородской, а в Южной Галицкой Руси, притом испытавший на себе влияние *Норманских Правд*. Отрицание главных источников древнерусской истории привело Каченовского к мысли о признании недостоверным всего этого периода в том виде, как он был изображен Карамзиным. За отсутствием же источников новая конструкция древнерусской истории является невозможной. Последняя мысль нашла вполне отчетливое выражение в статье «О достоверности русской истории» (1833).

Критические статьи Каченовского положили начало так называемой скептической школе в русской историографии, и имели огромное влияние на развитие исторических взглядов студентов, побуждая их к более строгому и осторожному отношению к источникам. Отсутствие у Каченовского панегирического тона при анализе прошлого России оказывало большое влияние на научное мышление всех его учеников. Отрицая достоверность источников древнерусской истории, Каченовский придавал первостепенное значение правительственным официальным документам, как основным источникам для познания прошлого русского народа. В 1835 г. Каченовский был вынужден оставить Московский Университет, так как его непатриотические лекции не подходили для времени Николая I. Выводы и наблюдения главы скептической школы во многом отличались чрезмерной крайностью. Это показало дальнейшее критико-аналитическое отношение к источникам, но, конечно, это не исключает признания за Каченовским и его методом огромного научного значения. Через скептицизм Каченовского в русскую историческую науку проникали метод и направления исторической науки, принятые на Западе, что, конечно, должно было оказать огромное влияние на дальнейшее движение русской исторической науки.

Другой представитель скептической школы Н.А. Полевой (1796 – 1846) хотел пойти несколько далее Каченовского. Он задумал дать Историю русского народа в противоположность Истории Государства Российского, к которой он относился в высшей степени строго, Помещая в издаваемом им журнале «Московский Телеграф» свои критические статьи, посвященные истории Карамзина, Полевой считает труд последнего не имеющим никакой исторической ценности, крайне искусственно построенным и устаревшим по методологическим приемам и философско-историческим взглядам вообще, в частности по взглядам на задачи и цели исторического знания. Вслед за скептиками Полевой требует от истории правдивости и объективности в отношении к историческому прошлому.

Являясь представителем скептической школы, Полевой в то же время во многом не сходится с ее главой. Купеческий сын, не получивший систематического образования, поверхностно усвоил «скептизм западноевропейской историографии», познакомился со взглядами новой школы на сущность исторического процесса, но не прошел хорошей исторической школы, что заставляет Полевого с большим, доверием отнестись к тем самым фактам русской истории, которые Каченовский признавал абсолютно недостоверными. Философско-исторические взгляды Полевого являются отражением соответствующего философского направления в западноевропейской историографии. История, по мысли Полевого, есть ничто иное как выявляющееся в отдельных событиях отражение жизни человечества и ее мировых законов. Поэтому история «не есть складно написанная летопись времен минувших. Она – практическая проверка философских понятий о мире и человечестве. История изображает ход человечества, общественность, нравы, понятия каждого века и народа, выводит производившие и производящие причины». История – процесс закономерный. Каждый народ повторяет в своей истории определенные исторические моменты. Русскую историю нельзя рассматривать отдельно, но непременно сравнительно с историей других народов, исходя из представления о закономерности исторического процесса. В 1829 – 1833 г.г. Полевой стал выпускать свою Историю русского народа в 6 томах, доведенную до времен Грозного. Параллелизм явлений русской исторической жизни и Запада, на что постоянно указывал Полевой, является его основным методологическим приемом. Впрочем, параллелизм исторических явлений позволяет Полевому отрицать как особенность России сравнительно с Западом, так и специфически свойственную ей всемирно-историческую роль, которая заключается «во внесении духа в Европу».

История русского народа есть постепенный органический процесс. Главной идеей в его жизни является развитие единовластия и образование самобытного государства в эпоху роста Москвы и подчинение последней северо-восточной Руси.

Появление варягов Полевой не считает моментом возникновения государства. Завоевание Руси норманнами привело к развитию норманнского феодализма на принципе родового старшинства, который в своей постепенной эволюции перешел в семейный. Разложение Руси на отдельные феодальные владения привело к монгольскому игу, которое в свою очередь способствовало образованию государства. Такова схема исторического развития России, аналогичная истории западноевропейских народов. Но в то же время существует и разница. Русь приняла христианство из Византии, находившейся в упадке, благодаря чему нам не была передана классическая культура. Отсутствием последней объясняются многие явления в историческом прошлом народа. Исторический труд Полевого не есть история русского народа в собственном смысле слова. История Полевого – по существу также история образования русской государственности в ее исторической видоизменяемости под неуклонным воздействием тех или других исторических явлений и событий. В этом и заключается главная заслуга Полевого. Во всем остальном Полевой не имеет никакого значения. Весь фактический материал взят им у Карамзина, хотя труд Полевого ничто иное, как ответ Карамзину в виде попытки представить несколько иную схему исторического развития России и

притом преломленную сквозь призму определенного философско-исторического направления.

5. Противники скептиков.

М. П. Погодин (1800 – 1875).

Скептическое направление в историографии вызывало в правительственных и консервативных общественных кругах отрицательное отношение; но временно, за отсутствием специалистов-ученых, могущих опровергнуть выводы школы Каченовского, приходилось считаться с научной критикой основных русских источников, хотя бы эта критика приводила к отрицанию достоверности самих источников. Необходимость опровергнуть выводы и наблюдения скептической школы была очевидна в эпоху торжества официальной народности и в высокой степени оптимистического официального взгляда на прошлое, настоящее и будущее русского народа.

М. П. Погодин, бывший некоторое время профессором истории в Московском университете, поставил себе задачей защиту русской истории против выводов и наблюдений скептической школы. Научная деятельность Погодина началась с появления работы «О происхождении Руси» (1825), в которой автор выступил защитником норманнского происхождения варяго-русов. Впоследствии Погодин доказывал значительное влияние норманнов на государственное устройство, обычаи и нравы славян и потому находил возможным весь период южно-русской истории от призвания князей до смерти Ярослава I назвать норманским. В своих многочисленных заметках и статьях Погодин выступил защитником достоверности главных источников древнерусской истории. В ряде статей, посвященных Нестору, Погодин, не отрицая легендарных вставок в летописи, считает ее достоверным источником, от которого исследователь древнерусской жизни должен отправляться. После оставления университетской кафедры (1845), Погодин собрал воедино все свои работы по русской истории и издал их под заглавием Исследования, лекции и замечания М.П. Погодина о русской истории (1846 – 1859), в 7 томах. Так называемый математический метод Погодина отличается большой примитивностью. Погодин выписывает из источников параллельные места и сопоставляет одно с другим, не делая никаких обобщающих выводов. Но вместе с тем такие выписки и сопоставления делают его Исследования настольной книгой для всякого, кто занимается древнерусской историей. Погодин занимался главным образом древним периодом русской истории; к другим историческим вопросам он возвращался в своих публицистических статьях и заметках, в которых и раскрываются вполне отчетливо его философско-исторические взгляды.

Взгляд Погодина на древнейший период весьма близок к схеме Карамзина, и самая сущность русской истории для него заключается в развитии государственности. Недаром ее возникновение Погодин связывает с появлением норманнов на территории Новгородской Руси. Впрочем в удельном периоде эта государственность подвергалась всяким случайностям. Конечно, при таком взгляде на ход исторического развития идея закономерности исторического процесса совершенно ступшевывается. Патриотические напыщенные чувства, официальность исторических лозунгов помешали Погодину превратиться в объективного историка. Недаром ему приходится не раз повторять, что ни в одной истории нет столько чудесного, и что Провидение в особенности руководит русской историей. Погодин восторгается огромными размерами территории, ее населенностью, разноплеменностью. Он спрашивает, «что есть невозможного для русского государства? Одно слово – и целая империя не существует, одно слово – стерта с лица земли другая, слово – и вместо них возникает третья от восточного океана до Адриатического моря». Погодин верит в всемирно-историческую роль России. «Будущая судьба мира зависит от России». Исторические судьбы России противоположны историческим судьбам Запада. Начало европейских государств есть завоевание, начало русского – добровольное притяжение. От этих начал зависит и дальнейшее развитие Востока и Запада. Под воздействием славянофилов Погодин указывает, что сущность

исторического прошлого России – «любовь и единение», тогда как в Европе – «вражда и рознь». В сохранении этих основных начал он видит сущность исторического процесса. Замена «вражды и розни» «любовью и единением» возможна только при участии России. В этом выражается ее всемирно-историческая роль. Россия в своей истории выступает в качестве «охранительницы и блюстительницы общественного спокойствия. Философия истории Погодина сводилась к оправданию охранительной внешней и реакционной внутренней политики в России, ибо «православие, самодержавие и народность» являются основой «любви и единения в России». Значение Погодина не в его философско-историческом мировоззрении, проникнутом охранительными тенденциями. В этом отношении Погодин был не особенно удачлив, и его услужливое перо не могло склонить общественное мнение на сторону правительства. Главная заслуга Погодина – это борьба с выводами скептиков и защита достоверности древнерусских источников. В этом вопросе Погодиным сделано много. Отправляясь от него, исследователи и ученые могли идти далее в том же направлении. Его исследования укрепили достоверность древнерусской истории.

*Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М.: Государственное изд-во, 1922. С. 94 – 147 // <http://www.opentextnn.ru/history/?id=2704>

?? В чем состоит суть концепции представителей скептической школы в российской историографии начала XIX в.? Какова особенность взглядов Н.А. Полевого на историю России? Как видится М.П. Погодину всемирно-историческая роль России? Вы согласны с такой оценкой? Обоснуйте.

К.Б. Умбрашко. Русские историки XIX века об особенностях русского исторического процесса*

Группировать исторические концепции в контексте заявленной темы можно по разным основаниям. Я хотел бы предложить два возможных подхода.

Первый, самый очевидный, бросающийся в глаза – соотношение истории России и Западной Европы, т.е. сравнительный подход. В этом плане очень много можно говорить по линии западники – славянофилы. Но, во-первых, в этой аудитории, видимо, не стоит останавливаться подробно на этом вопросе. Во-вторых, такой подход означал бы обращение особого внимания на общественную мысль XIX в., являющуюся важным элементом исторических знаний, но все же лишь элементом.

Сегодня я предлагаю остановиться на другом возможном основании, находящимся, как мне представляется, внутри собственно исторической науки – на вопросе о характеристике того территориально-политического образования, которое мы привыкли называть Киевской Русью.

В исторической литературе XIX в. развернулась научная полемика вокруг первоначального периода русской истории. Сложилось стойкое убеждение, что «Начало государственности – самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень истории и решает судьбу его навеки веков» (М.П. Погодин).

Можно условно выделить два историографических направления в решении этого вопроса. Назовем их: апологеты – скептики, или, государственники – антигосударственники.

Одно направление утверждало примитивность общественного и политического строя Киевской Руси. Другое, напротив, видело уже в этом периоде черты высокого политического развития, лишь нарушенного в дальнейшем княжескими междоусобиями и монголо-татарским завоеванием.

Представителем первого направления условно можно считать Н.М. Карамзина. Условно сюда же можно отнести М.П. Погодина. Противоположная группа – М.Т. Каченовский, И.-Ф.-Г. Эверс, Н.А. Полевой, С.М. Соловьев.

Хочу специально подчеркнуть условность предложенной классификации. К примеру, “государственник” Соловьев оказался в противоположном лагере, а исторические взгляды Карамзина конечно же гораздо сложнее.

Остановимся чуть подробнее на сравнительной характеристике исторических взглядов указанных историков по предложенному основанию с учетом сравнительно-исторического подхода (по линии Русь – Западная Европа).

Апологетическое или государственное направление. Н.М. Карамзин

Н.М. Карамзин воспользовался традиционной схемой русской истории, характерной для XVIII в., по которой самодержавие, а значит и русская государственность, существовало изначально. Первый период. “Совершенное единовластительство” возникает при Рюрике и продолжается до Мстислава Великого. Это “было время, когда Россия, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим Европейским державам”. Второй период. По словам Карамзина, суть его – “аристократия или паче расчлененное тело”. За этим последовало “разделение нашего отечества и междоусобные войны”. Результат – “Нашествие Батыево ниспровергло Россию”. Государство погибло. Третий период – восстановление “совершенной монархии” при Иване III, который восстановил единовластие, а, значит, и государство. “Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие”.

“Самодержавие основало и воскресило Россию”. “Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием”. Эту идею Карамзин развил и в “Истории государства Российского”, и в “Записке о древней и новой России”.

“Ужасные происшествия Европы” привели Карамзина к выводу: в ходе европейского просвещения заключена ошибка. Революция во Франции – естественный результат европейской истории, а главные причины – идеи Просвещения.

“Азия” – “колыбель всех народов”, в т.ч. славян. Поскольку славяне позднее других европейских народов заселили европейскую территорию, то у них больше сохранилось “азиатских черт” в характере, поведении, обычаях, в быту.

Из-за влияния Европы “Русь заразилась феодализмом” (т.е. раздробленностью). И это влияние было негативным, разрушительным для государства.

Парадоксальным образом, влияние Востока в лице монголо-татар восстанавливает разрушенную ранее славянскую самобытность: Единовластие; Православие; Национально-неповторимые особенности русской истории (органическое сочетание различных культур, верований, обычаев, нравов). В русском народе соединились свойства древних и современных европейских и азиатских народов. Осознание этого приведет к тому, что Россия сможет обойтись без “ужасных происшествий Европы”.

М.П. Погодин

История России начинается с образования Русского государства, которое М.П. Погодин рассматривает как непосредственный результат “призвания” варягов.

Призвание вместо завоевания (как это было в Западной Европе) – акт народной самодеятельности, сохраняющий самобытность русского народа. Историческое развитие начинается с варягов и период Киевской Руси, по Погодину, – норманнский период.

При этом даже культура Киевской Руси подчиняется норманнскому влиянию: Нестор писал свою летопись на основании свидетельств норманнов, посещавших Киев в XI в., русский фольклор, былинный эпос – отражение скандинавских саг. Утверждение славянской самобытности и национальных основ русской истории подчиняется норманнской теории.

Таким образом, автор говорит об изначальности существования государства. Он, правда, несколько смягчает собственную категоричность и оговаривается, что создание государства не единовременный акт, а двухсотлетний процесс постепенного развития древнего государственного строя. Но это не процесс внутреннего развития, а расширение сферы деятельности князей.

На тех же внешних моментах строится характеристика удельного периода, как перехода к единодержавию Ивана III: “сцена истории переносится на северо-восток”.

Укрепление русского самодержавия завершается при Петре I; он начинает новый, европейский период русской истории: “Во всей Истории не было революции обширнее, продолжительнее, радикальнее”. Наконец, с Александра I начинается период “первенства России в Европе” и кончается “европейский период русской истории”.

М.П. Погодин отмечает ряд однородных явлений в истории России и Западной Европы. Варяги, пришедшие на Русь к IX в., это те же норманны, чьи завоевания создали западноевропейские государства; феодализму на Западе соответствует удельная система в России; крестовые походы на Западе ослабили феодалов и усилили королевскую власть, у нас это сделали монголы. Наконец, на Западе – реформация, у нас – Петр.

Но в статье “Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала 1845” Погодин утверждает, что у нас не только нет сходства с Западом, а, напротив, все диаметрально противоположно.

Если первое положение вытекало из принципов новой науки, то второе положение диктовалось требованием политики. Признание закономерности западноевропейского развития вело к признанию революции, уничтожения феодальной монархии, борьбы классов. И Погодин делает вывод, что у нас все должно быть иначе; у нас не будет ни борьбы классов, ни революции, ни буржуазного государства, как на Западе, потому что у нас самодержавие имеет народный характер и опирается на силу церковную; таков был смысл формулы С.С. Уварова: “самодержавие, православие, народность”.

Корни этой борьбы он видит в прошлой истории Западной Европы.

“Завоевание, разделение, феодализм, города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов, – это первая трагедия Европейской трилогии.

Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция, – это вторая.

Уложения (т.е. конституция), борьба низших классов... будущее в Руце Божией”.

Этой характеристике Западной Европы Погодин противопоставляет историческое развитие в России, в которой с самого начала “нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...”.

Различие сформировалось от того, что “наше государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания”.

Значит, раз у нас не было завоевания, то не может быть ни классов, ни классовой борьбы: “у нас не было ни победы, ни покорения, и не началось никакого различия в правах... не началось ни дворянства, ни рабства, в европейском смысле”. Отсюда и единение царя с народом, хотя несколько своеобразно понятое.

Скептическое или антигосударственное направление И.-Ф.-Г. Эверс

1. Первый период. Семья. Первоначальное существование каждого семейства самих по себе.

2. Второй период. Род объединяет многие семейства (глава рода – старший сын первого родоначальника).

3. Третий период. Племя. Несколько родов образуют племена, и главою племени становится тот же, кто был родоначальником. Начальник племени делается мало-помалу могущественным Князем.

4. Четвертый период. Государство.

Таким образом, основное развитие идет от наиболее узкого союза к наиболее широкому: развивающаяся семья превращается в род, растущий род превращается в государство; родовой старейшина, патриарх, становится постепенно князем и приобретает политические функции. В реальности – дела обстоят несколько иначе: родовые отношения предшествуют семейным.

Эверс является основоположником двух главных исторических вопросов науки XIX в.

1. Проблема родового строя и родовых отношений, которую потом разрабатывал Соловьев.

2. Проблема государства как высшей формы общественного развития, как выражения этого общественного развития, и эта проблема развития государства стала центральной исторической проблемой государственной или юридической школы русской истории.

М.Т. Каченовский

Исходным положением для М.Т. Каченовского служит учение о баснословном периоде в истории народа, т. е. о том начальном периоде, когда он живет еще в условиях совершенно примитивного строя, без оформленных институтов, без письменности, так что и представления об этом периоде сохраняют баснословный, легендарный характер, живут лишь в неясных преданиях старины (Б.Г. Нибур).

Решение вопроса о степени политического развития Киевской Руси Каченовский ставит в зависимость от оценки подлинности тех источников, на которых строится наше знание об эпохе Киевской Руси, от определения условий, времени и места их возникновения. При этом Каченовский ставит вопрос о подлинности летописи, Русской Правды XI – XII вв. Исходя из того факта, что все известные нам списки этих памятников относятся к концу XIII в. или к XIV в., Каченовский ставит вопрос о существовании более древних письменных источников и решает его отрицательно.

Первый тезис. Необходимо выйти за рамки внешней критики и перейти к внутренней критике источников. Сами источники рассматриваются как продукт исторического развития.

Второй тезис. Для характеристики общественного строя необходимо применять сравнительно-исторический метод, т.е. сопоставлять историю Киевской Руси с историей соседних народов в тот же период.

В конкретно-исторической модели автор показывает, что высокий уровень культуры, предполагаемый появлением таких памятников, как Начальная летопись и Русская Правда, не отвечал примитивности отношений, возможных на том этапе, и заставил бы признать значительное превосходство древней Руси над современными ей западноевропейскими, прежде всего германскими, народами. В позитивной части утверждается, что весь период Киевской Руси – баснословный период истории, остающийся для нас покрытым мраком неизвестности; что наша история начинается вместе с появлением указанных исторических памятников XII – XIII вв., и что свидетельства памятников относятся именно к этому позднему периоду.

Два специальных “рассуждения” Каченовского – “О кожаных деньгах” и “О Русской Правде” – должны были конкретно обосновать этот общий тезис Каченовского, являясь его конкретным приложением к отдельным вопросам истории этого периода.

В рассуждении о кожаных деньгах Каченовский выступает против мысли об их позднем появлении и длительном существовании, а отсюда приходит к отрицанию давнего существования металлических денег в России. На раннем этапе Каченовский допускал существование меховых денег как реальной расчетной единицы, применявшейся в примитивных условиях хозяйства и обмена, когда расплачивались или целыми меховыми шкурами, или их частями – мордками, соответственно малоценными.

Металлические деньги явились на смену этим деньгам, причем в денежном счете Русской Правды и летописи Каченовский видит уже только последние. В связи с этим и кунную систему Русской Правды он рассматривает как чисто металлическую и ищет истолкования ее основным терминам. Куны-монеты заменили куний мех, причем термин “куны мордки” он и отождествляет с этой монетой. Наиболее детально он разбирает названия белок и лобок. В белке он видит испорченное слово “бель”, а не название пушного зверя; слово “бель” обозначает белый металл, т. е. мелкую серебряную монету. Он объясняет термин “лобки” как последующее искажение слова “любки”, и видит в этом указание на Любек, т. е. обозначение мелкой серебряной монеты, пришедшей из Любека с немецкими купцами. Другое указание на заимствование серебряных денег с Запада он видит в летописном упоминании “шеляга” в описании хазарской дани, сближаемого с шиллингом. Эти оба сближения вместе с тем должны подтвердить позднее происхождение соответствующих текстов, в которые они могли попасть лишь с XIII в.

В том же плане строится и анализ Русской Правды. Каченовский последовательно анализирует термины, институты Русской Правды. И далее широко сопоставляет их с аналогичными явлениями у других народов. Русская Правда в целом возникла, по Каченовскому, в поздний период установления сношений с Ганзой на основе понятий, занесенных через Новгород ганзейскими купцами.

Н.А. Полевой

Теоретической базой исследований Н.А. Полевого, как и М.Т. Каченовского, являются работы Б.-Г. Нибура. Нибуру – “первому историку нашего века” – посвящает он свою “Историю”. Но круг историков, на которых он указывает, значительно шире: “Знаменитые сочинения наших учителей: Нибуров, Гизо, Гееренов, Тьерри, Гердеров, должны быть упомянуты в числе важнейших предметов, предварительного изучения коих требует всякая история, следственно, и история русского народа”. Связь с западной исторической наукой – налицо.

Проблематика исторического труда существенно меняется. “Название книги “История русского народа” показывает существенную разницу моего взгляда на историю отечества от всех донныне известных... Я полагаю, что в словах: Русское государство, заключалась главная ошибка моих предшественников. Государство русское начало существовать только со времени свержения ига монгольского. Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир, Рогволод основали не одно, но отдельные, разные государства... При таком взгляде изменяется совершенно вся древняя история России, и может быть только История Русского народа, а не История Русского государства”.

Содержание русского исторического процесса существенно обновляется. Выдвигается идея постепенности и органичности исторического развития от начальных элементарных форм к развитым и совершенным формам единой государственной организации. Отказываясь от политико-исторической схемы XVIII в, исходившей из исконного существования единого Русского государства, Полевой значительно отодвигает во времени образование государства.

Соответственно и политический строй начального периода представляется ему не в виде единого государства, а как множество государственных образований – уделов или феодальных владений. Под феодализмом он понимает политическое дробление, оформленное в системе междукняжеских отношений. Полевой видел в норманнском завоевании источник образования не одного, а многих государств.

Другая принципиальная идея Полевого – необходимость проследить связь русского исторического процесса с западноевропейским. Для него важен не столько вопрос о возникновении государства и этнографический вопрос о происхождении русского народа, сколько вопрос однородности процесса у нас и на Западе.

Начав с признания примитивности политического строя древнего периода, Полевой не стал, как Каченовский, игнорировать вообще русские летописи и признавать их более поздними произведениями, поскольку в них есть баснословный материал. Вслед за Б.-Г. Нибуром, он в баснословном материале ищет отражение реально происходивших фактов, которые и пытается восстановить, а средства для этого восстановления он находит в исторических параллелях, в сравнении истории России с историей Западной Европы. Можно сказать, что Н.А. Полевой был первым западником в русской исторической науке, пытавшимся показать сходство западной и русской истории.

С.М. Соловьев

В общей исторической схеме первый период русской истории определяется господством родового начала. Раскрытие истории России в последовательном органическом развитии общественных отношений Соловьев начинал с господства примитивных догосударственных отношений, с первобытных форм общежития, устанавливая в истории России последовательное восхождение от низших форм общежития к высшим, отвергая всякую идеализацию нашей древней истории, которую по-своему пытались возродить славянофилы. Период родового быта – это период Киевской Руси.

Начало нового периода связывается с внешним фактом политической истории – с перенесением столицы в Северо-восточную Русь, во Владимир. В первой диссертации “Об отношениях Новгорода к великим князьям” новый период характеризуется борьбой старых городов с новыми; борьбой вольных вечевых городов Киевской Руси, пользующихся “старшинством” в волости независимо от князя и отстаивающих свои собственные права по отношению к князю, – с новыми княжескими городами на Северо-востоке, представлявшими уже личное владение князя, его собственность.

“Исход борьбы между старым городом и новым имел решительное влияние на дальнейший ход событий”. Это связывается с торжеством понятий “мое, собственность”. Андрей Боголюбский “первый пример привязанности к своему, особому, первый пример оседлости... и отсюда начинается новый порядок вещей”.

Это является основой развития государственных отношений и Соловьев ставит проблему непосредственного перехода от старых родовых, т.е. догосударственных, отношений к отношениям новым, государственным.

Суммируя сказанное, можно отметить, что, в историографии XIX в. сложилось стойкое убеждение, что неизгладимую печать на дальнейшее политическое развитие русского государства и народа наложило, само его начало.

Черта, по-видимому, не резкая вначале, принимала с течением времени все более и более грозный вид (К. Леонтьев). Русский народ “развивался катастрофическим темпом, через прерывность и изменения типа цивилизации. В русской истории... нельзя найти органического единства” – писал Н. Бердяев, характеризуя народ формирующейся России как “народ-странник”, “напоминающий собой каких-то арабов, странствующих по своей земле” (В. Розанов). Обращаясь к социальной истории России русский философ В. Розанов замечал: “Мы не закончены,

в этом наше несчастье, – и мы уже готовы гордиться им, но в этом и уродство наше – и тень какой-либо гордости в нас должна исчезнуть”.

Русская политическая история сложилась по преимуществу таким образом, что в ней не было истории русского народа. Была только история власти над русским народом. Это была история страдания сознательной личности (М. Пришвин).

Можно сказать, что раннефеодальной Руси (Новгород и еще некоторые исключения – предмет особого рассмотрения) не хватило исторического времени (если учитывать все исторически данные особенности национального развития) для кристаллизации тела государственности. Единство же Руси в это время, по мнению ряда историков, заключалось не столько в ее политическом составе, уровне государственности сколько в языке и религии.

Кроме того, домонгольской Руси не хватило и этнически консолидированного социального материала для формирования и закрепления экономической, социальной и политической структуры государственности. Не хватило, говоря словами Н. Полевого, “руки времени”.

Давление центробежных сил удельного сепаратизма “растасило” земли “Киевской Руси”, представлявшей собой, по мнению В.О. Ключевского, “жидкий”, “колеблющийся” элемент. Натиск Степи препятствовал осознанной политике объединения, а удар, нанесенный из глубин Азии (монголы), поставил русские земли и складывавшуюся русскую народность на грань национального, политического и исторического выживания.

И в заключение, хотелось бы особенно подчеркнуть, что проблема зрелости и самодостаточности государственных институтов и социально-политических результатов исторического развития, как свидетельствует история, актуальна не только на ранних стадиях феодального общества как преддверия общества гражданского, но она приобретает особый смысл для России на рубеже XX – XXI столетий.

* Умбрашко К.Б. Русские историки XIX века об особенностях русского исторического процесса // Мульти медиа журнал / Проект Ахей // <http://mmj.ru/index.php?id=36&article=193&type=98>

?? В чем суть разногласий историков-государственников и историков-скептиков XIX в.? Какую точку зрения разделяете вы? Обоснуйте. Какие параллели проводит М.П. Погодин в истории России и Западной Европы? В чем видит различия? Какие методы работы с источниками предлагает М.Т. Каченовский? В чем состоит новизна взглядов Н.А. Полевого на историю России?

С.М. Соловьев. История России с древнейших времен*

Обратим теперь внимание на некоторые обстоятельства, встречающиеся в летописи при рассказе о призвании князей.

Первое обстоятельство – это соединение племен славянских и финских; что произвело этот союз? Без всякого сомнения, означенные племена были приведены в связь завоеванием варяжским, как впоследствии остальные разрозненные славянские племена были приведены в связь князьями из дома Рюрика. Эта тесная связь между чудью, весью, славянами ильменскими и кривичами выразилась в дружном изгнании варягов и потом в призвании князей. Этому же завоеванию, этому столкновению с чуждым началом северные племена были обязаны, по всей вероятности, и относительно большей степенью общественного развития или по крайней мере стремления к нему: после изгнания варягов они не хотят возвратиться к разрозненному родовому быту и, не видя выхода из него при эгоизме родов, соглашаются призвать власть извне, призывают князя из чужого рода. Эта большая степень общественного развития у северных племен ясно окажется

впоследствии; мы увидим, что северные племена будут постоянно торжествовать над южными.

Второе обстоятельство в рассказе о призвании князей – это их расселение: старший брат, Рюрик, поселился у славян ильменских, второй, Синеус, – между чудью и весью на Белоозере, третий, Трувор, – у кривичей в Изборске. Но касательно города, в котором сел сначала Рюрик, чтения списков летописи разногласят: одни говорят – в Новгороде, другие – в Ладоге. Наконец, остается последний вопрос: какое значение имеет призвание Рюрика в нашей истории? Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства – это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредоточению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие; соединенные впервые силы начинают действовать.

*Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Хрестоматия по истории России: в 4-х тт. Т. 1. С древнейших времен до XVII века. Сост.: И.В. Бабич, В.Н. Захаров, И.Е. Уколова. М.: МИРОС. 1994. С. 27 – 28.

?? В чем видит С.М. Соловьев особенности возникновения Русского государства? Каким идеологическим целям служил в XIX в. Летописный рассказ о призвании варягов?

В.О. Ключевский. Курс русской истории*

Лжедмитрий ...бывал в Боярской думе, сам обучал ратных людей. Своим образом действий он приобрел широкую и сильную привязанность в народе. Лжедмитрий держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом. Дело о князьях Шуйских, распространявших слухи о его самозванстве, свое личное дело, он отдал на суд всей земли и для того созвал земский собор, первый собор, приблизившийся к типу народнопредставительского, с выборными от всех чинов или сословий.

Смертный приговор, произнесенный этим собором, Лжедмитрий заменил ссылкой, но скоро вернул ссылных и возвратил им боярство. Царь, сознававший себя обманщиком, укравшим власть, едва ли поступил бы так рискованно и доверчиво, а Борис Годунов в подобном случае, наверное, разделался бы с попавшимися келейно в застенке, а потом переморил бы их по тюрьмам.

Как бы то ни было, но он не усидел на престоле, потому что не оправдал боярских ожиданий. Он не хотел быть орудием в руках бояр, действовал слишком самостоятельно, развивал свои особые политические планы, во внешней политике даже очень смелые и широкие, хлопотал поднять против турок и татар все католические державы с православной Россией во главе. Своими привычками и выходками, особенно легким отношением ко всяким обрядам, отдельными поступками и распоряжениями, заграничными сношениями Лжедмитрий возбуждал против себя в различных слоях московского общества множество нареканий и неудовольствий, хотя вне столицы, в народных массах популярность его не ослабевала заметно.

Однако главная причина его падения была другая. Ее высказал коновод боярского заговора, составившегося против самозванца, кн. В.И. Шуйский. На собрании заговорщиков накануне восстания он откровенно заявил, что признал Лжедмитрия только

для того, чтобы избавиться от Годунова. Большим боярам нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потом низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу к престолу одному из своей среды. Они так и сделали, только при этом разделили работу между собою: романовский кружок сделал первое дело, а титулованный кружок с кн. В.И. Шуйским во главе исполнил второй акт. Те и другие бояре видели в самозванце свою ряженую куклу, которую, подержав до времени на престоле, потом выбросили на задворки.

*Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1987. Т. 3. С. 31.

?? В чем, по мнению В.О. Ключевского, причины падения Лжедмитрия?

А.Е. Пресняков Смутное время*

В два столетия – XIV-е и XV-е незначительное Московское удельное княжество выросло в Московское государство, объединившее всю Великороссию. Ближние и дальние соседи увидели в Московии сильное государство, победоносно справившееся с татарскими царствами, перекинувшее свою власть в Сибирь. Политические деятели Западной Европы стали считаться с новой силой.

Но внешнее политическое значение было куплено дорогой ценой невероятного напряжения народных сил в борьбе за свою самостоятельность против напиравших со всех сторон соседей, и напряжение это нарушило внутреннюю крепость и равновесие народных сил и средств. В XVI-й век Московское государство переходит в состоянии глубокой внутренней Смуты.

Причины Смуты коренились в самом строе Московского государства XVII века. В их основе лежало противоречие между целями, которые должно было преследовать правительство, и средствами, какими оно располагало. В стране, слабо развитой в экономическом отношении и редко населенной, создать достаточную крепость государственной самообороны при сложных международных отношениях было возможно только с большим трудом, и притом сосредоточивая в распоряжении правительства все средства и силы народные. Оно и борется в XVI веке за установление безусловной власти, сокрушая все частные и местные авторитеты, какими отчасти оставались в своих вотчинах потомки удельных князей, бояре-княжата. Привилегии, какими пользовалась эта аристократия, претендовавшая на первую роль в управлении и в царской думе, на подчинение себе в деле суда, расправы и военной службы населения своих вотчин, были сломлены бурей опричнины Грозного. Уничтожая в боярстве старое и привычное орудие своей власти, Московское правительство одновременно создает взамен новую администрацию и новое войско, администрацию приказов и войско служилых людей, детей боярских и дворян. В этом классе, вершину которого составила новая придворная знать, сильная не родовитостью, а высоким служебным положением и царскою милостью, – ищет опоры царская власть. Этот класс она стремится обеспечить поместьями и крепостным крестьянским трудом, постепенно сводя на нет крестьянскую свободу. Но интересы помещиков часто противоречили интересам казны: делаясь со служилыми людьми доходом с крестьянского труда, она рисковала потерять источник своей финансовой системы при разорении крестьян и обращении их в холопов, податей не плативших. К тому же потребность колонизировать Поволжье и южные области заставляла правительство покровительствовать переселениям земледельцев на новые земли, наперекор выгоде служилых землевладельцев. Переселенческое движение вызвало сильный отлив населения из центральных областей, что довело их до тяжелого сельскохозяйственного кризиса.

Сложный исторический процесс вызвал глубокое брожение и в сознании русского общества. Столкновение противоположных интересов, усиленное кроваво-жестокими действиями Грозного, привело к двум главным последствиям: падению правительственного авторитета, когда царь Иван «смяте люди вся» тем, что «всю землю яко секирою на полы рассече» (на опричнину и земщину), и к сознанию каждым общественным классом своих особых интересов. Совпадение общего социально-политического кризиса с прекращением династии было последним толчком к Смуте. Началась она сверху, борьбою партий за престол. Выдвинутый личными соперниками Годунова, первый Лжедмитрий победил при поддержке низшего слоя населения, недовольного московской политикой, и родовитой знати, охотно изменившей опричнику - Годунову, увлекая и служилых людей, еще не сплотившихся в особую политическую партию. Партия княжеской аристократии свергла Самозванца и захватила власть при Шуйском, но против нее поднимаются другие общественные группы: закрепощаемое холопство и крестьянство, за которым стоит плоть от плоти его – казачество, под начальством Ивана Болотникова, и враги бояр, служилые люди, с Прокопием Ляпуновым. Разыгравшаяся социальная борьба довела государство до полного разрушения и до вмешательства соседей. Международные осложнения ставят перед государством новую задачу: преодолеть внутреннюю смуту и организовать национальную самооборону. Поднимаются на защиту государственной самостоятельности и внутреннего порядка средние классы, служилые торговые люди по почину Минина и под руководством Минина и Пожарского счастливо решают свою сложную историческую задачу.

*Пресняков А.Е. Смутное время // Люди Смутного времени. СПб., 1905. С. 5 – 6.

?? В чем А.Е. Пресняков видит причину Смуты? Согласны ли вы с ним?

А.И. Герцен О развитии революционных идей в России*

В XV и даже в начале XVI века развитие событий в России отличалось еще такой нерешительностью, что оставалось неясным, который из двух принципов, определяющих жизнь народную и жизнь политическую в стране, возьмет верх: князь или община, Москва или Новгород. Свободный от монгольского ига, великий и могучий Новгород, привыкший считать себя суверенным, богатый благодаря оживленной торговле, которую он вел, метрополия, имевшая широкую, разветвленную сеть владений по всей России, – Новгород всегда ставил права общины выше прав князя. Москва – удел, верный своим князьям, – поднявшаяся милостью монголов на развалинах древних городов, заселенная племенем, никогда не знавшим настоящей общинной свободы Киевского периода, – Москва одержала верх. Но у Новгорода также были основания надеяться на победу, этим и объясняется ожесточенная борьба между обоими городами, как и зверства, совершенные Иваном Грозным в Новгороде. Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой – но какой ценою? Это самая несчастная, самая поработанная из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни.

Оправившись мало-помалу от учиненного монголами разгрома, русский народ очутился лицом к лицу с царем с неограниченной монархией, гнет которой был особенно тяжким благодаря влиянию, приобретенному ею под сенью ханской власти. Царь стал могущественнее всех других князей вместе взятых и населения городов. Найдя крамольников, будь то князья или города, он подчинял их своей власти. Новгород крепко держался, но, в конце концов, пал; вечевой колокол в качестве трофея был перевезен в Москву. Веча умолкали одно за другим, во всем государстве наступала глубокая тишина, цари становились самодержавными.

*Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. М., 1950. С. 161 – 162.

?? Каково значение присоединения Новгорода к Московской Руси? Разделяете ли вы мнение А.И. Герцена? Согласны ли вы с утверждением, что «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни?»

Н.А. Тюкачёв. Либеральная историография революционного народничества*

Либеральная историография революционного народничества существовала и развивалась в дореволюционной России наряду с консервативно-охранительной, народнической и марксистской. Изучение с современных позиций сочинений таких крупных представителей либерального направления, как Б.Н. Чичерин, А.А. Корнилов, В.Я. Богучарский, Б.Б. Глинский, позволяет утверждать, что это направление было весьма плодотворным.

Одной из ярких фигур дореволюционной общественной мысли либерального направления был Б.Н. Чичерин. По его словам, источником и центром социалистической пропаганды была «петербургская журналистика», которая «отравила» российское юношество и препятствовала движению России по «правильному пути». Необходимым для русского общества было усвоение «гражданских начал», а также «бережное отношение к свободе и праву» [7, с. 19].

Правительственные органы Чичерин обвинял в том, что они не сумели найти эффективных средств борьбы с революционерами. Народовольцев Чичерин именовал «сплоченной шайкой», которая «поставила своей задачей терроризовать русское правительство». Убийство царя «безумными нигилистами» положило конец «всяким либеральным начинаниям». Убийство царя-реформатора Чичерин считал трагедией для России, а террористов-народовольцев – «отребьем русского общества» [7, с. 27 – 28].

Либеральная концепция народнического движения отражена в трудах известного историка А.А. Корнилова. Корнилов считал, что Герцен в конце 1850-х – начале 1860-х гг. был либералом, а вовсе не революционером. «Колокол» с первого дня своего издания, «до приезда в Лондон Михаила Бакунина в 1862 г., был органом либерального движения в России» [4, с. 94].

А «радикально-социалистическое» общественное направление выражалось главным образом в «Современнике». Представители этого направления – это «защитники народных интересов», они «резко выдвигают экономические потребности народа и стараются добиться не только освобождения крестьян от крепостного права, но и обеспечить их защиту от экономической эксплуатации высших классов» [4, с. 105 – 106].

Наиболее крупным по объему и обстоятельным по манере изложения фактического материала является двухтомный труд Б.Б. Глинского [3]. На наш взгляд, до сих пор ни одно из сочинений отечественных историков не может сравниться по этим показателям с работой Глинского. Общий объем двух томов составляет 1082 страницы текста, с приложением 97 портретов революционеров и государственных чиновников. Хронологически книга охватывает более чем двадцатилетний период: от подготовки крестьянской реформы 1861 г. до суда над «первомартовцами» и их казни. Характерной особенностью сочинения Б.Б. Глинского является подробнейшее изложение событий и в правительственном лагере, и в обществе, и в революционной среде. Глинский широко цитировал материалы следствия и суда, адреса земских губернских комитетов, документы революционных народнических организаций, воспоминания и письма революционеров.

Значительная часть этих документов приведена в книге Глинского полностью, без купюр. Манера изложения материала повествовательная, выдержанная в объективистском ключе.

Сравним интерпретацию разными историками ключевых явлений народнического движения.

Так, А.А. Корнилов считал С. Нечаева «политическим авантюристом с приемами шарлатана и инстинктами настоящего злодея». Нечаев и его принципы «оказали плохую услугу делу русских революционеров», потому что «многие склонны были принять Нечаева за нормальное выражение революционных идей». Против нечаевщины «поднялось резкое движение в среде самой революционной и народнической молодежи» [4, с. 200].

В.Я. Богучарский же положил начало очень распространенной точке зрения на «нечаевщину». Он полагал, что «нечаевщина» была в русском революционном движении «лишь эпизодом, совершенно исключительным, ни имевшем...никаких корней в движении прошлом», что революционная молодежь безусловно отрицала «нечаевщину». Развить свои природные свойства «безумный фанатик» Нечаев мог только «в определенной общественно-политической среде». Этой средой был «абсолютный, безграничный произвол» властей» [1, с. 148].

Б.Б. Глинский по-другому оценивал роль Нечаева, которого считал «первым практиком народничества». По мнению Глинского, в лице Нечаева «русская революция приобрела крупную фигуру, которая своей деятельностью предопределила многие ее этапы, наметила пути ее развития и вписала в ее историю пролог». Глинский отметил, что тактика Нечаева «нашла себе широкое применение в террористических актах» народовольцев. Именно Нечаев «первый поставил вопрос о терроре ребром и дал ему реальное обоснование» [3, ч. 1, с. 414].

Большое внимание историки либерального направления уделяли сущности, причинам и результатам массового «хождения в народ» 1874 г.

Богучарский считал это движение сугубо стихийным, вызванным стремлением молодежи к личному нравственному очищению. И этим оно было схоже с религиозным движением. Идя в народ, пропагандисты ничего не хотели для себя. Для социалиста семидесятых годов «социализм был его верой, народ – его божеством» [1, с. 180]. Корнилов отметил различные цели участников «хождения»: одни «мечтали делать свою пропаганду при помощи бунтов», другие «просто проводить пропаганду социальных идей, которые, по их мнению, вполне соответствовали коренным взглядам и запросам самого народа». Несмотря на разницу первоначальных устремлений, большая часть двинувшихся в народ молодых людей довольствовалась мирной пропагандой, что обуславливалось «неподготовленностью народа к восприятию их идей». Отметил Корнилов и отсутствие у народнических пропагандистов «каких бы то ни было предохранительных мер против обнаружения их движения полицией». Поэтому многие пропагандисты «уже в мае месяце сидели по тюрьмам» [5, с. 187].

Размышляя о причинах неудачного «хождения в народ», Богучарский сделал общий вывод о том, что «все народническое движение семидесятых годов было обречено на гибель вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа, полной невосприимчивости крестьянства к этим идеям». Но сами народники «субъективно были и после похода 1874 года бесконечно далеки от признания этой истины». По обоснованному мнению Богучарского, «жестокое преследование» пропагандистов властями вызвали решимость революционеров давать «отпор самим властям» [1, с. 203].

Анализируя итоги «хождения в народ», Глинский отметил его определенное положительное значение: сплочение революционных сил, практическое знакомство народников с повседневными нуждами крестьян. Но «методы борьбы с правительством» были непригодны. Фактов выдачи пропагандистов «самими мужиками» на самом деле не было, хотя об этом в свое время «любили говорить некоторые органы печати». Вовсе не это сгубило пропагандистов, а «их собственное легкомыслие, детская доверчивость, отсутствие необходимой конспиративности и осторожности и, наконец, что главное, фантастичность самой задачи хождения в народ и пропаганды здесь» [3, ч. 2, с. 62].

По мнению Корнилова, эволюция в сторону признания политической борьбы началась в землевольческой среде «после процесса 193-х и выстрела Веры Засулич». Перечислив в хронологическом порядке факты террористической деятельности «Земли и воли», Корнилов сделал вывод о неизбежности пересмотра народниками старых теоретических представлений. «Сделав террористическую борьбу с правительством главным и почти единственным делом, партия «Земли и воли» уже не могла удержаться на почве своих основных народнических доктрин; очевидно, изменение ее программы сделалось неизбежным», – утверждал он [4, с. 231 – 234].

Корнилов верно трактовал причину раскола «Земли и воли» – непримиримые противоречия между группой «деревенщиков» и сторонниками «революционной борьбы с правительством». По мнению Корнилова, деятельность «Народной воли» практически сводилась к террору, который и «исчерпал их силы». Народовольцы нанесли 1-го марта «смертельный удар императору Александру II, но отнюдь не самодержавной власти».

Корнилов утверждал, что не революционеры, а правительство несет ответственность за «несчастный исход освободительного движения царствования Александра II». Зачинщиком «в двойном терроре» было именно правительство, которое своими террористическими способами борьбы с оппозицией способствовало «все более быстрому превращению общественного движения в революционное» [4, с. 234, 258].

Одним из заметных явлений в либеральной историографии была книга В.Я. Богучарского о «Народной воле» [2]. Богучарский полагал, что все силы «Народной воли» были сосредоточены в ее Исполнительном Комитете. Основная деятельность ИК заключалась в организации террора. Выражая свое «вполне отрицательное отношение» к терроризму народовольцев, Богучарский, тем не менее, возлагал на правительство ответственность за «столь болезненное явление».

Богучарский подробно описал все покушения на царя [2, с. 49 – 124]. Очень невысоко оценивал автор деятельность народовольцев среди рабочих и учащейся молодежи. Хотя деятельность «в войсках» была более успешной, под влиянием народовольцев «были исключительно офицеры», и это не представляло опасности для правительства.

Основной идеей Богучарского было противопоставление революционных народников и либералов. Либералы понимали, что без политической свободы «невозможно вести речь о социализме», и в этом отношении они стояли «несравненно выше» революционеров. Но в практической деятельности либералы отличались «полной немощью». Революционеры-народники, в противоположность либералам, отличались огромной «действенностью, часто необыкновенной твердостью характеров и способностью к самоотверженной борьбе за свои идеи», но эти идеи были утопичны. Основную заслугу народовольцев автор видел в том, что они перешли к политической борьбе. Главной целью «Народной воли» Богучарский считал установление конституции в России, то есть задачу либералов [2, с. 471].

Глинский отмечал, что в обществе многие поддерживали идеи народовольцев, но «на сторону террора большинство идейно сочувствующих не становилось», а царевбийство почти всеми было встречено «враждебно». Террористическая борьба поглощала «целиком все силы» народовольцев, «не оставляя места ни для чего другого». По мнению Глинского, «Народная воля» ставила лишь задачу разрушения существующего строя, а работу над созданием будущего строя представляла «иным категориям русской общественности, силам либерализма» [3, ч. 2, с. 371].

Таким образом, либеральные историки внесли существенный вклад в изучение истории народнического движения. Авторы либерального направления не были едины в оценке народничества. Б.Н. Чичерин был представителем правого течения, а В.Я. Богучарский – левого. А.А. Корнилов и Б.Б. Глинский представляли центристское течение. Работы Корнилова и Богучарского использовались в трудах советских историков, начиная с 1960-х гг., однако отношение к либеральным авторам было осторожным и

критическим. В статье «Народничество», в 9 томе Советской исторической энциклопедии, Б.С. Итенберг уделил «буржуазно-либеральным историкам» всего несколько строк. Признав, что в их работах «собран большой материал по истории народничества», Итенберг далее отметил, что в них «нет его (народничества) социальной основы, идеалистически трактуется идеология народничества» [6, с. 932]. Понятно, что в 1966 г. невозможно было написать по-другому.

На наш взгляд, в настоящее время следует обратить внимание на те трактовки народничества, которые были предложены дореволюционными либеральными авторами, а затем активно использованы и развиты советскими историками-марксистами. Выделим такие тезисы дореволюционных либералов, которые не противоречат современным представлениям: 1) радикально-социалистическое общественное направление сложилось с началом реформ Александра II вокруг журнала «Современник» (Корнилов, Чичерин); 2) Александр II сыграл решающую роль в подготовке и начале крестьянской реформы, но сразу после манифеста 19 февраля началась реакция (Корнилов); 3) «Земля и воля» 1860-х гг. «мало себя проявила», подробности ее деятельности нельзя восстановить достоверно. Чернышевский, скорее всего, участвовал в этой организации. Достаточных доказательств вины Чернышевского суд не имел, поэтому прибег к фальсификации. На самом деле осудили Чернышевского за его политические взгляды (Глинский); 4) различны оценки С. Нечаева и «нечаевщины». Корнилов считал Нечаева «политическим авантюристом с инстинктами настоящего злодея», а «нечаевщину» единичным явлением, которое нанесло огромный вред революционному движению. Многие стремились выдать Нечаева за типичного революционера. Против «нечаевщины» выступила народническая молодежь. В России были условия для возникновения «нечаевщины». Богучарский утверждал, что «нечаевщина» была лишь «совершенно исключительным эпизодом» в русском революционном движении. Последующие поколения революционной молодежи относились к «нечаевщине» отрицательно. Глинский считал Нечаева крупной фигурой в практическом революционном движении; 5) «хождение в народ» Богучарский считал стихийным, вызванным стремлением молодежи «к нравственному очищению», сравнивал «хождение» с религиозными движениями прошлого. Корнилов указывал на разные цели участников «хождения»: одни хотели вести пропаганду социалистических идей, а другие – готовить крестьянское восстание. Но на практике все занимались только мирной пропагандой. Глинский отмечал положительные результаты «хождения» – сплочение революционных сил, знакомство молодежи с нуждами народа. Причиной разгрома он считал плохую подготовку молодежи к «хождению», отсутствие конспиративности и осторожности. Корнилов считал, что в результате «хождения в народ» народники убедились в неподготовленности крестьянских масс к социалистическим идеям. Богучарский, анализируя итоги «хождения», сделал более общий вывод о том, что «все народническое движение 70-х гг. было обречено на гибель» вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа; 6) Корнилов считал, что «Народная воля» занималась только террором, который и исчерпал ее силы. Богучарский утверждал, что вся сила «Народной воли» была сосредоточена в Исполнительном Комитете, члены которого и осуществили многочисленные террористические акты. Глинский и Корнилов отмечали растерянность правительства, которое не могло обеспечить защиту императора от покушений террористов. Глинский очень высоко оценивал способности «Народной воли» к террористической борьбе. Корнилов отмечал убежденность народовольцев в том, что удачное покушение «вызовет народную революцию». Но 1 марта был нанесен «смертельный удар Александру II, но отнюдь не самодержавию»; 7) Богучарский сопоставлял либеральное и революционное движение. По его мнению, у либералов имеется правильная программа, но «полное бессилие» ее выполнить. У революционеров есть сила и решительность, но совершенно недопустимый метод – террор.

Основной целью «Народной воли» Богучарский считал завоевание конституции. Революционеры, по его словам, сознательно взяли на себя задачу либералов, так как сами

либералы не имели сил и решимости ее выполнить. По мнению Глинского, «Народная воля» ставила своей задачей только разрушение современного государства, а «созидание будущего» она оставляла либералам.

Следует отметить, что либералы во многом сходились с народниками в оценках самодержавного режима пореформенной России. Они подвергали этот режим обоснованной критике как основное препятствие на пути прогрессивного развития страны. Но, в отличие от народников, будущее России они видели не в социалистической, а в демократической, то есть буржуазной, республике. Либералы категорически отрицали революционные методы борьбы с царизмом, решительно критиковали народовольческий террор. В целом, либеральные авторы сумели дать более адекватное изображение деятельности революционного народничества, чем их оппоненты – народники.

Литература

1. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.
  2. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.
  3. Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861 – 1881гг.). Исторические очерки. Ч. 1–2. СПб., 1913.
  4. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855 – 1881). М., 1909.
  5. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Ч. 3. М., 1918.
  6. Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966.
  7. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 5 – 6, 2011.
- *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 5 – 6, 2011. С 201 – 204 // http://ksu.edu.ru/attachments/article/472/2011_5-6F.pdf

?? Согласны ли вы со взглядами Б.Н. Чичерина на роль народников в истории России? Как оценивают С. Нечаева и его роль в истории революционного движения представители либерального направления в историографии? В чем видят причины и итоги «хождения в народ» А. Корнилов, В. Богучарский, Б. Глинский?

Н.Л. Пушкарева Женщины древней Руси*

Глава IV. Теремная затворница или правомочный член общества?

Представления о социальном положении древнерусских женщин в дореволюционной историографии.

Накопление фактического материала о положении женщин в древнерусском обществе, их имущественных и социальных правах, семейном статусе и роли в культурной и общественно-политической жизни в X – XV вв. началось в отечественной историографии в XVIII – первой половине XIX в. Одним из первых идей создания портретов «россиянок, знаменитых в истории или достойных сей чести», увлекся крупнейший дворянский историк, «последний летописец» Н.М. Карамзин. Его историческая повесть о Марфе-посаднице пробудила интерес к биографиям других выдающихся женщин русского средневековья. Предлагая историкам обратиться к этим сюжетам, Н.М. Карамзин считал возможным воссоздать женские портреты на основании летописных, агиографических, литературных и легендарных фактов, «изображая лица живыми красками любви к женскому полу и к отечеству».

В начале XIX в. появились первые работы о древних свадебных обрядах. Н. Цертелев, И. Платонов, М. Морошкин придерживались мнения, что в давние времена «девическая жизнь предпочиталась жизни замужних женщин, которые зависели от мужей своих», что жены русских князей были «рабынями или по высшей мере прислужницами мужей». А один из исследователей русских свадебных обрядов, Д.И. Языков, собрал

сравнительно большой фактический материал и подробно описал роль женщин – свех, подруг, боярынь, посаженной матери и т. д. – в свадьбе в XVI – XVII вв., сетуя на скудость материала по этому вопросу до XV в. включительно. Это утверждение опроверг в 50-х годах XIX в. М.П. Погодин, который на основе скрупулезной выборки и подборки отрывков из русских летописей осветил «частную жизнь» князей, а также свадебные обряды и семейные нравы X – XIII вв. М.П. Погодин не ставил перед собой исследовательских задач, но его публикация пробудила интерес к жизни и быту древнерусского общества.

В 60-х годах XIX в. среди работ, освещающих «домашнюю жизнь и нравы» людей X – XVI вв., выделились труды видного историка и археолога, создателя программы по изучению истории быта русского народа И.Е. Забелина. Они касались и социального статуса женщин в средневековой Руси. И.Е. Забелин использовал широкий круг источников: летописи, свидетельства иностранцев, древнерусскую церковную литературу, памятники материальной культуры и др. Поэтому при всей ограниченности концепции И.Е. Забелина (он, в частности, полагал, что «права женщины как члена семьи» не связаны с «ее правами как члена общества») в его работах много важных и точных наблюдений о положении русской женщины в древности и в средневековье.

Современник И.Е. Забелина Н.И. Костомаров – историк либерально-буржуазного направления, исследовавший главным образом XVI – XVII вв., – привел в своих трудах немало фактов, поражающих читателя «избытком, – как он сам писал, – деспотизма мужа над женой» в средневековой Руси. Но в работе по истории Северо-Западного региона Русского государства им были сделаны иные выводы о социальных правах и нравах русских женщин. Так, Н.И. Костомаров отметил, что «женщина в Новгороде пользовалась юридическим равенством с мужчиной». Перу Костомарова принадлежит и вводная статья к альбому «Русские исторические одежды» С.С. Стрекалова, в котором едва ли не впервые обстоятельно прорисованы детали древнерусского женского костюма и женских украшений.

Среди работ буржуазных историков XIX в., касавшихся истории семейных отношений, а также вопроса об участии женщин в производительном труде и ремеслах (в рамках «семейной экономики»), следует отметить труды А. Терещенко и Н. Аристова. Книга видного русского этнографа А. Терещенко «Быт русского народа» по сей день привлекает исследователей богатством фактического материала. Используя древнерусские, арабские, греческие источники, он сделал попытку исследовать историю женского костюма на Руси и затронул вопрос о «византийских заимствованиях» в древнерусской одежде. Полвека спустя поднятая А. Терещенко тема нашла отклик в литературе. В книге Н. Аристова «Промышленность Древней Руси», под коей автор разумел всю хозяйственную деятельность человека, для своего времени исчерпывающе разработаны летописи, акты, жития, сведения иностранцев, переводная литература, былины. В качестве свода материалов по истории быта, костюма, ремесла, в том числе «женского», она служит справочником не одному поколению историков.

С 30-х годов XIX в. изучение социального положения женщин в древней и средневековой Руси было связано с проявлением научного интереса прежде всего к правовым отношениям внутри древнерусской семьи. Этому способствовал перевод с немецкого языка фундаментального труда профессора Дерптского университета И.Ф. Эверса «Древнейшее русское право в историческом развитии» (СПб., 1835). И.Ф. Эверс подчеркнул связь между возникновением русской государственности и эволюцией семейно-родовых отношений.

Внимание буржуазных историков права привлекли уголовно-правовые и материально-правовые нормы X – XV вв., имущественные и наследственные отношения между супругами, правовое положение женщин. Однако историки государственной школы, преувеличивая значение нормативных документов, обрекали себя на формально-юридическую трактовку явлений истории древнерусской семьи, правового статуса

женщин и тем самым искажали и упрощали представления о древнерусском обществе. Односторонность выводов буржуазных историков ярко проявилась в оценке внутрисемейных отношений, в принижении роли женщины в древнерусском обществе, ее правовой дееспособности. Несмотря на большой фактический материал, введенный в научный оборот исследователями древнерусского права, и значительное число работ по проблеме, ученый мир того времени не выработал определенного мнения по вопросу о наличии у женщин собственного имущества (о так называемой «раздельности имущества супругов»). Решение этого ключевого вопроса ограничилось полемикой в печати, которая выявила полярные точки зрения.

И.Ф. Эверс и его последователи А. Попов, В.И. Сергеевич отстаивали положение о том, что в древнерусской семье у женщины отсутствовала отдельная от мужа собственность, а это якобы доказывало исконную подчиненность жены мужу. Н. Рождественский, О. Ланге, И. Губе, А. Савельев, Н. Дебольский, напротив, подчеркивали правовую самостоятельность женщин и имущественную раздельность в супружеском союзе. В начале XX в. Д.Я. Самоквасов высказал мысль о наличии в начальные века русской истории двух «типов» жен: «купленных или приобретенных посредством грабежа» и «договорных», обладавших по сравнению с первыми значительной имущественной самостоятельностью. К точке зрения о «раздельности имущества супругов» примыкал В.И. Синайский. Мнение о имущественной несамостоятельности женщин в браке разделял В.А. Рязановский. Буржуазные ученые не смогли объяснить обнаруженные ими в источниках противоречия, вопрос о «женской собственности» остался открытым.

Широкий подход к проблеме на основе использования большого круга источников отразили труды крупнейших профессоров Московского университета И.Д. Беляева и С.М. Соловьева. По своим общественно-политическим взглядам они принадлежали к различным течениям русской либерально-буржуазной мысли (И.Д. Беляев – к славянофилам, С.М. Соловьев – к западникам), но «в отношении важного вопроса о положении женщины в древнерусском обществе» – сходились.

И.Д. Беляев первым из русских историков использовал для характеристики имущественного положения женщин в X – XV вв. помимо нормативных источников известные тогда науке акты материалы. Он убедительно доказал самостоятельность материально-правового статуса женщины в древнерусской семье, противопоставив, в частности, ее широкие по тем временам права на опеку и наследство нормам византийских правовых кодексов (Эклоги, Номоканона), содержавших некоторые ограничения материальных прав женщин. И.Д. Беляеву принадлежит идея о развитии норм русского права, относящихся к женщинам, хотя он и не пытался найти основу этой эволюции. Касаясь перспектив развития правового статуса представительниц привилегированного сословия, И. Д. Беляев склонялся к мысли об отсутствии каких-либо негативных изменений в XIV – XVII вв. и даже полагал, что прежний «порядок» остался «до настоящего времени», т. е. до второй половины XIX в.

С.М. Соловьев тоже придерживался мнения о наличии у женщин собственного движимого и недвижимого имущества и отмечал вытекающую отсюда возможность их участия в политической жизни общества (подразумевались, естественно, привилегированные его слои). Правда, он считал, что социальная активность женщин в Русском государстве обуславливалась «спасительной силой» христианской религии и ролью духовенства, которое «во имя этой религии поддерживало все эти отношения».

Возрастание интереса к проблемам семьи и социальному положению женщин в русском обществе отвечало идейно-политическим запросам того времени: в среде радикальной дворянско-буржуазной интеллигенции обсуждались вопросы эмансипации женщин. Отсутствие трудов по интересующей нас теме историк государственной школы К.Д. Кавелин назвал тогда «одним из самых чувствительных пробелов в изучении русской истории».

На этом фоне особенно заметным был труд В.Я. Шульгина о женщинах допетровской эпохи. Он поставил ряд широких исследовательских задач: изучить семейную жизнь русского народа, определить – через «историю женщин – степень влияния на нашу жизнь элементов византийских, монгольских, европейских». В «Истории русской женщины» В.Я. Шульгин выделял три основных периода: языческого быта, домонгольский и XIV – XVI вв. Первый из них характеризуется тем, что «все сферы жизни открыты женщине», второй – постепенным «исключением женщины из мужского общества», третий – развитием затворничества. Возвращение женщине ее места и социальных прав в обществе произошло, по мнению Шульгина, при Петре I. Главной доминантой, воздействовавшей на изменение прав и социального статуса женщин, он считал «византийское влияние», усиливавшее стремление «к религиозному уединению русских женщин». Однако затворническая жизнь монастыря была явлением общим и для женщин, и для мужчин, а «византийское влияние» на русское право в X – XV вв. способствовало скорее развитию тенденций, противодействовавших «отлучению» (термин Шульгина) женщин от общественной жизни, чем их затворничеству.

К числу первых специальных исследований относится и книга А.В. Добрякова «Русская женщина в домонгольский период», изданная в 1864 г. Ее автор, учитель одной из Санкт-Петербургских гимназии, поставил перед собой цель «рассмотреть, как представляют женщин памятники древнейшего периода русской жизни». А.В. Добряков впервые предпринял попытку рассмотреть положение женщин в семье и обществе в зависимости от их принадлежности к тому или иному социальному слою. Он стремился показать имущественные и личные права женщин, их жизнь в семье, взаимоотношения с родственниками, различия между правами и положением «язычницы» и «христианки».

Во второй половине XIX в. тема, которой посвящена книга, нашла отражение в трудах историков, популяризовавших исторические знания. О судьбе женщины в допетровское время писал Н.Я. Аристов. На основе трудов С.М. Соловьева, В.И. Сергеевича и других ученых создал биографии выдающихся древнерусских женщин Д.Я. Мордовцев. Большой круг историко-литературных источников привлек для освещения «женского литературного типа» Древней Руси И.С. Некрасов. Но преимущественное использование некоторыми филологами (А.Н. Чудиновым, А.И. Желобовским, Н.В. Шеметовой) материалов фольклора приводило к преувеличению степени социальной «свободы» древнерусских женщин, к идеализации их общественного положения. В то же время ограничение круга источников нарративной и церковной литературой вызывало тенденциозное преуменьшение значения и роли женщин в хозяйственной и политической жизни древнерусского общества. «Женщина была бесправна... роль женщины проявлялась только в семье», – писал И.Е. Забелин.

Возможности использования агиографического материала для изучения древнерусской истории исследовал в 1871 г. В.О. Ключевский и пришел к выводу, что канонизированность описаний жизни, поведения, самих образов древнерусских женщин в житийной литературе и связанное с этим искажение фактов являются помехой для привлечения житий как источника исторического исследования. Действительно, даже для характеристики «деяний» выдающихся женщин русской истории (например, княгини Ольги) материал агиографии оказывается на редкость тенденциозным. Но, взятые в комплексе и сопоставленные с другими историческими памятниками, данные житийной литературы могут помочь воспроизвести церковную концепцию социальной роли женщины. Однако этот прием не использовался в дореволюционной буржуазной науке.

Свое понимание вопроса о социальном положении древнерусской женщины дали революционные демократы и их последователи, произведения которых носили большей частью пропагандистский характер. Они подчеркивали неравноправие женщин в любом классовом обществе и искали причину этого в сфере общественных отношений. Сравнивая различные формы государственного устройства в период феодальной раздробленности, последователь революционных демократов И.А. Худяков увидел

существенные различия в положении женщин в княжествах и феодальных республиках. Так, он обратил внимание на отдельные свидетельства участия женщин не только в судебных тяжбах, но и в политической жизни средневекового Новгорода и использовал эти данные для обоснования необходимости решить один из насущных тогда вопросов – о социальном равноправии женщин. В одной из своих статей И.А. Худяков утверждал, что проблема социальной роли женщины в «эпоху Древней Руси и Московии» должна рассматриваться на основе трех видов источников: фольклора, церковной литературы и летописей, соответственно представляющих «три женских портрета»: «поляницу», «злую жену» и, наконец, «пользовавшуюся большей свободой правительницу» (Марфа, Софья Витовтовна и т.д.).

Другой представитель демократического лагеря – С.С. Шашков – в своих исследованиях по истории русских женщин опирался на опубликованные письменные источники. В предисловии к одной из книг, изданной в 1872 г., он писал: «...ввиду вопросов эмансипации, волнующих современные женские поколения, знание былых судеб русской женщины представляется не только интересным, но и практически полезным для дела освобождения». С.С. Шашков заметил связь между возникновением частной (он ее называл «исключительной») собственности и ухудшением социального положения женщин, т. е. вплотную подошел к историко-материалистическому пониманию проблемы. Говоря о тяжелом положении зависимой женщины, он подчеркивал, что «женщина всегда старалась освободиться из этого положения, что она боролась с враждебными ей началами». «Противодействие русской женщины всему, что давило и порабощало ее, было достаточно сильным», – отмечал С.С. Шашков. К «порабощающим началам» он относил «религию, закон, обычай». По его мнению, особенно заметное негативное воздействие на социальное положение русских женщин оказал «византизм», наложивший на всю древнерусскую жизнь печать «мрачной, суровой замкнутости». В этом вопросе он, как видим, разделял взгляды В.Я. Шульгина. С.С. Шашков считал, что XVI век принес «полное порабощение» женщине, а «историю борьбы женщин за свободу» и «самостоятельность» начинал со сподвижницы Степана Разина Алены Арзамасской (Темниковской).

С демократических позиций подошел к исследованию проблемы и историк-публицист А.П. Щапов. Его интересовали главным образом такие вопросы, как «положение народной женщины», женская грамотность и образование. Представляет интерес вывод А.П. Щапова о противоречивости влияния церкви и христианства на изменения в положении женщины. С одной стороны, писал он, «церковь с самого начала взяла женщину под свою защиту, возвысила значение матери», а с другой – та же церковь «укореняла в ней веру в святость и нерушимость церковно-брачного подчинения мужу». «Источник унижения и отверженности» женщины в Древней Руси А.П. Щапов предлагал искать в воззрениях людей, а также в господстве аскетических идеалов, насаждавшихся церковью.

Особое направление в исследовании истории древнерусской семьи и социального положения женщины буржуазными учеными связало с применением сравнительно-исторического метода. Несмотря на ряд допущенных исследователями ошибочных сопоставлений, этот метод способствовал углубленному анализу проблемы. В трудах С.М. Шпилевского, С.В. Ешевского и других ученых собран большой материал для сравнительного изучения положения женщины и истории семьи в средние века на Руси и в Западной Европе. К. Алексеев и В.Д. Спасович при сравнении прав супругов на Руси и в Польше выявили аналогии в развитии семейного права восточного и западного славянства. В работах М.И. Горчакова, Д.Н. Дубакина, А.И. Загоровского, Н.К. Суворова, А.С. Павлова, А.И. Алмазова на основе исследования византийских правовых норм, вошедших в состав древнерусских памятников семейно-брачного права, определялись сходство и различия семейно-брачных норм Византии, Руси и Западной Европы, доказывалась самобытность русского брачного права.

Среди причастных к этому направлению исследователей было много специалистов по истории церковного права. Не случайно материалы их трудов неоднократно использовались А. Надеждиным, Т.В. Барсовым, П.М. Альтшуллером и другими авторами, которые стремились показать права и роль женщины в обществе с позиций христианских воззрений, на основе церковной концепции. Защитники ее восхваляли влияние церковных законов на укрепление семейного статуса женщин, что якобы благотворно способствовало «устранению женщин из жизни общественной» и выполнению ими тех функций, которые «свойственны женщинам от природы»

Однако мнение авторов, разделявших взгляд церковников на предназначение женщины, не было общепризнанным. В спор с теми, кто представлял древнерусскую женщину – вслед за канонической литературой и церковными законами XII – XV вв. – «покорной рабой, игрушкой своего мужа-господина, вступили ученые, которые отвергали воззрения на сам брак в Древней Руси как на акт исключительно религиозный. Многие исследователи семейно-брачных отношений в «домосковский период» Руси (А. Ефименко, А. Смирнов, И. Харламов и др.) стремились доказать, что брак в X – XV вв. был лишь разновидностью частной сделки, носил договорный характер; что по крайней мере в домонгольский период оба лица, вступающие в брак, участвовали в заключении договора о нем.

В конце XIX – начале XX в. возрос интерес к историко-этнографической проблематике и внутрисемейные отношения в X – XV вв. нашли отражение в исследованиях историков, сумевших научно оценить древнерусскую покаянную литературу и епитимийники как источники по истории семейного быта Древней Руси. Особую роль в изучении этих памятников сыграли публикации и работы С.И. Смирнова.

В начале XX в. попытку создать обобщающие работы по «истории русской женщины», дать ответ на вопрос о причинах ее «долголетнего теремного затворничества», «отнявшего у нее все человеческие права», предприняли женщины – М. Дитрих и Е. Щепкина. Их выводы мало чем отличались от выводов предшественников. В качестве причин негативных изменений в социальном статусе женщин М. Дитрих и Е. Щепкина выдвигали «утверждение патриархальных начал, влияние христианства и византийской литературы. Остались традиционными и хронологические этапы в «истории русской женщины»: языческая свобода, которую сменило «постепенное закабаление»; с XVI в. – усиление затворничества, а со времени Петра I – освобождение, включение женщин в общественную жизнь. Е. Щепкина внесла, правда, в эту хронологию некоторые коррективы: до XVI в. – «замкнутость семейной жизни для женщин высших классов», а с XVI в. – возрастание интереса к «ценности женской личности».

На рубеже XIX и XX вв. буржуазные историки проявили внимание к новым сторонам проблемы. Так, в рамках изучения внешней политики Руси и истории международных отношений X – XIII вв. освещалась (до этого отмеченная лишь в популярных очерках) внешнеполитическая деятельность великой княгини Ольги, королевы Франции – дочери Ярослава Мудрого Анны Ярославны, императрицы Германии Евпраксии-Адельгейды Всеволодовны, королевы Венгрии Евфросиньи Мстиславны, а также дипломатическая деятельность русских княжон, в том числе польской королевы Елены Ивановны – дочери Ивана III. На участие в установлении международных контактов представительниц княжеских родов указывалось и в биографических очерках отдельных князей, составленных А.В. Экземплярским.

Немногим больше «повезло» вопросу об образовании и грамотности женщин в Древней Руси. На рубеже XIX и XX вв. увидела свет книга известной участницы женского либерального движения 70 – 80-х годов Е.О. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России (1086 – 1856)». Однако наука располагала тогда лишь нарративными и отчасти актовными материалами, не были еще известны или верно датированы многие эпиграфические источники. Следствием ограниченности

источниковой базы был вывод об общей неграмотности древнерусских женщин, за редким исключением представительниц привилегированных слоев.

К началу XX в. русская историческая наука накопила некоторый археологический материал, позволивший расширить представления о древнерусской одежде и женских украшениях. Обобщить достижения русских археологов попыталась Л.Н. Кудь. Ее небольшая работа «Костюм и украшения древнерусской женщины» (Киев, 1914) по сей день единственное исследование, специально посвященное этому вопросу. Но вне поля зрения автора оказались многочисленные свидетельства русских летописей, памятников церковной литературы. Не использовались в работе фрески и миниатюры как источники по истории древнерусского женского костюма, хотя вопрос о привлечении их к изучению одежды X – XV вв. был уже поставлен.

Итак, русская дореволюционная историография выявила и накопила значительный конкретно-исторический материал, позволяющий с разных сторон осветить историю семьи, социальное положение и роль женщины в древнерусском обществе, воссоздать ее внешний и духовный облик. Буржуазные историки концентрировали внимание на юридических аспектах внутрисемейных отношений, исследовали главным образом имущественные права супругов в семье. Проявив интерес к отдельным представительницам привилегированного сословия, они отчасти осветили социальный статус женщин этого ранга. Филологи и этнографы выделили наиболее яркие женские образы в фольклоре XI – XV вв. В попытках создать обобщающие труды по проблеме заметно стремление выявить динамику изменений в социальном статусе древнерусских женщин, предложить свое понимание вопросов о причинах возникновения их политического неполноправия, о новых путях и традициях в истории женской эмансипации.

Однако концептуально-методологическая ограниченность не позволила дворянско-буржуазной историографии дать обоснованное решение ряда сложных вопросов древнерусской семьи, в том числе и об имущественных правах женщин в Древней Руси. Ученым революционно-демократического направления, вплотную подошедшим к историко-материалистическому пониманию процесса эволюции семейных отношений, также не всегда удавалось правильно объяснить явления X – XV вв. Но именно они первыми обратили внимание на необходимость изучения положения «народной» женщины, расширив тем самым круг исследуемых вопросов.

*Пушкарева Н.Л. Женщины древней Руси. М., «Мысль». 1989.

?? Охарактеризуйте взгляды исследователей на правовое, семейное, социальное положение русской женщины X – XVIII вв. Что общего, в чем особенности их точек зрения? Назовите первые специальные исследования по истории женщин на Руси. Что нового внесли авторы в изучение проблемы? Привлечение каких новых историографических источников способствовало изучению темы? В чем состоит вклад дореволюционной историографии в исследование истории семьи, женщины, ее социального статуса?

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО КУРСУ «ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»

Раздел 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.

Семинар 1.

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА (2 ЧАСА)

План

1. Историография и её место в системе исторических знаний. Понятие «историография». Предмет историографии.
2. Историографический факт. Историографический источник. Классификация историографических источников.
3. Методологические принципы и методы историографических исследований.

Источники и литература

1. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии до конца XIX в. Харьков, 1965.
2. Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.
3. Заболотный Е.Б., Камыкин В.Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI в. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2004.
4. Заболотный Е.Б., Камыкин В.Д., Шишкин И.Г. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX в. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2004.
5. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В. 2 томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.
6. Историография истории СССР с древнейших времен до 1917 г. / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1971.
7. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В. 2 томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.
8. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
9. Коломейцев В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М.: РОССПЭН, 2001.
10. Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки Милюков П.Н. / П.Н. Милюков; Отв. ред., сост. И автор предисл. М.Г. Вандалковская: Ин-т Российской истории. М.: Наука. 2002.
11. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001.
12. Очерки исторической науки СССР. В 4 томах. М., 1960.
13. Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вуза /Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Пармонова. М.: Дрофа, 2004.
14. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
15. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.
16. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. М., 1957.
17. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М.: Издательство «Культура», 1993.
18. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л.: Ленинградский университет, 1982.

19. Шаповалов А.И. Основы философии и методологии истории: Учебное пособие. Армавир, 2003.

20. Шеуджен Э.А. Историография. История историографической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999.

21. Шеуджен Э.А. Историография: вопросы теории и методологии. Курс лекций. Майкоп, 2005.

Раздел 2. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В X – XVII ВВ.

Семинар 2.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ИХ РАЗВИТИЕ В X – XV. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В XVI – XVII ВВ. (2 ЧАСА)

План

1. Значение письменности для сохранения и распространения исторических знаний.
2. Древнерусское летописание. «Повесть временных лет». Летописец и Библия. Легенда о «призвании варягов».
3. Летописи в период раздробленности и становления централизованного государства.
4. Новые тенденции в русской историографии XVI – XVII вв. Значение «Синописа» в развитии отечественной историографии.

Источники и литература

1. Очерки истории исторической мысли в СССР. Т.1. М., 1955.
2. Альманах библиофила. Вып. 26. М., 1989.
3. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVII вв. М., 1973.
4. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII – первая четверть XVIII вв. М., 1976.
5. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии до конца XIX в. Харьков, 1965.
6. Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947.
7. Лихачёв Д.С. Повесть временных лет. М., Л., 1950. Т. 1 – 2. Текст, перевод, комментарий совместно с Б.А. Романовым.
8. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
9. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969.
10. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
11. Муравьева Л.Л. Летописи Северо-Восточной Руси XIII – XV вв. М., 1983.
12. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
13. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
14. Данилевский И.Н. Библия и «Повесть временных лет». // Отечественная история, 1993, № 1.
15. Данилевский И.Н. Замысел и название «Повести временных лет». // Отечественная история, 1995, № 5.
16. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «Призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории, 1995, № 2.
17. Маловичко С.И. Инокентий Гизель и киевский «Синописис» // Отечественные историки: научная и педагогическая деятельность: Учебное пособие для студентов исторических факультетов и педагогических институтов. Часть I. Ставрополь, 2007. С. 5 – 67.

Раздел 3. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В XVIII В.

Семинар 3.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В НАУКУ. РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В. (2 ЧАСА)

План

1. «Теория естественного права и общественного договора» и её влияние на развитие отечественной исторической мысли.
2. Петровские преобразования и начало нового периода русской историографии. Феофан Прокопович, А.И. Манкеев, П.П. Шафиров, В.И. Куракин.
3. Санкт-Петербургская Академия наук. Вклад Готлиба-Зигфрида Байера, Герарда-Фридриха Миллера, Августа-Людвига Шлецера в российскую историю. Норманская теория: сторонники и противники.

Источники и литература

1. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1. М., 1955.
2. Сборник документов по истории СССР/Под ред. В.В. Мавродина. Ч. V. XVIII век. М., 1973.
3. Милуков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.
4. Пшетич С.А. Русская историография XVIII в. В 3 ч. Л., 1961-1971.
5. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVIII – первой половины XIX вв. М., 1985.
6. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии до конца XIX в. Харьков, 1965.
7. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
8. Вернадский Г. Русская историография. Часть I. Восемнадцатый век. М., 1998.

Семинар 4.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. (2 ЧАСА)

План

1. Идеи Просвещения и развитие российской историографии.
2. В.Н. Татищев – крупнейший историк второй половины XVIII века.
3. Историческая концепция великого русского ученого М.В. Ломоносова.

Источники и литература

1. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990.
2. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
3. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963.
4. Ломоносов Михайло: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждение потомков. Стихи и проза о нём / Сост. Г.Е. Павлова, А.С. Орлов.- М.: «Современник», 1989.
5. Ломоносов М.В. «Для пользы общества...». М., 1990.
6. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1984.
7. Радищев А.Н. Слово о Ломоносове// Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Художественная литература, 1984.
8. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России. // Татищев В.Н. Собр. соч. в 8 т. Т.1. М., 1962.
9. Кузьмин А.Г. Татищев. М.: Мол. Гвардия, 1981.

10. Лебедев Евгений Михаил Васильевич Ломоносов. Ростов на Дону: Изд-во «Феникс», 1997.
11. Фруменков Г.Г. Ломоносов – историк нашей Родины. Архангельск, 1970.
12. Юхт А.И. В.Н. Татищев о реформах Петра I./Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л.В. Черепнина. М.: «Наука», 1975.
13. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. М., 1957.
14. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М.: Издательство «Культура», 1993.
15. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В. 2 томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.

Раздел 4. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В XIX В. - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Семинар 5.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (2 ЧАСА)

План

1. Становление и развитие новых концептуальных подходов в осмыслении истории:
  - а) Сентиментализм;
  - б) Романтизм.
3. Основные идеи «Истории государства Российского»: структура, цели, источники.
4. Основные историографические факты в научном творчестве Н.М. Карамзина:
  - а) Происхождение государства. Роль варягов в истории Руси.
  - б) Монголо-татарское завоевание и его последствия.
  - в) Карамзин Н.М. о роли государства в истории России (Иван III, Василий III, Иван IV).
  - г) Понятие единой державы и самодержавия в российской истории.
  - д) Оценка Ивана Грозного и его эпохи.
  - е) Годунов и Смутное время.

Источники и литература

1. Карамзин Н.М. История Государства Российского /Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. М.: Книга. 1988.
2. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Изд.- во: Эксмо, 2002.
3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника; Повести. М.: Правда, 1980.
4. Карамзин Н.М. Об истории государства Российского /Сост. А.И. Уткин; Отв. ред., авт. очерка о Н.М. Карамзине и примеч. С.О. Шмидт. М.: Просвещение, 1990.
5. Лотман Ю.М. Колумб русской истории /Н.М. Карамзин. История Государства Российского. Репринтное воспроизведение пятого изд. 1842 – 1844 гг. Книга 4. Сопроводительные статьи. М., 1988.
6. Козлов В.П. Н.М. Карамзин – историк. /Н.М. Карамзин. История Государства Российского. Репринтное воспроизведение пятого изд. 1842-1844 гг. Книга 4. Сопроводительные статьи. М., 1988.
7. Козлов В.П. «История Государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.
8. Общественная мысль в России в XIX в. Л., 1986.

9. Козлов В.П. Полемика вокруг «Истории Государства Российского» Карамзина в русском обществе 10-20-х гг. XIX в. // История СССР, № 5, 1984.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен в 15 кн. М., 1960. Т.1, Т.2, Т.3, Т.4.
11. Карамзин как историк // Бестужев Рюмин К. Биографии и характеристики (Летопись России). М.: Век, 1997.
12. Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1990. (ст. Каченовского М.П., Полевого Н.А., Муравьева Н.М.).
13. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. Н.М. Карамзин. Соч. в 9 томах. Т. 7. М., 1989.
14. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
15. Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983.
16. Мирзоев Е.Б. Республиканец в душе (К вопросу о политических взглядах Н.М. Карамзина) // Вестник МГУ. Серия История. 2005. № 6. С.64.
17. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. – М., 1957.
18. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М.: Издательство «Культура», 1993.
19. Вернадский Г. Русская историография. М.: АГРАФ, 1988.
20. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В. 2 томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.

Семинар 6.

С.М. СОЛОВЬЕВ И ПОДЪЁМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (2 ЧАСА)

План

1. Биография С.М. Соловьёва и его философские и общественно-политические взгляды.
2. Основные историографические факты в работах С.М. Соловьёва.
  - а) Роль географического фактора влияние их на условия развития России.
  - б) Древняя Русь. Отношение С.М. Соловьёва к норманнской теории.
  - в) Народ и государство. Особенности возникновения Московского государства.
3. Роль личности в истории. Оценка деятельности Ивана III, Ивана IV, Петра Великого.
4. Характеристика крепостного права.
5. Классовая борьба в истории России.
6. Роль христианства в истории страны.
7. Общая концепция исторического процесса.

Источники и литература

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен в 15 книгах / ответственный редактор доктор исторических наук Л.В. Черепнин. М., 1966.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18 книгах. М., 1988.
3. Соловьев С.М. Избранные труды, Записки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
4. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории./ Сост. И вступ. Ст. с.С. Дмитриева; Комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойникова. М.: Правда, 1989.
5. Соловьев С.М. Об истории Древней Руси / Сост. автор предисл. И примеч. А. И. Самсонов - 2-е изд. М.: Просвещение, 1993.
6. Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С. Историк Соловьёв. Его жизнь, труды, научное наследство – вступ. ст. к сочинениям С.М. Соловьёва в 18 кн. Кн.1. М., 1988.
7. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 8. М., 1959.

8. Милюков П.Н. Соловьев С.М. (1820 –1879) / Очерки истории исторической науки / П.Н. Милюков; Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская: Ин-т Российской истории. М.: Наука. 2002. С. 391-394.
9. Щетинина Г.И. С.М. Соловьев. Факты биографии. История и историки. Историографический ежегодник, 1979, 1982.
10. Черепнин Л.В. С.М. Соловьев как историк. В кн.: Соловьев С.М. История России..., кн.1. М., 1959 или в кн.: Отечественные историки XVIII – XX вв. М., 1984.
11. Сахаров А.М. История России в трудах Соловьева С.М. / Вестник МГУ, сер. История, № 3, 1971.
12. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М.: Издательство «Культура», 1993.
13. Вернадский Г. Русская историография. М.: АГРАФ, 1988.
14. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В. 2 томах / Под. ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 1. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.

Семинар 7.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО (2 ЧАСА)

План

1. Биография В.О. Ключевского. Философские основы и методологические проблемы концепции истории России.
2. Основные историографические факты в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского:
  - а) Периодизация истории страны. Роль колонизации в истории России.
  - б) Отношение В.О. Ключевского к «норманнской теории».
  - в) Образование Киевского государства.
  - г) Феодальная раздробленность и его характер.
3. Московская Русь.
  - а) Характеристика И. Грозного и его времени.
  - б) Петр I и его роль в русской истории. Петровские реформы и их значение.
4. В.О. Ключевский о крепостном праве, классах и сословиях.

Источники и литература

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1987.
2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В трёх книгах. Ростов – на – Дону: Изд-во «Феникс», 2000.
3. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступ. статья и комментарии А.Н. Медушевского. М.: Прометей, 1991.
4. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М.: Правда, 1991.
5. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М.: Рассвет, 1992.
6. Ключевский В.О. О русской истории: [Сборник]. М.: Просвещение, 1993.
7. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
8. Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.
9. Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970.
10. Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. Т. 69. М., 1961.
11. Черепнин Л.В. В.О. Ключевский. В кн.: Отечественные историки. М., 1984.
12. Павленко Н. Великий Ключевский // Наука и жизнь. 1996. № 5 – 7.

13. Федотов Г. Россия Ключевского // Наше наследие, № 3, 1991.
14. Щербань Н.В. В.О. Ключевский о смуте. XVII в. // Отечественная история. 1997. № 3.
15. Щербань Н.В. Невостребованные традиции: В.О. Ключевский – педагог // Отечественная история. 1998. № 6.
16. Машелков Е.Н. Личность и научное воззрение В.О. Ключевского: оценки и характеристики современников // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 2007. № 5.
17. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: 18. Учебное пособие. – М.: Издательство «Культура», 1993.
18. Вернадский Г. Русская историография. М.: АГРАФ, 1988.
19. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В. 2 томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 2. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.

Семинар 8.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕОРИИ В ТРУДАХ С.Ф. ПЛАТОНОВА И А.Е. ПРЕСНЯКОВА (2 ЧАСА)

План

1. Жизнь и труды С.Ф. Платонова.
2. Основные историографические факты в «Полном курсе лекций по русской истории» С.Ф. Платонова:
  - а) История Древней Руси в концепции Платонова.
  - б) Золотая Орда и Северо-Восточная Русь. Привнесение в удельные порядки новых политических традиций.
3. Платонов о времени правления Ивана Грозного.
4. Смута в Московском государстве.
5. Оценка Петра I и его политики.
6. Жизнь и творчество А.Е. Преснякова.
7. Основные историографические факты в научном творчестве А.Е. Преснякова:
  - а) О причинах возвышения Москвы.
  - б) Великокняжеская власть и её стремление к единодержавию.
8. «Закрепощение сословий» и церковных структур в концепции Преснякова.

Источники и литература

1. Платонов С.Ф. Сочинения в 2 томах. Т. 1. СПб., 1993.
2. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов – на – Дону: Изд-во «Феникс», 1997.
3. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990.
4. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т.2. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.
5. Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.
6. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
7. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.3. М., 1963.
8. Старцев В.А. Значение и актуальность трудов С.Ф. Платонова // Платонов С.Ф. Сочинения в 2 томах. Т. 1. СПб., 1993.
9. Брачев В.С. Жизнь и труды Платонова // Платонов С.Ф. Сочинения в 2 томах. Т. 1. СПб., 1993.
10. Свердлов М.Б. А.Е. Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993.
11. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М.: Издательство «Культура», 1993.

12. Вернадский Г. Русская историография. М.: АГРАФ, 1988.
13. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для вузов. В 2 томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т.2. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2003.

Семинар 9.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (2 ЧАСА)

План

1. Сборник «Вехи» – фокус общественно-политической и философской мысли. Авторы «Вех» и их оппоненты об особенностях российской истории.
  - а) роль революции в развитии человеческого общества;
  - б) роль интеллигенции в русской истории: происхождение и сущность интеллигенции, интеллигенция и государство, интеллигенция и народ, интеллигенция и революция.
2. Н.П. Павлов-Сильванский о феодализме в России.
3. Труды А.С. Лаппо-Данилевского.

Источники и литература

1. Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909 – 1910. М., 1991 или др. издания.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.
3. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. М., 1990.
4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006.
5. Цамутали А.Н. Борьба направлений в историографии в период империализма. Л., 1986.
6. Калибанов А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // А.С. Лаппо-Данилевский. История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв. М., 1990.
7. Греков Б.Д. Н.П. Павлов-Сильванский о феодализме в России // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. Предисловие. М., 1988.

ГЛОССАРИЙ

Абстрагирование – это мысленное выделение, вычленение некоторых элементов конкретного множества и отвлечение их от прочих элементов данного множества.

Абстракция – отвлечение в процессе познания от несущественных сторон, свойств, связей объекта (предмета или явления) с целью выделения их существенных, закономерных признаков; абстрагирование; теоретическое обобщение как результат такого отвлечения.

Агиография (агиографическая литература) – литература в жанре житий, одна из важнейших форм церковной словесности.

Аксиома – положение, не требующее доказательств, поскольку оно является совершенно очевидными.

Актуальность темы – степень ее важности в данный момент и в данной ситуации для решения данной проблемы (задачи, вопроса).

Анализ – в философии в противоположность синтезу анализом называют логический приём определения понятия, когда данное понятие разлагают по признакам на составные части, чтобы таким образом сделать познание его ясным в полном его объеме.

Аналогия – рассуждение, в котором из сходства двух объектов по некоторым признакам делается вывод об их сходстве и по другим признакам.

Анархизм – отрицание государственной власти, теория о неограниченной свободе и равенстве людей.

Апробация – одобрение, утверждение, основанное на проверке, испытании.

Аргумент – суждение или совокупность суждений, приводимые в подтверждение истинности другого суждения (концепции, теории); основание доказательства

Аспект – точка зрения, с позиции которой рассматриваются или воспринимаются те или иные предметы, понятия, явления.

Верификационизм – философско-методологическая установка на применение «принципа верификации» в качестве одного из основных критериев научной рациональности.

Верификация – проверка, проверяемость, способ подтверждения с помощью доказательств каких-либо теоретических положений, алгоритмов, программ и процедур путем их сопоставления с опытными (эталонными или эмпирическими) данными, алгоритмами и программами; методика распознавания лжи (укрывательства, искажения).

Герменевтика – искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов, в том числе текстов классической древности;

Герменевтика – направление в философии XX в., выросшее на основе теории интерпретации литературных текстов. С точки зрения герменевтики задача философии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку реальность мы видим сквозь призму культуры, которая представляет собой совокупность основополагающих текстов.

Гетерономия – чужеродная закономерность, определяемость какого-либо явления чуждыми ему внешними законами.

Гетерономия в философии – подчинение воли субъекта чуждому ей и независимому от неё закону и причинности (закону природы, влечениям, установленным извне нормам), а не тому закону, который она ставит себе сама (нравственному закону), выведение предписаний нравственности из этих внешних причин. Термин этики И. Канта. Противоположность – автономия.

Гипотеза (греч. – основание, предположение) – научно обоснованное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-либо явлений и требующее опытной

проверки, подтверждения фактами для того, чтобы стать достоверной научной теорией. Гипотеза считается научной, если она удовлетворяет критерию Поппера, то есть потенциально может быть проверена критическим экспериментом, а также если она соответствует другим научным критериям.

Гипотетико–дедуктивный – выведение (дедукция) заключений из гипотез, истинные значения которых неизвестны. Знание носит вероятностный характер. Включает соотношение между гипотезами и фактами.

Гносеология – раздел философии, в котором изучаются проблемы природы и возможностей познания, отношения знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познания, выявляются условия его достоверности и истинности. Основные принципы: тождество мышления и бытия (принцип познаваемости мира); диалектика процесса познания; общественная практика (основа познаваемости мира).

Гносеология – учение о всеобщих механизмах и закономерностях познавательной деятельности как таковой.

Дедукция – движение познания от общего к частному, восхождения от абстрактного к конкретному; метод рассуждения от общих положений к частным, логический вывод частных положений из какой-либо общей мысли

Диалектика – наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления (учение о развитии всего сущего).

Дискурс, дискурс в общем смысле – речь, процесс языковой деятельности. В специальном, социогуманитарном смысле – социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени.

Закон – вербальное и/или математически сформулированное утверждение, которое описывает соотношения, связи между различными научными понятиями, предложенное в качестве объяснения фактов и признанное на данном этапе научным сообществом.

Знание – форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Знание помогает людям рационально организовывать свою деятельность и решать различные проблемы, возникающие в её процессе.

Идеализация – процесс создания чисто мысленных предметов, внесение изменений в изучаемый объект в соответствии с целями исследования (идеальный газ).

Идентичность – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

Идеографический метод – метод гуманитарных наук (неокантианцы в основном имели в виду историю), его задачей служит описание существенных черт в индивидуальных явлениях (поэтому он еще называется индивидуализирующим методом). Описание существенного достигается путем «отнесения к ценности».

Идея – определяющее положение в системе взглядов, теорий и т. п.

Измерение – это определение количественных значений, свойств объекта с использованием специальных технических устройств и единиц измерения.

Имманентный – нечто внутренне присущее какому-либо предмету, явлению, процессу. Противоположное – трансцендентный.

Индукция – способ исследования и изложения, при котором от наблюдаемых частных фактов переходят к выделению принципов, общих положений теории, установлению закономерностей.

Интенциональность – понятие в философии, означающее центральное свойство человеческого сознания: быть направленным на некоторый предмет.

Интерпретация в методологии науки, теории познания – совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементам (выражениям, формулам, символам и т. д.) какой-либо естественнонаучной или абстрактно-дедуктивной теории (в тех же случаях, когда такому «осмыслению» подвергаются сами элементы этой теории, то говорят также об интерпретации символов, формул и т. д.).

Исследование научное – процесс выработки новых научных знаний, один из видов познавательной деятельности. Характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью и точностью.

Исследовательская специальность (часто именуемая как направление исследования) – устойчиво сформировавшаяся сфера исследований, включающая определенное количество исследовательских проблем из одной научной дисциплины, включая область ее применения.

Исследовательское задание – элементарно организованный комплекс исследовательских действий, сроки исполнения которых устанавливаются с достаточной степенью точности. Исследовательское задание имеет значение только в границах определенной исследовательской темы.

Историзм – принцип научного познания объективной действительности, в соответствии с которым объекты и явления должны рассматриваться в их закономерном историческом развитии; в связи с конкретными условиями их существования. Принцип историзма включает также предсказание развития изучаемых объектов и явлений в будущем.

Историография – 1) история исторической науки в целом; 2) совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе (например, историография Великой Французской Буржуазной революции), или совокупность исторических работ, обладающих внутренним единством в идейно-концептуальном или национальном отношении (например, марксистская историография, немецкая историография); 3) научная дисциплина, изучающая историю исторической науки.

Историография – в узком смысле слова это совокупность исследований в области истории, посвященных определенной теме или исторической эпохе (например, историография эпохи Крестовых походов), или совокупность исторических работ, обладающих внутренним единством в идеологическом, языковом или национальном отношении (например, марксистская, англоязычная или французская историография). Историография проверяет, насколько верно применяется научный метод при написании исторической работы, акцентируя внимание на авторе, его источниках, отделении фактов от интерпретации, а также на стилистике, авторских пристрастиях и на том, для какой аудитории написана им данная работа в области истории.

Историческая концепция (лат. – понимание, система) – определенный способ понимания, трактовки исторических фактов, исторического процесса, явления, основная точка зрения на историю, руководящая идея для их систематического освещения. Историческая концепция является исходным способом оформления, организации и развертывания исторического знания, объединивший в этом отношении историческую науку, философию истории, историческую методологию.

Исторический источник – предмет, объект или явление, несущие непосредственную информацию по существу изучаемой исторической проблемы.

Категория – форма логического мышления, в которой раскрываются внутренние, существенные стороны и отношения исследуемых предметов.

Классификация – это осмысленный порядок вещей, явлений, разделение их на разновидности согласно каким-либо важным признакам

Ключевое слово – слово или словосочетание, наиболее полно и специфично характеризующее содержание текста или его части

Когерентность – взаимосвязь. Принцип когерентности заключается в утверждении, что все существующее находится во взаимосвязи; когерентные законы

онтологии выражают связь в том плане, в каком она существует между категориями какого-либо слоя.

Компаративистика – философская теория сравнения как базисной логической операции рассудка.

Компаративистика – общее название совокупности сравнительных методов в различных областях гуманитарного знания (правоведение, литературоведение, языкознание, культурология, история и религиоведение).

Контекст – относительно законченный отрывок текста, в пределах которого наиболее точно определяется значение и смысл входящих в него слов, выражений и т.п.

Континуальность – непрерывность, отсутствие лакун, квантованности, разделенности на фрагменты. Противоположность дискретности. М. Мамардашвили нашел, что внутренне пространство бинарной оппозиции под названием субъект-объектное отношение континуально.

Континуум – мощность множества всех вещественных чисел.

Континуум – пространство – время – математическое объединение пространства и время в единый комплекс.

Концепция – система взглядов на что-либо, основная точка зрения, руководящая идея для освещения каких-либо явлений; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности.

Конъюнктура – создавшееся положение в какой-либо области общественной жизни.

Либерализм – политическая идеология и система ценностных установок. Целью либерализма является постепенное и ненасильственное реформирование общества в сторону достижения политических и гражданских свобод, ограничения власти государства и церкви, неприкосновенности частной собственности и верховенства права.

Марксизм – идейное течение второй половины XIX – начала XX веков, традиционно связываемое с концепцией общества и человека, сформулированной в работах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.Ленина и др. Марксизм является системой философских, экономических, социально-политических, исторических взглядов, включающей: философский материализм и диалектику; материалистическое понимание истории (теорию общественно-экономических формаций; обоснование экономических законов движения капиталистического общества; теорию классов и классовой борьбы; теорию пролетарской революции и перехода к коммунистическому обществу).

Математическое моделирование – реальная система заменяется абстрактной системой (математическая модель, состоящая из набора математических объектов) с теми же отношениями, задача становится чисто математической.

Метод исследования – способ применения старого знания для получения нового. Является орудием получения научных фактов, опирается на некоторые принципы.

Методология – система наиболее общих принципов, положений и методов, составляющих основу той или иной науки.

Методология научного познания – учение о принципах, формах и способах научно-исследовательской деятельности.

Моделирование – это изучение объекта посредством моделей с переносом полученных знаний на оригинал.

Наблюдение – это целенаправленный процесс восприятия предметов действительности, результаты которого фиксируются в описании. Для получения значимых результатов необходимо многократное наблюдение. Виды: непосредственное наблюдение, которое осуществляется без применения технических средств; опосредованное наблюдение – с использованием технических устройств.

Нарратив – понятие философии постмодернизма, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного текста.

Нарратив – изложение взаимосвязанных событий, представленных читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Синонимами сравнительно нового для русского языка термина «нарратив» являются более традиционные «повествование» и «рассказ».

Нарратология – учение о нарративе

Наука – сфера человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Основой этой деятельности является сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и, на этой базе, синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи с конечной целью прогнозирования. Те теории и гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества.

Научная дисциплина – раздел науки, который на данном уровне ее развития, в данное время освоен и внедрен в учебный процесс высшей школы.

Научная революция – радикальное изменение процесса и содержания научного познания, связанное с переходом к новым теоретическим и методологическим предпосылкам, к новой системе фундаментальных понятий и методов, к новой научной картине мира, а также с качественными преобразованиями материальных средств наблюдения и экспериментирования, с новыми способами оценки и интерпретации эмпирических данных, с новыми идеалами объяснения, обоснованности и организации знания.

Научная тема – задача научного характера, требующая проведения научного исследования. Является основным планово-отчетным показателем научно-исследовательской работы.

Научная теория – система абстрактных понятий и утверждений, которая представляет собой не непосредственное, а идеализированное отображение действительности.

Научное знание – система знаний о законах природы, общества, мышления. Научное знание составляет основу научной картины мира и отражает законы его развития. Научное знание обладает различной степенью достоверности, социально обусловлено и является результатом постижения действительности и когнитивной основой человеческой деятельности.

Научное исследование – процесс изучения, эксперимента и проверки теории, связанный с получением научных знаний. Виды исследований: фундаментальное исследование, предпринятое главным образом, чтобы производить новые знания независимо от перспектив применения; прикладное исследование.

Научное познание – исследование, которое характеризуется своими особыми целями, а главное – методами получения и проверки новых знаний. Деятельность, связанная с выявлением сущностных связей и отношений в системе "человек- мир". Обязательно требует проверки, обоснования.

Научный доклад – научный документ, содержащий изложение научно-исследовательской или опытно-конструкторской работы, опубликованный в печати или прочитанный в аудитории.

Научный метод – совокупность основных способов получения новых знаний и методов решения задач в рамках любой науки. Метод включает в себя способы исследования феноменов, систематизацию, корректировку новых и полученных ранее знаний.

Научный отчет – научный документ, содержащий подробное описание методики, хода исследования (разработки), результаты, а также выводы, полученные в итоге научно-исследовательской или опытно-конструкторской работы. Назначение этого

документа – исчерпывающе осветить выполненную работу по ее завершении или за определенный промежуток времени.

Научный факт – это результат наблюдений и экспериментов, который устанавливает количественные и качественные характеристики объектов, неоднократно полученный стабильный результат эксперимента;

Научный факт – это событие или явление, которое является основанием для заключения или подтверждения. Является элементом, составляющим основу научного знания.

Неокантианство – идейно-философское течение, возникшее во второй половине XIX в. в Германии, развивавшее учение Канта в духе последовательного проведения в жизнь основных принципов его трансцендентально-критической методологии. Крупнейшие представители неокантианской философии истории В. Виндельбанд и Г. Риккерт предприняли попытку определить пределы исторического познания. Виндельбанд решительно противопоставил естествознание (номотетическую науку об общем) и историю (идеографическую науку об индивидуальном). В задачу естествознания входит формулировка общих законов, в задачу истории – описание индивидуальных фактов. Историческая действительность виделась как мир единичных неповторимых событий. Близкая точка зрения была высказана Риккертом, который полагал, что специфика исторического исследования состоит в том, что его результаты выражаются не в обобщенных суждениях, а в групповых понятиях с индивидуальным содержанием, к тому же следствие не вытекает с прямой необходимостью из причины. Оценка результатов исторического исследования происходит в соответствии с некоторыми донаучными критериями и системой ценностей, на которой основано понимание существенного и несущественного. Риккерт решительно отверг как существование исторических законов, так и способность исторической науки их понять. Он доказывал, что понятие исторического развития и понятие закона исключают друг друга, так как в законе есть то, что повторяется любое число раз, а в историю развитие входит как возникновение нового, не существовавшего ранее. Задача истории заключается в изображении действительности во всем ее бесконечном разнообразии. История должна изучать в реальной действительности не общее, а единичное, и от этого она нисколько не утратит своего научного значения.

Номотетический метод – это метод естествознания, его задачей является установление законов на основе обобщения явлений (его еще называют генерализующим методом).

Норманнская теория – зародившаяся в XVIII в. концепция, согласно которой образование древнерусской государственности являлось следствием внешнего фактора – деятельности варяжских князей.

Обзор – документ, текст, содержащий систематизированные научные данные по какой-либо теме, полученные в результате анализа первоисточников. Обзорная информация – вторичная, содержащаяся в обзорах научных документов; релевантная – информация, заключенная в описании прототипа научной задачи; реферативная – вторичная информация, содержащаяся в первичных научных документах; сигнальная – вторичная информация различной степени свертывания, выполняющая функцию предварительного оповещения; справочная – вторичная информация, представляющая собой систематизированные краткие сведения в какой-либо области знаний.

Объект исследования – процесс или явление, порождающее проблемную ситуацию и избранное для изучения.

Онтология – учение о бытии как таковом; раздел философии.

Определение (дефиниция) – один из самых надежных способов, предохраняющих от недоразумений в общении, споре и исследовании. Цель определения – уточнение содержания используемых понятий.

Опытное знание – знания, приобретённые в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий, в отличие от знания, достигнутого посредством абстрактного мышления; единство знаний и умений. Одно из основных понятий теории познания.

Палимпсест – рукопись на пергаменте (реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста.

Панславизм – восточноевропейское культурное и политическое течение, возникшее в XIX в. В основе панславизма лежит представление о братстве славянских народов, стремление к их политическому и культурному объединению, к преодолению политической и культурной зависимости от Запада.

Парадигма – совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества.

Партикуляризм – стремление к частным моментам, обособлению. Партикуляризм встречается в различных областях. В русском языке данный термин наиболее широко используется в политике и обозначает – преследование отдельными частями государства личных интересов, в ущерб интересам общегосударственным.

Плагиат – умышленное присвоение авторства чужого произведения науки или искусства, технических решений или изобретений. Плагиат может быть нарушением авторско-правового законодательства и патентного законодательства и в качестве таковых может повлечь за собой юридическую ответственность. С другой стороны, плагиат возможен и в областях, на которые не распространяется действие каких-либо видов интеллектуальной собственности, например, в математике и других фундаментальных научных дисциплинах.

Позитивизм (лат. – положительный) – историко-философское направление, исходящее из тезиса о том, что все подлинное, «положительное» (позитивное) знание, в том числе и об историческом прошлом, может быть получено лишь как результат отдельных специальных наук или их синтетического объединения и что философия как особая наука, претендующая на самостоятельное исследование реальности, не имеет права на существование. Единственным исходным пунктом познания являются факты опыта, а единственный объект познания – явления и их закономерная связь. Позитивизм отрицает все философские вопросы о первопричинах и конечных целях. Позитивисты стремились возвести историю в ранг науки. Внимание позитивистов приковано к мельчайшим историческим фактам и действиям, доступным анализирующей науке, из которых создаются относительно связные и устойчивые исторические комплексы. Повсюду в исторических исследованиях используется основанный на индукции и сравнении закон суммирования и правильной последовательности или причинности. Так складывается концепция универсальной истории, развивающейся прогрессивно-поступательно, ступень за ступенью, от низшего к высшему.

Познание – совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира. Познание является основным предметом гносеологии.

Понятие – есть мысль, в которой отражаются отличительные свойства предметов и отношения между ними.

Постановка вопроса при логическом методе исследования включает в себя, во-первых, определение фактов, вызывающих необходимость анализа и обобщений, во-вторых, выявление проблем, которые не разрешены наукой. Всякое исследование связано с определением фактов, которые не объяснены наукой, не систематизированы, выпадают из ее поля зрения. Обобщение их составляет содержание постановки вопроса. От факта к проблеме — такова логика постановки вопроса.

Постулат – положение, не требующее доказательств, поскольку оно является совершенно очевидными.

Прагматизм – концепция истории, связанная с изображением исторических событий в связи с их причинами, сопровождающими обстоятельствами и следствиями. Прагматизм рассматривает исторический процесс как цепь отдельных событий в их причинно-следственной связи, но без освещения их с точки зрения общих исторических законов.

Предмет исследования – то, что находится в границах объекта исследования в определенном аспекте рассмотрения

Принцип – основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки.

Проблема – крупное обобщенное множество сформулированных научных вопросов, которые охватывают область будущих исследований. Различают следующие виды проблем:

Провиденциализм – концепция истории, согласно которой исторический процесс понимается как реализация Божественного промысла, имеющего своей целью спасение человечества. В более широком смысле провиденциализм является историко-философским направлением, стремящимся объяснить исторические события и в целом историю как непосредственное проявление Провидения. Концептуальные основы провиденциализма впервые были заложены в трактате Августина Блаженного «О граде Божьем». Провиденциалистское понимание исторического процесса как пути к эсхатологическому «царству божьему», изложенное Августином, легло в основу всей средневековой христианской историографии.

Радикализм – приверженность крайним политическим взглядам, идеологиям.

Рационализм – историко-философское направление, противопоставляющее мистике, теологии и иррационализму убеждение в способности человеческого разума познавать законы природы, общественного развития, а следовательно и исторического прошлого. В более широком смысле рационализм является определенной ориентацией и стилистикой мышления, а также доминирующей линией философского развития, идущей от древнегреческой философии и вплоть до середины XIX в., со свойственными ей установками на разумность и естественную упорядоченность мира, наличие в нем внутренней логики и гармонии, а также убеждением в способностях разума постичь этот мир и устроить его на разумных началах.

Революционное народничество – одна из основных русских революционных идеологий второй половины XIX – начала XX в. Стремление к уничтожению самодержавия, помещичьего землевладения и построению крестьянской социалистической республики с опорой на традиционные для России общинные ценности.

Редуцированный – водянистый неубедительный, слабый.

Репрезентация – представленность, изображение, отображение одного в другом или на другое, то есть речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Многозначное понятие, широко употребляется в философии, истории, психологии, культурологии, социологии, социальном познании в целом.

Референтный – выступающий в качестве объекта, факта или события, на которое ссылаются в подтверждение некоторых идей; служащий источником этих идей, образцом для подражания.

Рефлексия – научная деятельность, направленная на исследование конкретных явлений и самого процесса познания.

Рефлексия – междисциплинарное понятие с многовековой историей, обращение внимания субъекта на самого себя и на своё сознание, в частности, на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление.

Романтизм – сложное, внутренне противоречивое духовное движение в западной культуре рубежа XVIII – XIX веков, затронувшее все сферы духовной жизни (философию,

историческое познание, литературу, музыку, театр и т.д.). В значительной мере романтизм стал идейно-философским ответом на итоги Великой Французской Буржуазной революции. В новых исторических условиях прежняя упорядоченная картина исторического прошлого мыслителей XVIII века, теории о скором наступлении царства разума, свободы и счастья перестали казаться правдоподобными. Общество перестало рассматриваться как механическая сумма индивидов, была поколеблена вера в способность разума к сознательному преобразованию мира, к прогрессу. В основу романтизма легло принципиально новое мироощущение человека. Человек мыслился как противостоящий миру индивид с сильными и высокими чувствами, страстями, со способностью к интуитивному пониманию, вдохновению и творчеству. Движение истории понималось романтиками как органический процесс. Любое явление в обществе следовало рассматривать в становлении, развитии, расцвете и упадке. История обозначала изменение, из которого проистекало разнообразие. Все явления прошлого виделись авторами-романтиками как неповторимые, уникальные. Если просветители искали в прошлом общие и универсальные законы, то романтики сосредоточили внимание на уникальном и самобытном в национальной истории.

Секуляризация – процесс снижения влияния религии в политической, экономической и культурной жизни общества; переход от общества, регулируемого преимущественно религиозной традицией, к светской модели социальных отношений.

Синтез – метод научного познания, представляет собой соединение полученных при анализе частей в нечто целое. С точки зрения теории познания, синтез представляет собой необходимый этап проявления познавательной деятельности сознания. В совокупности с анализом, метод синтеза позволяет получить представления о связях между составляющими предмета изучения.

Систематизация – мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определённую систему на основе выбранного принципа.

Субэтническая общность (сбэтнос) – относительно локальная группа в рамках этноса, обладающая элементами собственного этнического самосознания, но не порывающая с основным этносом (например казачество в России).

Суждение – мысль, с помощью которой что-либо утверждается или отрицается. Такая мысль, заключенная в предложение, содержит три элемента: субъект, предикат и связка – «есть» или «не есть» (слова, выражающие связку, в русском языке обычно не употребляются).

Тезаурус – словарь, в котором максимально полно представлены слова языка с примерами их употребления в тексте.

Тезис – утверждение, требующее доказательства; более широко — любое утверждение в споре или в изложении некоторой теории

Теоретическое познание отражает явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, постигаемых путем рациональной обработки данных эмпирического знания.

Теория – система основных идей в той или иной отрасли науки; форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Совокупность обобщенных положений, образующих науку или ее раздел. Она выступает как форма синтетического знания, в границах которой отдельные понятия, гипотезы и законы теряют прежнюю автономность и становятся элементами целостной системы.

Террор – способ управления социумом посредством демонстративных насильственных актов превентивного устрашения.

Тойнби Альфред (1889 – 1975) – выдающийся английский историк и мыслитель, один из представителей цивилизационного подхода к изучению истории. Основная работа – "Постижение истории".

Тоталитаризм – политическая система, характеризующаяся стремлением к всеобъемлющему (тотальному) контролю государства над всеми сторонами жизни общества на основе "единственно верной" идеологии, превращению индивида в "винтик "государственной "машины".

Умозаключение – мыслительная операция, посредством которой из некоторого количества заданных суждений выводится иное суждение, определенным образом связанное с исходным.

Уния – союз, объединение, слияние.

Факт научный – форма научного знания, в которой фиксируется некоторое конкретное явление, событие. Событие составляет объективную основу факта. Субъективной его стороной является деятельность учёного по фиксации, описанию событий. Научный факт должен удовлетворять следующим требованиям: 1) отнесённость к определенной предметной области науки; 2) содержательное описание процедуры и обстоятельств фиксации события; 3) усреднённость результатов наблюдений и измерений; 4) воспроизводимость в научной деятельности других исследователей; 5) соотнесённость с некоторой совокупностью, системой родственных или схожих фактов.

Фактографический документ – научный документ, содержащий текстовую, цифровую, иллюстративную и другую информацию, отражающую состояние предмета, исследования или собранную в результате научно-исследовательской работы.

Фальсификационизм – методологическая позиция (особенно Карла Поппера, 1934), основанная на представлении о невозможности проверки индуктивного универсального обобщения из-за большой вероятности появления новых и потенциально опровергающих доказательств. Так, гипотезу способен опровергнуть единичный неподтвержденный случай (например, один черный лебедь не позволяет сказать: "все лебеди – белые"). Согласно этому представлению (и в отличие от логического позитивизма), наука может быть определена с точки зрения скорее "фальсифицируемости", чем "верифицируемости" теорий и гипотез и главным образом условности научно подтвержденного знания.

Философия истории – область философского знания, нацеленная на осмысление исторического процесса в целом и анализ методологических проблем исторического познания. Строя модель исторического процесса, философия истории разрабатывает определенную трактовку специфики исторической реальности, смысла и цели истории, основных движущих сил истории и механизмов их действия, соотношения исторической необходимости и человеческой свободы, единства и многообразия истории, гносеологические проблемы исторической науки.

Формализация – отражение полученных результатов мышления в утверждениях или точных понятиях

Эксперимент (лат. – проба, опыт) в научном методе – набор действий и наблюдений, выполняемых для проверки (истинности или ложности) гипотезы или научного исследования причинных связей между феноменами. Одно из главных требований к эксперименту — его воспроизводимость.

Элиминация (лат.) — удаление, исключение, устранение, ограничение

Эмпиризм, эмпирицизм (др.-греч. – опыт) – направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

Эмпирический метод познания представляет собой специализированную форму практики, тесно связанную с экспериментом.

Эмпирический уровень научного познания характеризуется непосредственным исследованием реально существующих, чувственно воспринимаемых объектов.

Эмпирическое знание – первичное научное знание, которое получается при контакте с изучаемым объектом

Эпистемолóгия (греч.) – теория познания, раздел философии.

Этногенез – процесс исторического становления и развития этнической общности (племени, народа, нации).

ПЕРСОНАЛИИ

ТАТИЩЕВ ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ (1686 - 1750)

Основоположник исторической науки в России, географ, государственный деятель. Окончил в Москве Инженерную и Артиллерийскую школу. Участвовал в Северной войне (1700-1721), выполнял различные военно-дипломатические поручения царя Петра I. В 1720-1722 и 1734-1739 годах управляющий казенными заводами на Урале, начальник Оренбургской экспедиции, основатель Екатеринбурга, Оренбурга, Орска. В 1741 – 1745 годах – астраханский губернатор.

Татищев подготовил первую русскую публикацию исторических источников, введя в научный оборот тексты «Русской правды» и Судебника 1550 года с подробным комментарием, положил начало развитию в России этнографии, источниковедения. Создал обобщающий труд по отечественной истории, написанный на основе многочисленных русских и иностранных источников – "Историю Российскую с самых древнейших времен", составил первый русский энциклопедический словарь.

Впервые в русской историографии Татищев сделал попытку выявить закономерности в развитии общества, обосновать причины возникновения государственной власти. Отказавшись от провиденциалистской точки зрения в объяснении исторических событий ("божий промысел"), Татищев выступил как рационалист, связывающий исторический процесс с развитием "умопросвещения". Из всех форм государственного правления для России Татищев явное предпочтение отдавал самодержавию. Татищев впервые в отечественной историографии дал общую периодизацию истории России: господство единовластия (862 – 1132), нарушение единовластия (1132 – 1462), восстановление единовластия (с 1462).

Труды Татищева содержат много исторических известий, основанных на некоторых несохранившихся источниках.

МИЛЛЕР ГЕРАРД ФРИДРИХ (ФЕДОР ИВАНОВИЧ) (1705 – 1783)

Российский историк, профессор Императорской Петербургской Академии наук. Родился в пасторско-ученой семье. Его отец был ректором гимназии, мать – из семьи профессора теологии Бодинуса. По окончании гимназии в 1722 г. Миллер поступил в университет Ринтельна, а в 1724 – 1725 гг. обучался у известного философа и историка И. Б. Менке в Лейпцигском университете, где получил степень бакалавра. Однако уже вскоре он принял предложение о работе в только что основанной Петербургской Академии наук и в ноябре 1725 г. прибыл в Россию.

Первоначально преподавал в академической гимназии, был помощником академического библиотекаря И. Д. Шумахера и участвовал в организации архива и библиотеки Академии наук. В 1728 г., когда Академии было поручено издание «Санкт-Петербургских ведомостей», Миллер основал приложение к ним – «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», явившиеся первым русским литературным и научно-популярным журналом. В 1730 г. Миллер был избран профессором Академии и направлен в заграничную командировку, целью которой было поднятие престижа Петербургской Академии наук. По возвращении в 1732 г. Миллер основал первый русский исторический журнал – *Sammlung Russischer Geschichte*, где впервые (на немецком языке) были опубликованы отрывки из Начальной русской летописи. Журнал на многие годы стал важнейшим источником знаний по истории России для просвещенной Европы. Тогда же Миллер составил и опубликовал план изучения и издания важнейших исторических источников по русской истории.

В 1733 г. в составе академического отряда Великой Камчатской экспедиции Миллер отправился в Сибирь, где в течение десяти лет изучал документы местных

архивов, собирал географические, этнографические и лингвистические данные по истории Сибири. Собрал коллекцию подлинников и копий сотен уникальных исторических документов XVI – XVII вв., до сих пор являющаяся ценнейшим источником по истории России. Написал несколько первых самостоятельных научных работ, составил словари языков местных народов, в совершенстве освоил русский язык.

По возвращении в 1743 г. в Петербург Миллер приступил к обработке собранных материалов и написанию главного труда своей жизни – многотомной «Истории Сибири». Параллельно он занимался картографией и по заданию Коммерц-коллегии написал статью «Известие о торгах сибирских». В 1744 г. он выступил с проектом создания при Академии наук Исторического департамента и разработал программу изучения русской истории. В 1747 г. решил навсегда остаться в России, принял российское подданство и получил должность историографа. Однако отношение к нему академического начальства, в частности Шумахера, носило враждебный характер. В травле Миллера активное участие принимал М.В. Ломоносов, обвинявший историка в нелояльном отношении к России. Особой остроты взаимоотношения ученых достигли в 1749 г., когда состоялась дискуссия по диссертации Миллера «О происхождении имени и народа Российского», в которой историк развил принятую в тогдашней науке норманскую теорию. В основе конфликта, помимо личной неприязни, лежала разница в представлениях Миллера и Ломоносова о задачах историка и исторической науки.

В 1754 г. Миллер назначается конференц-секретарем Академии наук, а в 1755 г. ему было поручено редактирование академического журнала «Ежемесячные сочинения», в котором на протяжении последующих десяти лет были опубликованы труды виднейших представителей русской культуры и науки. Журналу суждено было сыграть важную роль в становлении отечественной журналистики. Сам Миллер опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» целый ряд собственных работ, в т. ч. первые в русской историографии труды по истории русского города, русского летописания, географических открытий, Смутного времени, русско-китайских отношений и др. Здесь же были опубликованы написанные им первая статья по русской археологии и ряд примечаний на сочинения иностранных авторов о России. Необходимость исполнять многочисленные административные обязанности, отнимавшие много времени, а также тяжелая обстановка в Академии вынудили Миллера в 1764 г. просить Екатерину II о назначении главным надзирателем Московского воспитательного дома. Вскоре он был переведен на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, где и работал до конца жизни, став со временем его управляющим. Миллер внес существенный вклад в развитие отечественного архивоведения: им были разработаны принципы систематизации и описания архивных документов, он явился воспитателем первого поколения русских профессиональных архивистов (Н. Н. Бантыш-Каменского, В. Ф. Малиновского), фактически основал библиотеку архива (на сегодняшний день одно из ценнейших книжных собраний Москвы), под его руководством архив стал важным научным и культурным центром. Не прекращал он и собственных научных занятий. В эти годы им была написана книга «Известие о дворянах российских», составлено историческое описание городов Московской губернии. Активно занимался Миллер и издательской деятельностью. Под его редакцией вышли труды В.Н. Татищева, А.И. Манкиева, С.П. Крашенинникова, первый русский географический словарь Ф.А. Полунина, ряд изданий исторических источников. Миллер содействовал издательской деятельности Н.И. Новикова, помогал М.М. Щербатову в поисках источников для его «Истории Российской».

ЩЕРБАТОВ МИХАИЛ МИХАИЛОВИЧ (1733 – 1790)

Родился в княжеской семье в 1733 г. Первоначальное образование получил дома. С 1750 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку, но сейчас же после манифеста 18 февраля 1762 г. вышел в отставку. Рано поняв недочеты своего образования, он старался пополнить их самостоятельным чтением. На гражданской службе, куда он скоро

поступил, Щербатов имел полную возможность хорошо ознакомиться с тогдашним положением России. В 1767 г. он, в качестве депутата от ярославского дворянства, участвовал в комиссии для составления нового уложения, где, в духе данного ему избирателями наказа, очень рьяно отстаивал интересы дворянства и всеми силами боролся с либерально-настроенным меньшинством. Несколько раньше Щербатов стал заниматься русской историей, под влиянием Миллера, о чем он сам говорит в предисловии к I тому "Истории российской". В 1767 г. Щербатов, вероятно, был представлен Екатерине II, и она открыла ему доступ в патриаршую и типографическую библиотеки, где были собраны списки летописей, присланные по указу Петра I из разных монастырей. На основании 12 списков, взятых оттуда, и 7 собственных Щербатова, не имея никакой предварительной подготовки, взялся за составление истории. Несмотря на то что в 1768 г. он был назначен в комиссию о коммерции и что ему было поручено императрицей разобрать бумаги Петра I, его работа шла очень быстро: к 1769 г. он дописал 2 первые тома, до 1237 г. Тогда же начинается усиленная издательская деятельность Щербатова. Он печатает: в 1769 г., по списку патриаршей библиотеки, "Царственную книгу"; в 1770 г., по повелению Екатерины II – "Историю швейцарской войны", собственноручно исправленную Петром Великим; в 1771 г. – "Летопись о многих мятежах", в 1772 г. – "Царственный летописец". Собственная его история несколько замедлилась вследствие необходимости к летописным источникам присоединить и архивные, до него никем, кроме Миллера, не тронутые. В 1770 г. он получил разрешение пользоваться документами московского архива иностранной коллегии, где хранились духовные и договорные грамоты князей с половины XIII века и памятники дипломатических сношений с последней четверти XV века. Энергично принявшись за разработку этих данных, Щербатов в 1772 г. окончил III, а в 1774 г. – IV том своей работы. Не ограничиваясь одними историческими трудами, он в 1776 – 1777 гг. составляет замечательную работу по статистике, понимая ее в широком смысле школы Ахенвалля, то есть в смысле государственоведения. Его "Статистика в рассуждении России" обнимала 12 рубрик: 1) пространство, 2) границы, 3) плодородие (экономическое описание), 4) многонародие (статистику населения), 5) веру, 6) правление, 7) силу, 8) доходы, 9) торговлю, 10) мануфактуру, 11) народный характер и 12) расположение к России соседей. В 1778 г. он сделался президентом камер-коллегии и был назначен присутствовать в экспедиции винокурных заводов; в 1779 г. был назначен сенатором. До самой своей смерти Щербатов продолжал интересоваться политическими, философскими и экономическими вопросами, излагая свои взгляды в ряде статей. История его тоже подвигалась очень быстро. Щербатову еще при жизни приходилось защищать свой труд от общих нападков, особенно против Болтина. В 1789 г. он напечатал "Письмо к одному приятелю, в оправдание на некоторые скрытые и явные охуления, учиненные его истории от господина генерал-майора Болтина", что вызвало ответ Болтина и отповедь в свою очередь Щербатова, напечатанную уже после его смерти 1792 г. Болтин указывал на ряд ошибок Щербатова: 1) в чтении летописи, вроде превращения "стяга" в "стог", "идти по нем" в "идти на помощь" и так далее и 2) на полное незнакомство Щербатова с исторической этнографией и географией. Действительно, история Щербатова очень страдает в этом отношении. Щербатов не сумел ориентироваться в древней этнографии, а ограничился пересказом известий по французским источникам, да и то "столь смутно и беспорядочно, по его собственному заявлению, что из сего никакого следствия истории сочинить невозможно". Но дело в том, что этот вопрос был наиболее темным, и только Шлецеру удалось внести туда некоторый свет. Во всяком случае, Щербатов зачастую является более сведущим и осторожным, чем Болтин. В обработке летописи Щербатов, несмотря на всю массу промахов, в которых его упрекали, сделал шаг вперед сравнительно с Татищевым в двух отношениях. Во-первых, Щербатов ввел в ученое пользование новые и очень важные списки, как синодальный список Новгородской летописи (XIII и XIV века), Воскресенский свод и другие. Во-вторых, он первый правильно обращался с летописями, не сливая показания разных списков в сводный текст

и различая свой текст от текста источников, на которые он делал точные ссылки, хотя, как замечает Бестужев-Рюмин, его способ цитировать по номеру отнимает возможность проверки. Как и остальные наши историки XVIII века, Щербатов еще не различает вполне источника от его ученой обработки, и потому предпочитает, например, Синописис – летописи. Не по силам еще Щербатову и выбор данных; послушно следуя за источниками, он загромождает свой труд мелочами. Много добра русской истории Щербатов принес обработкой и изданием актов. Благодаря его истории, наука овладела первостепенной важности источниками, как: духовными, договорными грамотами князей, памятниками дипломатических сношений и статейными списками посольств; произошла, так сказать, эмансипация истории от летописей и указана была возможность изучения более позднего периода истории, где показания летописи оскудевают или совсем прекращаются. Наконец, Миллер и Щербатов издали, а частью приготовили к изданию много архивного материала, особенно времен Петра Великого. Полученный из летописей и актов материал Щербатов связывает прагматически, но его прагматизм особого рода - рационалистический или рационалистически - индивидуалистический: творцом истории является личность. Ход событий объясняется воздействием героя на волю массы или отдельного лица, причем герой руководствуется своекорыстными побуждениями своей натуры, одинаковыми для всех людей в разные эпохи, а масса подчиняется ему по глупости или по суеверию и т. п. Так, например, Щербатов не пытается отбросить летописный рассказ о сватовстве византийского императора (уже женатого) на 70-летней Ольге, но дает ему свое объяснение: император хотел жениться на Ольге с целью заключить союз с Россией. Покорение Руси монголами он объясняет чрезмерной набожностью русских, убившей прежний воинственный дух. Согласно со своим рационализмом Щербатов не признает в истории возможности чудесного и относится холодно к религии. По взгляду на характер начала русской истории и на общий ход ее Щербатов стоит ближе всего к Шлецеру. Цель составления своей истории он видит в лучшем знакомстве современной ему Россией, то есть смотрит на историю с практической точки зрения, хотя в другом месте, основываясь на Юме, доходит до современного взгляда на историю, как науку, стремящуюся открыть законы, управляющие жизнью человечества. У современников история Щербатова не пользовалась успехом: ее считали неинтересной и неверной, а самого Щербатова – лишенным исторического дарования; но это, как видно из сказанного, неверно, и Карамзин нашел для себя у Щербатова довольно обильную пищу. Щербатов, как публицист, интересен, главным образом, как убежденный защитник дворянства. Его политические и социальные взгляды недалеко ушли от той эпохи. Из его многочисленных статей - "Разговор о бессмертии души", "Рассмотрение о жизни человеческой", "О выгодах недостатка" и др., особый интерес представляет его утопия – "Путешествие в землю Офирскую господина С. извецкого дворянина" (не кончено). Идеальное Офирское государство управляется государем, власть которого ограничена высшим дворянством. Остальные классы, даже рядовое дворянство, доступа к высшей власти не имеют. Необходимости для каждого гражданина принимать участие в правлении, необходимости обеспечения личной свободы Щербатов не знает. Первым сословием является дворянство, вступление в которое запрещено. Оно одно обладает правом владеть населенными землями; рекомендуется даже (в статье по поводу голода в 1787 году) всю землю отдать дворянам. Но и дворян Щербатов стесняет целой массой мелочных правил. Признавая значение образования, Щербатов требует умножения числа школ, но не дает образованным людям прав дворянина. Областное управление, на которое особенно нападал Щербатов, он строит, однако, в прежнем духе, стесняя его еще больше увеличением канцелярщины и формализма. Военную службу он рекомендует организовать по типу военных поселений, что позднее было сделано в России и потерпело полное фиаско. Рассудочность века наложила сильную печать на Щербатова. Особенно характерны взгляды его на религию офирцев: религия, как и образование, должна быть строго утилитарной, служить охранению порядка, тишины и спокойствия, почему

священнослужителями являются чины полиции. Другими словами, Щербатов не признает христианской религии любви, хотя это не мешает ему в статье «О повреждении нравов в России» нападать на рационалистическую философию и на Екатерину II, как на представительницу ее в России. До чего сам Щербатов проникся, однако, рационализмом, видно из его мнения, что можно в очень короткий срок пересоздать государство и что можно установить на целые тысячелетия незыблемый порядок, в котором нужны будут только некоторые поправки.

КАРАМЗИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (1766 – 1826)

Выдающийся русский историк, писатель и общественный деятель. В своей многотомной "Истории государства российского" стремился раскрыть идейные и моральные мотивировки действий исторических личностей. Психологический анализ является для него основным приемом объяснения исторических событий.

ПОГОДИН МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1800 – 1875)

Русский историк, писатель, академик Петербургской АН (1841). Сын крепостного "домоправителя" у графа Строганова, отпущенного на волю в 1806 г. В 1818 г. поступил в Московский университет. В университете начались складываться и ученые вкусы Погодина; он заинтересовался первоначальной русской деятельностью, вопросом о происхождении князей, а также вопросами общеславянской истории (перевел сочинения Добровского "О Кирилле и Мифодии"). Почти во всех своих взглядах он находил противника в лице тогдашнего профессора русской истории Каченовского, с которым вел сильную полемику и впоследствии, будучи уже его сотоварищем по профессуре. Окончив курс в 1823 г., Погодин через год защитил магистерскую диссертацию "О происхождении Руси", где явился защитником норманнской школы и беспощадным критиком теории хазарского происхождения русских князей, за которую стоял Каченовский. Диссертация эта была приветствована Карамзиным, с одной стороны, и специалистами-историками Шлецером и академиком Кругом - с другой. В своей диссертации Погодин обнаружил недюжинные критические способности. В 1826 – 1844 годах – профессор Московского университета. Первоначально ему было поручено читать всеобщую историю для студентов первого курса. В 1835 г. он был переведен на кафедру русской истории, в 1841 г. избран в члены второго отделения Академии Наук (по русскому языку и словесности); был также секретарем "Общества Истории и Древностей Российских" и заведовал изданием "Русского исторического Сборника", где поместил важную статью "О местничестве". К концу профессорской деятельности Погодина относится начало издания им "Исследований, лекций и замечаний", на которых и зиждется, главным образом, значение Погодина как историка; здесь он всего больше обнаружил свой критический талант и меньше всего отрицательную сторону своего ума – чрезмерное пристрастие к фантастическим построениям. "Исследования" (7 томов), доведенные до татарского периода русской истории, и теперь служат одним из необходимых пособий для занимающихся специально древней историей. В это же время Погодин начал собирание своего "Древнехранилища", заключавшего в себе массу памятников, как письменных, так и вещественных, русской старины. Рукописная часть этого собрания, купленного позже Николаем I.

Погодин несколько раз бывал за границей; из его заграничных путешествий наибольшее значение имеет первое (1835), когда он завел в Праге близкие сношения с видными представителями науки среди славянских народностей: Шафариком, Ганкой и Палацким. Это путешествие несомненно способствовало сближению русского ученого мира со славянским. С 1844 г. специально – ученая деятельность Погодина замирает и возрастает только к концу его жизни. К 1860 г. относится его публичный диспут с Костомаровым по вопросу о происхождении русских князей. Прав в этом диспуте был скорее Погодин, что не было замечено публикой, интересовавшейся противниками как

представителями известных общественных партий, а не как учеными-исследователями. В конце жизни Погодин вел полемику по тому же вопросу с Д.И. Иловайским. В 1872 г. им была издана "Древняя русская история до монгольского ига", не прибавившая ничего к его славе. На ученых трудах Погодина не отразилось то философское настроение, которое охватило Московский университет в 30-х и 40-х годах: сильный как специалист-исследователь, Погодин был слаб как мыслитель. Совмещая увлечение Шеллингом с патриархальной московской закваской, Погодин в своих взглядах держался так называемой теории официальной народности и примыкал, вместе с профессором Шевыревым, к партии, защищавшей эту теорию аргументами немецкой философии. Свои взгляды он проводил в двух издававшихся им журналах: "Московском Вестнике" (1827 – 30) и "Москвитяине" (1841 – 1856). Первому пришлось бороться с колоссом русской журналистики начала 30-х годов, "Московским телеграфом". Почти исключительно литературный по содержанию, "Московский Вестник" был зачастую чересчур учен по тону и потому, несмотря на участие Пушкина, полного успеха не имел. Другой журнал Погодина, "Москвитяин", имел программу более политического характера. Здесь нашло прибежище начавшее обособляться в то время от общегегельянских увлечений славянофильское направление. Славянофилам пришлось работать здесь вместе с защитниками теории официальной народности, со стремлениями которой они имели лишь чисто внешнюю близость, вводя в формулу ее совершенно иной смысл и защищая ее другими средствами. В истории науки имя "Москвитянина" связано с полемикой против теории родового быта, представителями которой были Соловьев и Кавелин. Критика крайностей этой теории удалась Погодину больше, чем оценка положительных сторон ее. "Москвитяин" выдвигал на очередь общеславянские вопросы и отстаивал право западнославянских народностей на национальную свободу, в то время, когда, по словам К.Н. Бестужева-Рюмина, "модным убеждением было мнение, что австрийский жандарм есть цивилизующее начало в славянских землях". Недостаток философского образования и внешние неблагоприятные условия не дали Погодину выработаться в мыслителя и общественного деятеля, на роль которого он претендовал. Любовь к знанию и природный ум сделали его видным историком-исследователем, с несомненным значением в русской историографии.

ДАНИЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1822 – 1885)

Русский мыслитель, публицист, идеолог панславизма. Основная работа – "Россия и Европа". Считается одним из основоположников цивилизационного подхода к осмыслению истории человечества.

ЛЕОНТЬЕВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ (1831 – 1891)

Русский мыслитель, писатель публицист, представитель консервативного направления русской общественной мысли. Один из основоположников цивилизационного подхода к пониманию исторического процесса. Основная работа – "Византизм и славянство".

ЩАПОВ АФАНАСИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ (1831 — 1876)

Русский историк и публицист. Родился в семье пономаря. В 1852 – 1856 годах учился в Казанской духовной академии. На последнем курсе он весь отдался своей студенческой магистерской диссертации, вышедшей в 1858 г. в Казани под заглавием "Русский раскол старообрядства". Всецело отрешиться от общепринятой до тех пор точки зрения Щапов не мог; тем не менее книга его была совершенно новым явлением и обратила на себя всеобщее внимание. Щапов рассматривает раскол не только как религиозное, но и как историческо-бытовое и социальное явление: в нем, по мнению Щапова, сохранился, так сказать, окаменелый осколок древней России, выразилась русская народность XVII века, в ее отрешенности от иноземных элементов реформы

Петра Великого и XVIII столетия, проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религиозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная. Позднее Щапов еще дальше развил свои мысли в статье "Земство и раскол" ("Отечественные Записки", 1862). Точка зрения Щапова была подхвачена Аристовым, его учеником, в "Устройстве раскольничьих общин" ("Библиотека для чтения", 1863, 7), В. Формаковским – в статье "О противогосударственном элементе в расколе" ("Отечественные Записки" 1866 г.), Андреевым – в его исследовании "Раскол и его значение в русской жизни" (1870) и др. Важность работы Щапова признает и такой осторожный историк, как Бестужев-Рюмин. В академии Щапов читал историю русской церкви, останавливаясь главным образом на анализе взаимодействия византийских начал со славяно-русским языческим мировоззрением, давшего новый специфически русский строй религиозных представлений. Дальнейшую разработку этих лекций дали его "Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого)", в "Журнале Министерства Народного Просвещения" (1863). Под влиянием своего учителя Елисеева, а также В.И. Григоровича и С.В. Ешевского и собственной неустанной работы, Щапов вырабатывает свой взгляд на ход русской истории и на методы ее исследования. Связь мировоззрения Щапова со славянофильством вне всякого сомнения; он, как и славянофилы, изучал не только то, как поступало и что делало правительство по челобитным, а то, о чем просили в челобитных, какие нужды и требования высказывались в них. Его теорию удобнее всего можно назвать земской или общинно-колониационной. "По старинному народному принципу... – земля составляла основу всего народного бытового строя". Отсюда название областей "землями" и людей "земскими". Вольный процесс устройства народом земского мира совершался в такой естественной последовательности: "рядом, на одной земле и воде, в колониационно-географической и общинно бытовой связи, сами собой, без всяких указов, устроились... два первичных мира - городской и сельский, город и село... В лесу посажался починок и разрастался в село". К нему приселялись "починки", "деревни на поле", "приселья" и т. д., которые образовывали уезд или волость; отсюда "село с уездом". Каждое поселение составляло особый мир, равно как и уезд, почему в актах и говорится без различия: со всею волостью или со всем миром. Из первичных сел или починок "на почве вольнонародного, земского строения, путем торга и промысла" выросли посады и образовались посадские миры, почему и городские общины назывались мирами. Волостные или уездные миры естественно-историческим путем по речным системам и волокам смыкались в областные общины. В жизни областей были две "последовательно-преемственные формы": особно-областная и соединенно-областная. Характерная особенность первой: вольное устройство путем колонизации на особой речной системе или отдельном волоке; стремление местных общин к "особности"; деление населения на историко-этнографические группы по областям; местное "земскосоветие", федеративное взаимодействие и междоусобная борьба областных единиц. Следовательно, истории русской земли нет; есть только история отдельных областей и их отношений между собой. Соединенно-областная форма возникла после Смутного времени, после розни областных общин и решения их, на своих областных земских соборах, быть в единении, любви и совете; так появилась земско-областная федерация. Таким же путем смыкания снизу вверх возникло и управление на почве колониационного устройства и географического соотношения. Сельский мир управлялся сельским мирским сходом, волостной – волостным и т. д. Земский собор всех людей русской земли был выражением соединенно-областной организации русской земли. В построении Щапова очень видную роль играет колонизация, которая стоит в зависимости от распределения экономических ценностей и, в свою очередь, определяет их ("Историко-географическое распределение русского народа", в "Русском Слове" 1864 и 1865 годов). В 1860 г. Щапов был приглашен профессором русской истории в университет, где имел выдающийся успех

16 апреля 1861 г. произнёс революционную речь на панихиде по жертвам Бездененского выступления 1861 г., был арестован и препровожден в Петербург. Министр внутренних дел Валуев взял Щапова на поруки и назначил его чиновником министерства по раскольничьим делам, но Щапов, выбитый из колеи, не мог уже с прежним научным спокойствием продолжать своих работ. С одной стороны, он поддался тогдашнему увлечению естественными науками и пытался применить "естественно-научный" метод к своим исследованиям; с другой стороны, он не мог, при своей горячей натуре, отнестись индифферентно к тогдашнему общественному движению. В 1862 г. уволен со службы и находился под полицейским надзором. Сотрудник журналов: «Отечественные записки», «Русское слово», «Время», «Век» и др. В 1864 г. Щапов, по подозрению в связях с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, был сослан в Иркутск, где продолжал много работать, главным образом по местным вопросам. В 1866 г. участвовал в качестве этнографа в экспедиции Сибирского отдела Русского географического общества в Туруханский край. Последние его труды вызвали строгие отзывы критики и не могут, действительно, идти в сравнение с прежними работами. В 1874 г. скончалась его жена Ольга Ивановна, которая всю себя посвятила своему мужу, а в 1876 г. последовал за нею и сам Щапов (умер от туберкулеза).

Щапов – автор многих работ по истории сектантства и раскола, которые он рассматривал как проявление народного протеста против социального гнёта. В 1856 – 1864 гг. Щапов под влиянием Г.З. Елисеева и С.В. Ешевского выступил сторонником принятой в русской демократической историографии т. н. «земско-областнической теории», рассматривая историю России в свете взаимоотношения отдельных «областей». Позднее, находясь в ссылке, Щапов подверг критике эту теорию и пытался под влиянием идей Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Г.Т. Бокля и позитивистов изучать исторические закономерности развития русского народа с помощью естественнонаучных методов. Под влиянием выдвинутых Щаповым идей в русской исторической науке наметилась прогрессивная для своего времени тенденция к изучению влияния географического фактора и экономической жизни, нашедшая отражение в работах В.О. Ключевского др. Труды Щапова разбросаны в разных периодических изданиях и только немногие изданы отдельно.

ЧИЧЕРИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ (1828 – 1904)

Русский философ, историк, публицист и общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1849), ученик Т. Н. Грановского. В 1853 г. защитил магистерскую диссертацию «Областные учреждения России в XVII в.» (опубл. 1856), оставлен при университете, с 1861 г. – профессор кафедры русского права. В 1866 защитил в качестве докторской диссертации книгу «О народном представительстве» (1866). В 1868 г. вместе с группой профессоров вышел в отставку в знак протеста против нарушения университетского устава, жил в с. Караул, вёл научную работу, участвовал в деятельности земства. В 1882 – 1883 годах – московский городской голова, уволен в отставку по приказанию императора Александра III за речь на коронации, в которой царь ошибочно усмотрел намёк на требование конституции.

С середины 1850-х гг. Чичерин – один из лидеров либерально-западнического крыла в русском общественном движении. Написанное Чичериным и К. Д. Кавелиным «Письмо к издателю» (опубл. в «Голосах из России», т. 1) явилось первым печатным программным документом русского либерализма. В сентябре 1858 г. Чичерин ездил в Лондон для переговоров с А. И. Герценом об изменении направления пропаганды Вольной русской типографии. Попытка Чичерина склонить Герцена к уступкам либералам закончилась полным разрывом, который стал этапом размежевания либерализма и демократии в русской общественной мысли 2-й половины XIX в. Чичерин характеризовал крестьянскую реформу 1861 г. как «лучший памятник русского законодательства», резко отрицательно отнёсся к деятельности революционных демократов, осенью 1861 г.

выступил против студенческого движения, поддерживал реакционную политику правительства в отношении Польши и Польского восстания 1863 – 1864 гг. Сформулированный Чичериным политический принцип «либеральные меры и сильная власть» встретил поддержку в правительственных кругах. В своих сочинениях Чичерин развивал идею постепенного перехода путём реформ от самодержавия к конституционной монархии, которую он считал идеальной для России формой государства. Чичерин – виднейший теоретик т. н. государственной школы в русской историографии, создатель теории «закрепощения и раскрепощения сословий», согласно которой правительство в XVI – XVII вв. создало сословия и подчинило их себе в общегосударственных интересах; впоследствии, когда в ходе исторического развития нужда в «насильственной пожизненной службе сословий» отпала, оно якобы начало их раскрепощать. Эта концепция явилась теоретическим обоснованием буржуазно-дворянского либерализма, в основе которого лежала идея реформ «сверху». В области философии Чичерин — крупнейший представитель правого гегельянства в России. В последние годы жизни Чичерин написал ряд работ по естественным наукам (химии, зоологии, начертательной геометрии). «Воспоминания» Чичерина (ч. 1 – 4, М., 1929 – 1934) – ценный источник по истории общественной жизни и движения 2-й половины XIX в.

СОЛОВЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1820 - 1879)

Русский историк, родился в Москве в семье священника. В 1842 году окончил Московский университет. В 1842 – 1844 гг. был за границей, как домашний воспитатель детей графа А.П. Строганова, слушал лекции выдающихся западноевропейских историков во Франции и Германии (Ф. Гизо, Ж. Мишле, Л. Ранке и др.). В 1845 году начал читать курс русской истории в Московском университете и защитил магистерскую диссертацию "Об отношении Новгорода к великим князьям", а в 1847 году – докторскую – "История отношений между русскими князьями Рюрикава дома". С 1847 года профессор Московского университета. В 50-70-х годах Соловьев опубликовал ряд исследований, очерков, статей, руководствуясь принципом, заявленным в его "Исторических письмах" (1856): наука должна отвечать на вопросы жизни. В год польского восстания (1863) появилась "История падения Польши", а в 1877 году, когда началась русско-турецкая война, вышла книга "Император Александр I. Политика, дипломатия". Соловьевым написаны также несколько работ по проблемам теории исторической науки ("Наблюдение над исторической жизнью народов", "Прогресс и религия" и др.) и историографии ("Писатели русской истории XVIII века", "Н.М. Карамзин и его "История государства Российского" и др.). Событием не только в научной биографии Соловьева, но и в общественной жизни стали "Публичные чтения о Петре Великом" (1872).

В 1864 – 1870-х годах Соловьев занимал должность декана историко-филологического факультета, а в 1871 – 1877 годах – ректора Московского университета. В последние годы жизни был председателем Московского общества истории и древностей Российских, а также директором Оружейной палаты.

Главным делом жизни Сергея Михайловича явилось создание «Истории России с древнейших времен». В 1851 – 1879 годах вышло 28 томов, а последний 29, доведенный до 1775 года, вышел посмертно.

Человеческое общество представлялось Соловьеву целостным организмом, развивающимся "естественно и необходимо". Он отказался от выделения "норманского" и "татарского" периодов в русской истории и стал считать главным не завоевания, а внутренние процессы развития (колониционное движение, возникновение новых городов, изменение взгляда князей на собственность и характер своей власти).

Будучи сторонником сравнительно-исторического метода и указывая на общность черт в развитии России и Западной Европы, ученый вместе с тем отмечал и своеобразие в развитии России, заключавшееся по его мнению, прежде всего в географическом

положении страны (между Европой и Азией), вынужденной вести многовековую борьбу со степными кочевниками.

Сводя историческое развитие в конечном счете к изменению государственных форм, Соловьев отводил общественно-экономической жизни страны второстепенную роль по сравнению с историей политической. Огромный исторический материал изложен им в "Истории России с древнейших времен" на основе идеи исторической закономерности, все факты связаны в единую стройную систему. Благодаря этому ученый дал исключительную по силе и выразительности целостную картину русской истории на протяжении веков. Его труды оказали глубокое влияние на всех последующих русских историков.

КЛЮЧЕВСКИЙ ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ (1841 – 1911)

Русский историк. Родился в семье священника. В 1865 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1867 году начал преподавательскую деятельность (Александровское военное училище, Московская духовная академия, Высшие женские курсы и др.) В 1872 году защитил магистерскую диссертацию "Древнерусские жития святых как исторический источник", в 1882 году – докторскую диссертацию "Боярская дума Древней Руси". С 1879 года доцент, с 1882 года профессор русской истории Московского университета, с 1889 года – член корреспондент Петербургской Академии наук, с 1900 – академик, а с 1908 года – почетный академик по разряду изящной словесности. Действительный тайный советник.

В своих трудах В.О.Ключевский концентрировал внимание на анализе социальных и экономических факторов в истории общества, что было новым явлением в русской дооктябрьской историографии. Уже в "Сказаниях иностранцев о Московском государстве" (1866) Ключевский отвел много места описанию занятий населения. В работе "Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в беломорском крае" (1867 – 1868) и в монографии "Древнерусские жития святых как исторический источник" (1871) он пришел к выводу о решающем значении географического фактора в колонизации и истории России. Колонизацию Ключевский, в противовес С.М. Соловьеву, рассматривал как процесс, обуславливаемый не деятельностью государства, а природными условиями страны и ростом народонаселения. В монографии "Боярская дума Древней Руси" (1882) Ключевский пытался проследить общественно-политическое развитие страны в X – XVIII вв., в ней он заложил основы своей концепции русского исторического процесса в целом. Он пытался проанализировать процесс развития общественных классов (по его терминологии – промышленный класс и служилый класс), их взаимоотношения и роль в экономической и общественно-политической жизни страны. Развитие классов Ключевский связывал с материальной стороной жизни общества, подчеркивая различие прав и обязанностей отдельных классов. Однако Ключевский не признавал классовых противоречий и классовой борьбы основой исторического процесса и считал государство примиряющим общенародным началом.

Среди крупных работ историка "Состав представительства на земских соборах Древней Руси" (1890 – 1892), "Императрица Екатерина II. 1786-1796 гг." (1896), "Петр Великий среди своих сотрудников" (1901).

В Московском университете Ключевский читал с начала 80-х годов общий курс истории России с древнейших времен до XIX века. «Курс русской истории» Ключевского – единственная в русской историографии попытка путем постановки основных (по мнению историка) теоретических проблем экономической, общественной и культурной жизни проследить процесс исторического развития России и обосновать общие закономерности развития народа и общества. "Курс русской истории" неоднократно переиздавался в нашей стране.

Имя Ключевского пользовалось широкой популярностью среди интеллигенции и студенчества. Он был блестящим и остроумным лектором, великолепным стилистом.

б) середина XVIII в.   г) начало XVII в.

7. «Синопсис» это:

- а) историческая повесть   в) сводный труд летописного характера
б) учебное пособие   г) историческая публицистика

8. Когда появляются первые исторические научные общества?

- а) в середине XIX в.   в) в начале XIX в.
б) в конце XVIII в.   г) в середине XVIII в.

9. Кто из историков XVIII века первый обратил внимание на необходимость тщательного изучения исторических источников?

- а) М.В. Ломоносов   б) П.И. Шафиров   в) М.М. Щербатов   г) В.Н. Татищев

10. Укажите содержание хронографов XVII века:

- а) библейская история   в) история «Смуты» и воцарения Романовых
б) всемирная история   г) история славянского мира

11. Укажите соответствие между вспомогательной исторической дисциплиной и ее дефиницией:

1. Топонимика
2. Геральдика
3. Палеография
4. Генеалогия
5. Сфрагистика

А. Наука, изучающая печати

Б. Наука, исследующая рукописи

В. Наука о происхождении, возникновении и развитии родственных семейных отношений

Г. Наука, изучающая эволюцию географических названий

Д. Наука, изучающая гербы, символы и их элементы

12. Соотнесите историков и их взгляды на сущность исторического процесса в России:

1. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий
2. М.Н. Покровский, М.В. Нечкина
3. К.Д. Кавелин, А.А. Кизеветтер
4. А.С. Хомяков, К.С. Аксаков

А История России – это движение от родовых отношений к государственным. Государство – важнейшая движущая сила исторического развития России.

Б Самобытность исторического пути России. Отрицание тождественности всемирно исторического процесса. Реформы Петра I направили Россию по неверному пути.

В Россия – это часть культурно-исторического образования «Евразия». Противопоставление исторических судеб и интересов России и Запада.

Г Странники формационной концепции исторического развития. Главным содержанием истории является классовая борьба.

13. Укажите соответствие между методом исторического исследования и его сущностной характеристикой:

1. Метод исторического моделирования

2. Статистический метод
3. Проблемно-хронологический метод
4. Хронологическо-проблемный метод
5. Сравнительный метод

А Изучение одной стороны исторического процесса (быт и нравы, политическая система) в ее последовательном развитии.

Б Изучение исторического прошлого при помощи проецирования исторических событий на современную действительность для определения возможных последствий актуальных сегодня процессов.

В Установление взаимосвязи между историческими процессами, протекавших в одно и то же время в разных регионах государства с целью определения специфики их развития.

Г Использование для изучения истории цифровых количественных показателей для объективизации исторических данных

Д Исследование истории России по определенным периодам, а внутри исторических эпох – по проблемам.

14. Установите соответствие между историками и их воззрениями на проблему образования древнерусского государства:

1. Р.Г. Скрынников, В.Я. Петрухин
2. Б.А. Рыбаков, М.В. Ломоносов
3. Т.З. Байер, А.Л. Шлёцер

А Древнерусское государство создано норманнами. Слово «Русь» – скандинавского происхождения.

Б Вклад скандинавов в строительство древнерусского государства был очень значительным. Норманны во многом определили характер политической и социальной системы древнерусского государства. Термины «варяги» и «Русь» синонимичны.

В Образование древнерусского государства – это многофакторный процесс. Древняя Русь сформировалась благодаря внутреннему социальному, политическому и экономическому развитию. Роль варягов в образовании Киевской Руси – ничтожна

15. Установите соответствие:

- 1 Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, Ф.И. Леонтович
- 2 С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов
- 3 Л.Н. Гумилев
- 4 В.Б. Кобрин, М.Д. Полубояринов, А.Л. Юрганов

А Монголо-татары искали в Руси «не врагов, а друзей», «союз с татарами оказался благом для Руси с точки зрения установления порядка внутри страны».

Б Золотоордынское иго задержало экономическое и политическое развитие страны, отбросив создание централизованного государства, как минимум, на полвека. Оно определило «азиатское начало» России, развитие крепостничества и самодержавия. Иго сломало историческую судьбу России.

В Признание преимущественно позитивного по характеру воздействия монголо-татар на развитие Руси. Монголо-татары способствовали установлению в русских землях единоначалия.

Г Зависимость от Золотой Орды незначительно сказалась на развитии русских земель. Иго – это не основной фактор развития русских земель в XIII – XVI вв. Оно ускорило одни процессы и задержало другие.

16. Соотнесите историка и его оценку опричнины:

- 1 Н.М. Карамзин
- 2 С.М. Соловьев
- 3 В.О. Ключевский
- 4 А.А. Зимин, В.Б. Кобрин
- 5 А.М. Панченко, А.Л. Юрганов

А Репетиция «страшного суда» на земле

Б Антиудельная и антикрестьянская направленность

В Борьба против старых родовых и утверждение новых государственных начал

Г Сверхцентрализация государственной власти

Д Психическое расстройство Ивана IV

17. Соотнесите историка и его оценку Смуты:

- 1 С.Ф. Платонов
- 2 М.Н. Покровский
- 3 А.П. Новосельцев
- 4 Н.М. Карамзин
- 5 В.Н. Татищев

А Главной причиной Смутного времени является династический кризис конца XVI века, прерывание династии Рюриковичей.

Б Смута – это гражданская война начала XVII века.

В Смута – всесторонний кризис русского общества, отягощенный иностранным вторжением. В Смутном времени выделяются три периода: династический, социальный и национальный.

Г Смута – это следствие борьбы боярских родов.

Д Причины Смуты лежат в закреплении народных масс. Главной авангардной силой здесь выступало крестьянство, поэтому периодизацию Смутного времени следует начинать с 1601 – восстания Хлопка. Смута – это крестьянская революция

18. Соотнесите историков и их оценки реформ Петра I:

- 1 В.Н. Татищев, С.М. Соловьев
- 2 К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Н.М. Карамзин
- 3 Е.В. Тарле, В.И. Буганов, Н.И. Павленко
- 4 Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский

А Петровские реформы разрушили русские национальные устои. Подчинение церкви государству исказило суть и смысл русского самодержавия и превратило его в аналог западноевропейского абсолютизма.

Б Реформы Петра I были противоречивы, проводились насильственно-репрессивными методами и привели к перенапряжению народных сил.

В Преобразования Петра I носили, несомненно, прогрессивный характер. Благодаря революционному реформированию Россия стала великой державой и приобщилась к европейской цивилизации.

Г Петровские преобразования оценивались как прогрессивные в рамках классовых определений исторического прошлого

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

I. Создание тестов (15-20) по теме на выбор студента

Историография как научная дисциплина
 Историческая мысль Древней Руси.
 Историческая мысль в Русском государстве второй пол. XV – XVI вв.
 Российская историческая мысль XVII в.
 Исторические знания в России в первой четверти XVIII в.
 Становление исторической науки в России в середине XVIII в.
 Историческая наука в России во второй половине XVIII в.
 Развитие исторической науки в России в первой трети XIX в.
 Российская историческая наука во второй трети XIX в.
 Петербургская и Московская исторические школы
 Основные направления российской исторической науки в последней трети XIX – начале XX вв.

II. Аннотация 1 работы российского историка на выбор студента

Список исторических трудов для аннотирования

1. Татищев В.Н. Избранные произведения. М., 1979.
2. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 1983.
3. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1988 – 1989. Кн. 1 – 3.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.
5. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. В 2-х кн. М., 1990.
6. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1989.
7. Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти книгах. М., 1988-1996.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1992.
9. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1993.
10. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти томах. М., 1987 – 1988.
11. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х книгах. М., 1993 – 1995.
12. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII веков. М., 1990.
13. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1994.
14. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.
15. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. М., 1996.
16. Леонтьев К. Избранное. М., 1993.
17. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

Что такое аннотация и как ее писать*

Аннотация – это краткое, обобщенное описание (характеристика) текста **книги**, статьи.

Перед текстом аннотации даются выходные данные (**автор**, название, место и время **издания**) в номинативной форме. Эти данные можно включить и в первую часть аннотации.

Аннотация в книге обычно состоит из двух частей. В первой части формулируется основная тема книги, статьи; во второй части перечисляются (называются) основные положения.

Субъект действия в аннотации обычно не называется, потому что он ясен, известен из контекста; активнее употребляются пассивные конструкции (глагольные и причастные).

Образцы клишированных **аннотаций**

В **книге** исследуется (что?)...

Показан (что?)...

Большое место в работе занимает рассмотрение (чего?)...

В **монографии** дается характеристика (чего?)...

Исследование ведется через рассмотрение таких проблем, как...

В **книге** анализируется (что?)...

Главное внимание обращается (на что?)...

Используя (что?), **автор** излагает (что?)...

Отмечается, что...

Подчеркивается, что...

В **книге** дается (что?)...

Раскрываются (что?)...

Описываются (что?)...

Особое внимание уделяется вопросам (чего?)...

В работе нашли отражение разработка проблем (чего?), вопросы (чего?)...

Показывается (творческий) характер (чего?)...

Устанавливаются критерии (чего?)...

В **книге** подробно освещаются (что?)...

Характеризуется (что?)...

Рассматривается (что?)...

В **монографии** на основе анализа (чего?) показан (что?)...

Констатируется, что...

Говорится о...

В заключение кратко разбирается (что?)...

*По материалам: «Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум». М.: Флинта: Наука, 2000 //http://www.press-book.ru/2009-10-23-21-08-12/8-2009-12-16-22-42-33/22-2009-11-03-08-21-32

III. Сообщение на семинарском занятии по одной из тем на выбор студента

1. История в летописях XII – XV вв. Особенности летописного изложения событий.

2. Летописи XVI – XVII в. об истории русских земель и Русского государства.

3. Нелетописные формы изложения истории в X – XVII вв.

4. Историки-академики второй трети XVIII в. об истории России.

5. М.М. Щербатов и его исторический рационализм и практицизм.

6. Критический подход И. Н. Болтина на историю России Леклерка и князя М.М. Щербатова.

7. Общественно-политические взгляды А.Н. Радищева.

8. Цивилизационная концепция Н.Я. Данилевского.

9. Официальная историография второй трети XIX в.

10. Исторические взгляды М.П. Погодина.

11. Н.А. Полевой и его «История Русского народа».

12. Исторические взгляды Н.И. Костомарова.

13. История в работах декабристов и А.С. Пушкина.
14. Становление государственной школы в российской историографии.
15. Б.Н. Чичерин и В.С. Сергеевич о роли государства в российской истории.
16. Особенности взглядов славянофилов на историю.
17. Основные работы и исторические взгляды Н. Бестужева-Рюмина.
18. Тематика исторических работ А.П. Шапова.
19. П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский о движущих силах истории.
20. Взгляды народников на историю России.
21. Вклад М.И. и В.И. Семевского в изучение истории России.
22. Особенности исторических взглядов Н.П. Павлова-Сильванского
23. Исторические взгляды Г.В. Плеханова.
24. Забелин об истории культуры.
25. Поиски принципов изучения российской истории в конце XIX – начале XX в.
26. «Экономический материализм» в изучении российской истории.
27. История России в работах П.Н.Милюкова.
28. П.Н. Милюков об истории русской общественной мысли и культуры
29. Исторические взгляды Н.П. Рожкова.
30. Исторические взгляды С.Ф. Платонова
31. А.С. Лаппо-Данилевский о месте истории в классификации наук.
32. А.С. Лаппо-Данилевский о психологическом факторе в истории.

IV. Конспект 4 статей по предмету

Как составить конспект*

Конспект представляет собой краткое изложение содержания статьи, параграфа или раздела. Обычно потребность в написании конспекта возникает, когда необходимо переработать большой объем информации в сжатые сроки. После прочтения правильно составленного конспекта материал легко воспроизводится в памяти.

Инструкция

1. Прежде чем начинать писать конспект научной статьи, вы должны четко понимать, что конспектирование целостной, законченной работы довольно серьезно отличается от конспектирования под диктовку в реальном времени, к примеру, на лекции. В этом случае ставится задача не просто зафиксировать изложение материала автором, а составить на его основе целостное, логически связанное изложение.

2. Начинайте работу с внимательного прочтения всей статьи целиком. В процессе чтения отметьте основные части статьи. Как правило, они включают в себя введение с постановкой проблемы, основную часть работы и заключение, содержащее выводы. В каждой части выделите основные мысли автора. Для этого удобно делать пометки на полях статьи карандашом, которые потом не трудно стереть.

3. Уяснив для себя основную суть статьи и выводы, сделанные автором, переходите к непосредственному написанию конспекта. Обратите внимание, что конспект предполагает краткое изложение материала и ваша работа по объему должна быть значительно меньше оригинальной статьи. Это значит, что не нужно переписывать авторский текст подряд. Выбирайте только самое необходимое.

4. Начинайте конспект с вводной части, содержащей постановку научной проблемы и основные исходные положения. Прежде чем писать, еще раз перечитайте первую часть (как правило, несколько абзацев) и выделите в тексте главные мысли, отбрасывая все сторонние рассуждения. При составлении конспекта не очень желательно переписывать текст дословно, цитировать его подряд. Будет намного лучше, если вы сможете переформулировать выделенные мысли своими словами.

5. Записав основные положения первой части статьи, переходите к следующему разделу и повторите с ним весь описанный ранее алгоритм действий. Если в статье содержатся какие-либо научные выкладки, формулы, постулаты, обратите на них особое внимание. Это тот фундамент, на котором строится вся доказательная база научной работы. Постарайтесь зафиксировать эти данные максимально точно.

6. Законспектировав основную часть статьи, особое внимание обратите на ее заключение и содержащиеся в нем выводы. Обычно в научных работах итоговые выводы излагаются в виде последовательных списков или тезисов. Но если этого нет, желательно самостоятельно привести заключительную часть к максимально формализованному виду. В дальнейшем такое изложение материала очень поможет при его усвоении и обработке.

*Подробнее: <http://www.kakprosto.ru/kak-246048-kak-pisat-konspekt-stati#ixzz3CEBycDgM>

ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ К ЗАЧЕТУ

1. Историография как научная дисциплина. Принципы и методы историографического познания.
2. Исторические знания на Руси X – XV вв.
3. Русская историческая мысль в XVI в.
4. Исторические повести первой половины XVII в. Эволюция летописания в XVII в.
5. Исторические труды второй половины XVII в. и их авторы.
6. Исторические сочинения первой четверти XVIII в.
7. Историческая концепция В.Н. Татищева.
8. Академия наук в середине XVIII в. и разработка вопросов русской истории (М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер).
9. А.Л. Шлецер и русская историческая наука.
10. Исторические труды М.М. Щербатова и И.Н. Болтина.
11. М.Д. Чулков, И.И. Голиков, П.И. Рычков в русской исторической науке.
12. Русские просветители второй половины XVIII в. и развитие исторической мысли.
13. Историческая концепция Н.М. Карамзина.
14. Исторические воззрения И.Г. Эверса, Н.А. Полевого, М.Т. Каченовского.
15. Историки М.П. Погодин и Н.Г. Устрялов.
16. Исторические взгляды славянофилов (К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков).
17. Государственная школа в русской историографии.
18. Историческая концепция С.М. Соловьева.
19. Демократическое направление российской историографии в середине XIX в. А.П. Щапов.
20. Исторические взгляды Н.И. Костомарова.
21. Российская историческая наука в последней трети XIX – начале XX вв.: методологические поиски, общие тенденции развития.
22. Теоретико-методологические аспекты научного наследия В.О. Ключевского. Общая концепция истории России в «Курсе русской истории».
23. Петербургская и Московская исторические школы в российской историографии: характерные черты, представители.
24. Консервативное направление в российской исторической мысли конца XIX – начала XX вв. Д.И. Иловайский.
25. Историософская концепция Л.А. Тихомирова.
26. Теория цивилизаций в русской исторической мысли.
27. Историки либерального направления в российской исторической науке конца XIX – начала XX вв. (П. Н. Милюков, Н.П. Павлов-Сильванский, Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов).
28. Исторические труды П.Н. Милюкова.
29. А.С. Лаппо-Данилевский: конкретно-исторические исследования и методология истории.
30. Исторические представления теоретиков народничества. Н.М. Михайловский.
31. Возникновение марксистской исторической концепции в России: Г.В. Плеханов, В.И. Ленин.
32. Исторические воззрения «легальных марксистов» (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский).
33. Исторические труды представителей меньшевистского крыла российской социал-демократии (Н.А. Рожков, Б.И. Николаевский).
34. Немарксистская историческая наука в послеоктябрьский период.

ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Основные историографические источники.

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: «Мысль». 1950.
2. Бердяев Н.А. Сочинения / Сост. вступ. статьи и прим. А.В. Гулыги. М., 1984.
3. Вернадский Г. Русская историография. – М.: Издательство «Аграф», 1998.
4. Вернадский Г. Русская история- М.: Издательство «Аграф», 1997.
5. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Ди-Дин, 1997.
6. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993.
7. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспресс, 1993.
8. Гумелёв Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М.: АСТ, 2009.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: «Книга», 1991.
10. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории //Учебники дореволюционной России по истории. М.: Просвещение 1993.
11. Иловайский Д.И. История России. М., 1876 – 1905. Т. 1 – 5.
12. Иловайский Д.И. Маленькие сочинения, статьи и письма. М., 1888 – 1896.
13. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
14. Карамзин Н.М. История Государства Российского./Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. М.: «Книга». 1988.
15. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Изд.- во: «Эксмо», 2002.
16. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника; Повести. М.: «Правда»,1980.
17. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М: «Наука», 1991.
18. Каченовский М.Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о «Русской Правде». М., 1849.
19. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: «Рассвет», 1992.
20. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.
21. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992.
22. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1987.
23. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В трёх книгах. Ростов на Дону: Изд-во «Феникс», 2000.
24. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступ. Статья и комментарии А.Н. Медушевского. М.: Прометей, 1991.
25. Ключевский В.О. О русской истории: [Сборник]/сост., авт. В.И. Буганова. М.:Просвещение,1993.
26. Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России./ Сочинения в 9 томах. Т. 8. М., 1990.
27. Ключевский В.О. В.Н. Татищев. / Сочинения в 9 томах. Т. 7. М., 1989.
28. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. / Сочинения в 9 томах. Т. 7. М., 1989.

29. Ключевский В.О. Методология русской истории / Сочинения в 9 томах. Т.6. М., 1989.
30. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. /Предисловие академика М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1968.
31. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. В 3 кн. Репринт. Воспроизведение издания 1873 – 1888 гг.«Книга и бизнес», 1990 – 1992.
32. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М.: Книга, 1989.
33. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях/Авт. Очерка и коммент. Б.Г. Литвак; Под общей редакцией Н.И. Павленко. М.: Республика, 1992.
34. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли»,1994.
35. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа /Составление, предисловие, примечания С.Л. Николаева. М.: Экономика, 1993.
36. Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1992.
37. Костомаров Н.И. Раскол. Смоленск, 1994.
38. Костомаров Н.И. Русская республика. Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Смоленск, 1994.
39. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. СПб, 1890.
40. Лаппо-Данилевский А.С. Методология Истории. М., 2006.
41. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры.XVII-XVIII вв. М., 1990.
42. Лаппо-Данилевский А.С. Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1989.
43. Ломоносов Михайло: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждение потомков. Стихи и проза о нём / Сост. Г.Е. Павлова, А.С. Орлов. М.: «Современник»,1989.
44. Мемуары декабристов. Южное общество. М.: МГУ, 1982.
45. Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Мысль, 1981.
46. Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки / П.Н. Милюков; Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская: Ин-т Российской истории. М.: Наука. 2002.
47. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М.: издательская группа «Прогресс-Культура», 1994.
48. Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки / П.Н. Милюков; Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская: Ин-т Российской истории. М.: Наука. 2002.
49. Пайпс Р. Русская революция. В 2 томах. М., 1994.
50. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
51. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов – на – Дону: Изд-во «Феникс», 1997.
52. Платонов С.Ф. Учебник Русской Истории. СПб., «Наука», 1994.
53. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. В 4-х томах. Т.2 – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1933.
54. Полевой Н.А. История русского народа. М., 1929 – 1933. Т. I – IV.
55. Полевой Н.А.Обозрение русской истории до единоподержавия Петра Великого. М.; СПб., 1846.

- 56 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1846 – 1859.
- 57 Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург. Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 6. М., 1976.
- 58 Пушкин А.С. Александр Радищев. Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 6. М., 1976.
- 59 Пушкин А.С. набросок предисловия к трагедии «Борис Годунов». Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 6. М., 1976.
- 60 Пушкин А.С. О втором томе «Истории русского народа» Н.А. Полевого. Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 6. М., 1976.
- 61 Пушкин А.С. Песнь о полку Игореве. Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 6. М., 1976.
- 62 Пушкин А.С. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 7. М., 1976.
- 63 Пушкин А.С. История Петра I. Собрание сочинений. В 10 – ти томах. Т. 8. М., 1977.
- 64 Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1984.
- 65 Радищев А.Н. Слово о Ломоносове / Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Художественная литература, 1984.
- 66 Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М. 1996.
- 67 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18 кн. М., 1988.
- 68 Соловьев С.М. История России с древнейших времен в 15 книгах / ответственный редактор доктор исторических наук Л.В. Черепнин. М., 1966.
- 69 Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
- 70 Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории / Сост. И вступ. Ст. С.С. Дмитриева; Комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойникова. М.: Правда, 1989.
- 71 Соловьев С.М. Об истории Древней Руси / Сост. автор предисл. и примеч. А. И. Самсонов - 2-е изд. М.: Просвещение, 1993.
- 72 Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории / авт. очерка и коммент. И.В. Волкова. М.: Республика, 1992.
- 73 Соловьёв С.М. Император Александр I: Политика. Дипломатия. М.: Мысль, 1995.
- 74 Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990.
- 75 Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
- 76 Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963.
- 77 Устрялов Н.Г. Начертания русской истории для учебных заведений. СПб., 1836.
- 78 Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1 – 2. СПб., 1836.
- 79 Хомяков А.С. Сочинения. М., 1986.
- 80 Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858
- 81 Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.

Учебники

1. Наумова Г.Р. Историография истории России: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2011.
2. Чернобаев А. Историография истории России. Учебное пособие. М., 2014.

Литература

1. Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1972.
2. Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.

3. Историки России XVIII-начала XX века. М., 1996.
4. Историки России. Биографии. М., 2001.
5. Историография истории России до 1917 года в двух томах / под. ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003.
6. Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.
7. Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996.
8. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.
9. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
10. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
11. Котляров А.Н. Историография дворянства и ее место в развитии исторической науки в России. (XVIII в.). Томск, 1990.
12. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947.
13. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989.
14. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Кризис историзма. Вып. 1, 2. Томск, 2001 – 2003.
15. Муравьев В.А. Историография истории СССР. XIX в. М., 1990.
16. Око всей великой России. М., 1989.
17. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1 – 3. М., 1961 – 1971.
18. Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940.
19. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.
20. Российские историки XVIII – XIX веков. Сборник материалов. Ч. 1 – 2. Томск, 2000.
21. Рубинштейн. Н.Л. Русская историография. М., 1941.
22. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.
23. Сидоренко О.В. Историография отечественной истории (IX – начало XX вв.). Учебное пособие. М., 2004.
24. Умбрашко К.Б. М.Т. Каченовский и «скептическая школа» об особенностях истории России. Новосибирск, 2001.
25. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.
26. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957.
27. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Тверь, 1993.
28. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Пояснительная записка	3
Раздел 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ	
Криволапова Ю.К. Образ ученого в трудах М. В. Ломоносова	4
Платонов С.Ф. Из введения...к “Полному курсу лекций по русской истории”	6
Веселовский С.Б. Дневники 1915, 1917 гг.	7
Медушевская О.М. Историк в динамике XX века	10
Шеуджен Э.А. Историографические источники и их современная модификация	17
Хут Л.Р. История историографии в человеческом измерении: интервью историков как историографический источник	21
Раздел 2. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В X – XVII ВВ.	
Джамирзова Б.А. Значение письменности в человеческой культуре	28
Начало русской литературы. Преподобный Нестор Летописец – отец российской истории	30
Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682 – 1695 гг.	33
Раздел 3. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В XVIII В.	
Кн. М. Оболенский. Сведения об авторе «ЯДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» А.И. Манкиеве	38
Павленко Н.И. Феофан Прокопович	39
Пичета В.И. Историография. I. Историография Северо-Восточной Руси	46
Климочкина А.Ю. Историческое наследие М.В. Ломоносова в оценках отечественной историографии	50
Раздел 4. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.	
Карамзин Н.М. История государства Российского	52
Пичета В.И. Историография. I. Историография Северо-Восточной Руси	53
Умбрашко К.Б. Русские историки XIX века об особенностях русского исторического процесса	57
Соловьев С.М. История России с древнейших времен	63
Ключевский В.О. Курс русской истории	64
Пресняков А.Е. Смутное время	65
Герцен А.И. О развитии революционных идей в России	66
Тюкачёв Н.А. Либеральная историография революционного народничества	66
Пушкарева Н.Л. Женщины древней Руси	71
Приложение	78